

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
НАУКИ
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ОТДЕЛ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ**

На правах рукописи

ЕФРЕМОВА Валентина Николаевна

**ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРАЗДНИКИ КАК ИНСТРУМЕНТЫ
СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Специальность:

23.00.02 – политические институты, процессы и технологии

Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель -
д.филос.н., проф. Малинова О.Ю.

Москва 2014

Оглавление

Введение	3
Глава I. Теоретические и методологические основания изучения государственных праздников в качестве инструментов символической политики	22
§1. Основные подходы к концептуализации символической политики	22
§ 2. Место и роль государственных праздников в символической политике. 39	
§3. Государственные праздники как «нестабильные символы»: элементы, практики, свойства	60
Глава II. Современные российские государственные праздники как предмет символической борьбы: акторы, идеологические интерпретации, практики празднования	77
§1. Этапы становления и трансформации государственных праздников в современной России.....	78
§2. Борьба за интерпретации советских государственных праздников и практики их использования (2005 – 2014 гг.).....	114
§3. Борьба за интерпретации новых государственных праздников и практики их использования (2005 – 2014 гг.)	144
Заключение	180
Список источников и литературы	186

Введение

Актуальность исследования. Праздники как коллективная форма деятельности во все времена являлись отражением глубоких изменений в ценностных ориентирах общества. Снижение потребности в празднике, утрата интереса к нему указывает на то, что воспроизводимые в праздновании ценности теряют свое значение. В свою очередь учреждение нового праздника или восстановление практик празднования ранее отмечавшегося события подразумевают смену ценностных приоритетов общества.

Конструирование и поддержание коллективной идентичности, легитимация существующего порядка, планирование будущего – часть функций, которые способны выполнять праздники в качестве инструментов символической политики государства. Утверждая в качестве нерабочего дня годовщину того или иного исторического события и придавая ей особый статус, властвующая элита продвигает определенное видение реальности, которое она считает необходимым для общества в данный момент. Смена политического режима обычно означает резкое изменение ориентиров внутренней и внешней политики. Однако не каждая смена власти ведет к «церемониальной революции» и отказу от символического наследия предыдущего периода¹. Изучая государственные праздники переходных и трансформирующихся обществ, можно узнать, как менялись ценностные ориентиры, каким образом происходила конкуренция идей и осуществлялся выбор приоритетов развития.

Российский случай преобразования государственных праздников является по-своему уникальным. Смена режима в начале 1990-х годов не повлекла за собой отмены советских праздников, однако потребовала от новой власти усилий по их адаптации к новым реалиям. Очевидно, что отрицание советской идеологии побуждало к поиску новых смыслов и

¹ Рольф М. Советские массовые праздники. – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 351-352.

нарративов праздников, которые могли бы лечь в основу пересмотра генеалогии российского государства. Таким образом, изучая российские праздники, мы можем проследить, каким образом происходил поиск идеологического обоснования нового демократического режима, а также выявить конкуренцию в сфере производства идей.

Потребность в осмыслении символического потенциала государственных праздников в России обуславливает актуальность внимания к практикам их использования властью и другими политическими акторами. С одной стороны, изучение государственных праздников позволяет зафиксировать особенности конструирования национальной идентичности, легитимации политического режима, что способствовало лучшему пониманию политических, социальных и культурных изменений в обществе. С другой – определить, какие политические силы участвуют в конкуренции за интерпретацию политической реальности, какие альтернативные символы и смыслы используются в поле символического производства.

Научная проблема диссертационной работы определяется потребностью в изучении государственных праздников не только в качестве традиции и культурной памяти, но и инструмента символической политики. В научной литературе подчеркивается, что государственные праздники должны играть ведущую роль в создании идеологизированной концепции национальной истории, ее внедрения в массовое сознание с целью легитимации проводимого политического курса². Альтернативные смыслы и символы, используемые другими политическими акторами, нередко позволяют обозначить социально-политические проблемы и потребности общества, а, следовательно, выступают маркерами общественных изменений. В связи с этим важно определить, какие функции и роль выполняют государственные праздники в качестве инструментов символической политики в современной России, т.е. проанализировать особенности

² См., например: Генкин Д.М. Массовые праздники. – М.: Просвещение, 1975. – 140 с.; Рольф М. Советские массовые праздники. – М.: РОССПЭН, 2009. – 440 с.

дискурсов, символов, нарративов, ритуалов и других элементов государственных праздников, используемых разными политическими акторами в политической борьбе за власть и ее удержание.

Основной исследовательский вопрос диссертации можно сформулировать следующим образом: Как государственные праздники используются в символической политике современного российского государства и других политических акторов?

Степень научной разработанности проблемы. Непосредственно теме данного диссертационного исследования посвящено не так много публикаций. Однако существует ряд работ, посвященных отдельным аспектам изучаемого предмета. Это позволяет при изучении практических аспектов использования праздников в российском контексте опираться на уже накопленный опыт.

Изучение и осмысление феномена праздника широко представлено в культурологических работах (М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, А.В. Бенифанд, Д.С. Лихачева, А.И. Мазаев, Я. Ассман, М. Литвинова, О. Орлов, С.С. Аверинцев, В.Н. Топоров³ и др.). Огромный вклад в исследование традиционных праздников и календарных ритуалов внес советский ученый филолог-фольклорист В.Я. Пропп⁴. А.Ф. Некрылова в книге «Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: Конец XVIII–начало XX века»⁵ анализирует русские народные праздники и их трансформацию. В рамках социальной антропологии феномен праздника изучали В. Тэрнер,

³ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – 2-е изд. – М., 1990. – 543 с.; Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства, (XVIII–начало XIX века). – 2-е изд., доп. – СПб.: Искусство-СПб, 2011. – 413 с.; Бенифанд А.В. Праздник: сущность, история, современность. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. – 144 с.; Лихачев Д.С. Смех в древней Руси // Лихачев Д.С. Избранные работы: в 3-х т. – Л.: Худож. литература, 1987. – Т.2. – С. 343-418; Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление. – М.: Наука, 1978. – 393 с.; Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.; Литвинова М.В. Социокультурная динамика массовых праздников и зрелищ. – Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2003. – 156 с.; Орлов О.Л. Праздничная культура России. – СПб., 2001. – 160 с.; Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 480 с.; Топоров В.Н. Праздник // Мифы народов мира: Энциклопедия. – М.: Наука, 1980. – Т. 2. – С.329.

⁴ Пропп В.Я. Русские аграрные праздники: Опыт историко-этнографического исследования. – М.: Лабиринт, 2009. – 176 с.

⁵ Некрылова А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: Конец XVIII–начало XX века. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 256 с.

Л.А. Абрамян⁶, социологии – Э. Дюркгейм, О.В. Калачева⁷. К проблеме праздника в той или иной мере обращались философы Ж. Батай, Ж. Бодрийяр, К. Леви-Стросс, М. Мосс, В. Тернер, М. Фуко, Й. Хейзинга, А. Банфи⁸ и др. Изучение социально-философских аспектов праздника представлено в относительно недавних работах П.С. Гуревича, М.С. Кагана, Н.Л. Юдина⁹. Кроме того, отдельно стоит отметить работы И.Н. Лавриковой¹⁰, в которых автор осуществляет попытки моделирования праздника в политико-идеологической сфере. Указанные исследования формируют категориальный аппарат, на который могут опираться исследования, классифицируют основные виды праздников. Вместе с тем большинство авторов обращают внимание на отдельные аспекты праздников и их эволюцию, не уделяя должного внимания использованию праздников в политических целях.

⁶ Тернер В. Символ и ритуал / Сост. В.А. Бейлис и автор предисл. - М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. – 277 с.; Абрамян Л.А. Первобытный праздник и мифология. – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1983. – 231 с.; Абрамян Л.А., Шагоян Г.А. Динамика праздника: структура, антиструктура, гиперструктура // Этнографическое обозрение. – М., 2002. – № 2. – С. 37-47; Бородатова А. А., Абрамян Л. А. Август 1991: праздник, не успевший развернуться // Этнографическое обозрение. – М., 1992. – № 3. – С. 47–58.

⁷ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана.— М.: Канон, 1995. – 352 с.; Калачева О.В. Формирование индивидуальной и коллективной идентичности в контексте неофициального праздника (на примере празднования Дня рождения в России советского и постсоветского периодов) : автореферат дис. ... кандидата социологических наук : 22.00.04 / НИУ ВШЭ. – М., 2003. – 24 с.

⁸ Батай Ж. Запрет и трансгрессия / Пер. с фр. Е. Герасимовой. – 2003. – Режим доступа: <http://vispir.narod.ru/bataj2.htm> (Дата обращения: 18.01.2012.); Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Пер. с фр. С.Н. Зенкина. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.; Леви-Стросс К. Мифологии: в 3 т. – М.: Университетская книга. – Т. 3: Происхождение застольных обычаев. – 461 с.; Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / Пер. с фр., послес. и коммент. А.Б. Гофмана. – М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1996. – 369 с.; Тернер В. Символ и ритуал / Сост. и автор предисл. В.А. Бейлис. – М.: Наука, 1983. – 277 с.; Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с фр. С.Ч. Офертаса; под общ. ред. В.П. Визгина и Б. М. Скуратова. – М.: Праксис, 2002. – 384 с.; Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. – М.: Прогресс, 1992. – 462 с.; Банфи А. Философия искусства / Предисл. К. М. Долгова; Пер. с итал. Г.П. Смирнова.— М.; Искусство, 1989.— 384 с.

⁹ Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. – М.: Искусство, 1981. – 358 с.; Каган М.С. Философская теория ценности. – СПб.: Петрополис, 1997. – 205 с.; Юдин Н.Л. Социальный смысл праздника. – М.: Независимый ин-т гражданского общества, 2006. – 154 с.; Юдин Н.Л. Социальный смысл праздника: автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.11 / Иван. гос. ун-т. – Иваново, 2006. – 17 с.

¹⁰ Лаврикова И.Н. Краткий экскурс в теорию праздника // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Культурология. – Челябинск, 2011. – № 2 (217), Вып. 20. – С. 74–78; Лаврикова И.Н. Политический праздник в системе культуры: Науч. монография. – 2-е изд., доп. – Тверь, 2013. – 242 с.; Лаврикова И.Н. Сфера праздничного – зона идеологического // Свободная мысль. – М., 2012. – № 3-4. – С. 187-194. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/svobodnay_misl/3-4-2012/17.pdf (Дата обращения: 06.12.2013.)

В отечественной политической науке теоретические вопросы изучения политической культуры, частью которой являются праздники, а также связанные с ними ритуалы и церемонии, стали сферой исследования А.И. Соловьева¹¹.

Ценный вклад в разработку проблематики диссертационного исследования внесли авторы, занимавшиеся исследованиями исторической памяти и использованием прошлого в политике. В качестве классической работы, анализирующей различного рода практики (в том числе международные и национальные праздники), которые кажутся старыми и укорененными но по сути таковыми не являются, по праву считается книга под редакцией Э. Хобсбаума и Т. Рэнджера «Изобретенные традиции»¹². Тему политики памяти в России в 2000-х годах исследовали Н.Е. Копосов, А.И. Миллер, О.Ю. Малинова, Б.И. Торбаков, А. Сенявский, Е. Сенявская, Т. Шерлок, В.А. Ачкасов, В. Морозов¹³ и др. Они уделяют внимание изучению

¹¹ См., например: Соловьев А.И. Политическое сознание и политическая культура. - М.: Знание, 1991. – 62 с.; Соловьев А.И. Культура власти современного российского общества. - М., 1992.

¹² The invention of tradition / Ed. by Hobsbawm E. and Ranger T. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1983. – 320 p.

¹³ Копосов Н. Память строгого режима: История и политика в России. – М.: НЛО, 2011. – 320 с.; Историческая политика в XXI веке / Под ред. А. Миллер, М. Липман. – М.: НЛО, 2012. – С. 328-367; Миллер А.И. Россия: власть и история // Pro et Contra. – М., 2009. – №3-4, май - август. – С. 6-23; Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России: Монография / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед., Отд. полит. науки. – М., 2013. – 421 с.; Малинова О.Ю. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология. – Ростов-на-Дону, 2013. – №1. – С. 114-130; Малинова О.Ю. Тема прошлого в риторике президентов России // Pro et Contra. – М., 2011. – Т. 15, № 3/4. – С. 106–122; Торбаков И.Б. «Непредсказуемое» или «неопределенное» прошлое? Международные отношения и российская историческая политика // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Отв. ред.: Малинова О.Ю. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М., 2012. – С. 91-125; Torbakov I. History, memory and national identity: understanding the politics of history and memory wars in post-Soviet lands // Demokratizatsiya. – Washington, 2011. – Vol. 19, № 3. – P. 209–232; Сенявский А., Сенявская Е. Вторая мировая война и историческая память: образ прошлого в контексте современной геополитики // Вестник МГИМО – Университета. – М., 2009. – Специальный выпуск, август. – С. 299–310; Сенявский А., Сенявская Е. Историческая память о войнах XX в. как область идейно-политического и психологического противостояния // Отечественная история. – М., 2007. – № 2. – С. 139–151; № 3. – С. 107–121; Шерлок Т. Опыт лакировки истории // Россия в глобальной политике. – М., 2012. – № 1. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Опыт-lakirovkiistorii-15466> (Дата посещения: 10.03.2012.); Ачкасов В.А. Роль политических и интеллектуальных элит посткоммунистических государств в производстве политики памяти // Символическая политика. – М., 2012. – Вып. 1. – С. 126-148; Морозов В. Охранительная модернизация Дмитрия Медведева. Некоторые размышления по поводу ярославской речи // Неприкосновенный запас. – М., 2010. – № 6. – С. 307–320; Морозов В. Россия и другие: идентичность и границы политического сообщества. – М.: НЛО, 2009. – 651 с.; Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Предис. Ф. Бомсдорфа. Изд. 2-е, испр. и дополн. — М.: Фонд Ф. Науманна, АИРО-XX, 2003. – 432 с.

причинно-следственных связей, оценок событий, практик использования истории отдельными политическими силами в современной России.

Для понимания общих закономерностей становления государственных праздников представляют интерес работы, посвященные изучению особенностей современной российской идентичности. В частности, заслуживают внимания коллективные монографии И.С. Семененко, Л.А. Фадеевой, В.И. Пантина, О.Ю. Малиновой и др.¹⁴. Отдельные аспекты формирования национальной идентичности в символическом пространстве раскрыты в статьях В.В. Титова¹⁵.

Важное место занимают исследования, раскрывающие особенности государственных официальных ритуалов и их роли в политической системе и политической культуре советского общества. К ним можно отнести монографии М. Рольфа, К. Жигульского, В.В. Глебкина, А.И. Щербинина и Г. Бордюгова¹⁶. К ним примыкает статья Е.А. Здравомысловой и А.А. Темкиной¹⁷, в которой на примере празднования Октябрьских революций до, во время и после перестройки прослеживают характер политических изменений в обществе.

¹⁴ Семененко И.С. Дилеммы национальной идентичности: политические риски и социальные приобретения // Полис. – М., 2009. – № 6. – С. 8-23; Образ России в мире: становление, восприятие, трансформация / Отв. ред. Семененко И.С. Колл. авт.: Вайнштейн Г.И., Загладин Н.В., Кисовская Н.К., Лапкин В.В., Малинова О.Ю., Панов П.В., Пантин В.И., Семененко И.С., Фадеева Л.А., Чугров С.В. - М.: ИМЭМО РАН, 2008 - 152 с.; Идентичность как предмет политического анализа: Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21 – 22 октября 2010 г.). / Отв. ред.: И. С. Семененко, Л. А. Фадеева. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – 299 с.; Политическая идентичность и политика идентичности / Отв. ред.: И. С. Семененко. – Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. – 208 с.; Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. М.: Российская политическая энциклопедия, 2012. – 471 с.

¹⁵ Титов В.В. Феномен национальной идентичности: попытка теоретического осмысления и структурного анализа // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – Пермь, 2007. – Вып. 2. – С. 37–48; Титов В.В. Символическое пространство национально-государственной самоидентификации российской молодежи в контексте модернизационных вызовов 21 века // Перспективы развития политической психологии: новые направления – М., 2012 – С.215-225; Титов В.В. Эволюция концепций идентичности в социогуманитарном знании 20 века // Вестник МГОУ. – М., 2012. – №1(47). - С. 84 – 92.

¹⁶ Рольф М. Советские массовые праздники. – М., 2009; Жигульский К. Праздник и культура. Пер. с польск. – М.: Прогресс, 1985. – 336 с.; Глебкин В.В. Ритуал в советской культуре. – М.: «Янус-К», 1998. – 200 с.; Щербинин А.И. Тоталитарная индоктринация как управление сознанием: Учеб. пособие. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2012. – 274 с.; Бордюгов Г.А. Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 256 с.

¹⁷ Здравомыслова Е., Темкина А. Октябрьские демонстрации в России: От государственного праздника к акции протеста // Сфинкс. – СПб., 1994. – №2. – С. 76-99.

Научных публикаций, в которых бы поднимался вопрос о значении государственных праздников постсоветского периода в России, не так много. Отдельно стоит выделить книгу К. Смит¹⁸, в которой есть глава, посвященная изменениям российского праздничного календаря периода президентства Б.Н. Ельцина, а также статью А. Зорина о трансформации российских праздников постсоветского периода¹⁹. Стоит отметить зарубежные работы по Дню Победы и его трансформации на постсоветском пространстве²⁰. Ряд отечественных публикаций посвящены анализу празднования Дня Победы в России от Б.Н. Ельцина до В.В. Путина и Д.А. Медведева²¹. Празднование Дня Победы является одним из сюжетов исследования О.Ю. Малиновой, посвященного эволюции практик прошлого в постсоветской России²². Известны немногочисленные публикации, касающиеся попыток осмысления нового праздника – Дня народного единства (В. Назаров, П.О. Горбачев²³).

Анализ немногочисленной зарубежной научной литературы, посвященной использованию праздников государством на примерах Турции, Туниса, Сингапура, Сирии, странах Балтии²⁴ позволяет уточнить специфику празднования официальных дат в российском контексте.

¹⁸ Smith K.E. Mythmaking in the new Russia: Politics and memory during the Yeltsin era. – Ithaca; L.: Cornell univ. press, 2002. – P. 78-101.

¹⁹ Zorin A. Are we having fun yet? Russian holidays in the post communist period. – 1998. – Mode of access: <http://web.stanford.edu/group/Russia20/volumepdf/zorin.pdf> (Дата обращения: 20.09.2014.)

²⁰ Kangaspuro M. The Victory day in history politics // Between utopia and apocalypse. Essays on social theory and Russia / Ed. by E. Kahla. – Jyvaskyla: Bookwell, 2011. – P. 292–304; Mälksoo M. The memory politics of becoming European: The East European subalterns and the collective memory of Europe // European j. of international relations. – L., 2009. – Vol. 15, N 4. – P. 653–680; Onken E.-C. The Baltic states and Moscow's 9 May commemoration: Analyzing memory politics in Europe // Europe-Asia Studies. – Glasgow, 2007. – Vol. 59, N 1. – P. 23–46.

²¹ Храмов А. Война: Политика памяти. К постановке проблемы // Посев. – М.; Frankfurt a. Main, 2010. – №4. – С.15-21; Громаков А.Ф. Победа во имя мира // Власть. – М., 2005. – №5. – С. 18-21.

²² Малинова О.Ю. Политическое использование символа Великой Отечественной войны в постсоветской России: Эволюция дискурса властвующей элиты // Прошлый век / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед., Отд. полит. науки.; Ред колл.: Миллер А.И., гл. ред., и др. – М., 2013. – Вып. 1. – С. 158-186.

²³ Назаров В. Что будем праздновать 4 ноября? // Отечественные записки. – М., 2004. – №5(20). – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2004/5/что-будут-праздновать-в-россии-4-ноября-2005-goda> (Дата обращения: 20.04.2014.); Назаров В.Д. 4 Ноября. Злоключения одной российской даты // Вокруг света. – М., 2005. – № 11. – Режим доступа: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/1507/> (Дата обращения: 12.08.2014.); Горбачев П.О. День народного единства: Исторические основания // История в подробностях. – М., 2010. – №5. – С. 8-11.

²⁴ Roy S. Seeing a state: National commemorations and public sphere in India and Turkey // Comparative studies in sociology and history. – Cambridge; N.Y., 2006. – Vol. 48, N 1. – P. 200-232; Goh D.P.S. State carnivals and the subvention of multiculturalism in Singapore // British journal of sociology. – L., 2011. – Vol. 62, N 1. – P. 111-133; Weeden L. Ambiguities of domination : politics, rhetoric, and symbols in contemporary Syria. – Chicago : Univ. of

Особо следует выделить коллективный труд «Национальные праздники: Конструирование и мобилизация национальной идентичности»²⁵, авторы которого рассматривают использование национальных праздников в условиях смены политического режима, а также в качестве инструментов, конструирующих национальную идентичность. Однако в монографии не раскрываются другие важные функции праздников. Российский случай в данной работе специально не рассматривается.

Мы можем констатировать, что в настоящее время количество политологических исследований, посвященных разработке диссертационной проблематики на материале отдельных праздников незначительно. Таким образом, несмотря на наличие многочисленных работ о праздниках и праздничной культуре, существует потребность в более систематическом изучении политических функций государственных праздников, в том числе на российском материале.

Объектом в настоящем исследовании выступают современные российские государственные праздники и связанные с ними политико-символические практики – дискурсы, нарративы, традиции, образы, ритуалы, символы.

Предмет исследования – государственные праздники как инструменты символической политики в контексте социальной и политической трансформации в современной России.

Цель исследования – изучение особенностей интерпретаций и использования государственных праздников в символической политике современной России государством и другими политическими акторами.

Для достижения цели предполагается решить следующие **задачи**:

Chicago press, 1999. – 244 p.; Kuutma K. Cultural identity, nationalism and changes in singing traditions. – Mode of access: <http://www.folklore.ee/folklore/vol2/ident.htm> (Дата обращения: 12.08.2014.); Plakso M. Dance festival - invented tradition? – Mode of access: http://www.estinst.ee/publications/estonianculture/I_MMIV/plakso.html (Дата обращения: 12.08.2014.); We. Celebrations. The state: A sociological study of how national holidays are celebrated. – Riga, 2008. – 202 p.

²⁵ National day's: Constructing and mobilising national identity / Ed. by D. McCrone and G. McPherson. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2009. – 288 p.

- обобщить имеющиеся научные знания и достижения в сфере изучения политико-символических практик;
- рассмотреть теоретические основания концептуализации понятия «государственный праздник»;
- определить место и функции государственных праздников в символической политике;
- разработать модель элементов структуры государственных праздников, которая будет использована для анализа практик празднования;
- определить влияние политико-символического контекста на трансформацию официальной политики в сфере государственных праздников;
- на основе анализа политических дискурсов, посвященным государственным праздникам, выделить и сравнить основные нарративы, образы, символы, смыслы, а также проследить их трансформацию;
- изучить эволюцию и интерпретации праздничных практик различных политических акторов.

Границы исследования. Исследование проводилось в традиции качественной методологии, в связи с чем полученные результаты не претендуют на выявление количественных характеристик изучаемого объекта. В центре нашего внимания помимо первых лиц государства были парламентские политические партии, непосредственно участвующие в процессе учреждения и упразднения государственных праздников; общественные организации при парламентских политических партиях, созданные для продвижения идей и проектов партий; а также непарламентские политические партии и движения, заявляющие о своем видении политической реальности в дни государственных праздников.

Поскольку деятельность акторов поля символической политики заключается в декларировании и продвижении своих идейно-политических

позиций, наиболее значимой представляется активность *общественно-политических объединений, политических партий*, а также собственно представителей *властвующей элиты*. Именно они включены в политическую жизнь общества и стремятся обозначать свои позиции по отношению к государственным праздникам и их идейно-символическому контенту. Используемые партиями и другими политическими акторами дискурсы, образы и символы выступают инструментами достижения тех или иных задач.

Хронологические рамки исследования охватывают период с осени 2004 года по настоящее время. Выбор хронологических рамок связан с тем, что именно с 2005 года вступили в силу изменения поправки в Трудовой кодекс России, внесшие значительные изменения в праздничный календарь. Вместе с тем, для лучшего понимания того, что послужило основой данных изменений, в работе ретроспективно освещаются вопросы изменения праздничного календаря в Российской Федерации с 1990-х гг. по 2004 год.

Понятийный аппарат исследования. Теоретическая рамка настоящего исследования задана концепцией *символической политики*. Под «символической политикой» вслед за О.Ю. Малиновой мы понимаем «деятельность политических акторов, направленная на производство и продвижение / навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих»²⁶.

В исследовании также были использованы следующие понятия:

Праздничный календарь – это список всех праздничных (не только официальных нерабочих) дней года.

Государственные праздники – официально установленные выходные праздничные дни. В современной России перечень государственных праздников закреплен в ст. 112 Трудового Кодекса РФ (Новый год и

²⁶ Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. – М., 2010. – №2. – С. 92; Малинова О.Ю. Символическая политика: Контуры проблемного поля // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Отв. ред.: Малинова О. Ю. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М., 2012. – С. 5-16.

Новогодние каникулы, Рождество, День защитника Отечества, Международный женский день, День весны и труда, День Победы, День России и День народного единства).

Национальные праздники (дни) – разновидность государственных праздников. В отличие от официально установленных праздничных дней, имеющих статус нерабочих, число которых на протяжении года может быть неограниченным, национальный праздник, как правило, у каждого государства один. Он связан со становлением государственности и суверенитета страны или нации. Примерами таковых могут служить День независимости США (4 июля) или День взятия Бастилии во Франции (14 июля).

Российское законодательство в области праздников помимо официально установленных нерабочих дней (государственных праздников) выделяет дополнительные типы праздников: *дни воинской славы* и *памятные даты России* (регламентируются ФЗ от 13 марта 1995 года №32 «О днях воинской славы и памятных датах России» и поправками к нему), *памятные дни* (устанавливаются указами президента) и *профессиональные праздники* (регламентируются указами президента).

Среди других понятий, используемых в диссертационном исследовании:

Политический актор – лицо или общественная группа, воздействующие на процесс принятия и осуществления решений в данной политической системе²⁷. Политический актор обладает теми или иными политическими ресурсами. К числу политических акторов принято относить государство, политические партии, общественные организации, группы интересов, а также отдельных граждан, непосредственно своими действиями оказывающих влияние на политические процессы.

Теоретическая и методологическая основа исследования. В диссертационном исследовании автор стремится проанализировать

²⁷ 26 основных понятий политического анализа // Полис. – М., 1991. – № 4,5,6. – Режим доступа: <http://www.politnauka.org/library/teoria/26osn.php> (Дата обращения: 02.04.2014.)

взаимосвязь различных элементов государственных праздников (дискурсов и практик празднования). Предложенная теоретическая модель будет применяться при анализе использования государственных праздников различными политическими акторами.

Методологической базой исследования являются положения социального конструктивизма, представленные в работах работы П. Бергера и Т. Лукмана²⁸. С точки зрения авторов трактата о социальном конструировании реальности язык может не только конструировать различные символы, но и «превращать» их в объективно существующие элементы повседневной жизни. Значимой для исследования также является концепция структуралистского конструктивиста П. Бурдьё²⁹, который детальным образом разработал понятия «символическая власть» и «символическое борьба». Согласно П. Бурдьё символическая борьба означает борьбу за формирование общественного сознания, за монопольное право обозначать новые объекты или переименовывать уже существующие. В случае доминирования можно пытаться изменить категории восприятия и оценивания социального мира. Мы соглашаемся с П. Бурдьё, что самыми удачными стратегиями формирования социальной реальности, используемые в символической борьбе, являются «те, которые нацелены на ретроспективное реконструирование прошлого, применяясь к потребностям настоящего, или на конструирование будущего через творческое предвидение, предназначенное ограничить всегда открытый смысл настоящего»³⁰.

Таким образом, понимание сути символической политики как деятельности групп, участвующих в конструировании и продвижении

²⁸ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

²⁹ Бурдьё П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. — 288 с.; Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдьё П. Начала. Choses dites / Пер. с фр. Шматко Н.А. - М.: Socio-Logos, 1994. – С. 181–207; Бурдьё П. Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. — СПб.: Алетейя, М.: «Институт экспериментальной социологии», 2001 г. — 562 с.

³⁰ Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть. С. 198.

собственного видения мира, становится отправной точкой диссертационного исследования.

Особую значимость для исследования представляют теоретические разработки в области символической политики М. Эдельмана³¹, С.П. Поцелуева³², О.Ю. Малиновой³³, Н.М. Мухарямова³⁴, К.В. Киселева³⁵, Д.А. Мисюрова³⁶. Применение категории «символическая политика» дает возможности проанализировать разные стратегии и формы использования символов в политике, направленных на утверждение тех или иных способов понимания социального мира.

В качестве основного метода в исследовании был выбран традиционный (качественный) анализ текста. Он позволяет производить оценки политического и исторического контекста; обращаясь к текстам поздравительных обращений, выявить основные позиции разных политических сил, образы, нарратива, смыслы и символы, которые циркулируют в публичном пространстве, а также на материале СМИ зафиксировать другие практики празднования.

³¹ Edelman M. The symbolic uses of politics. – Urbana: Univ. of Illinois press, 1964. – 201 p.; Edelman M. Politics as symbolic action. – Chicago : Markham Pub., 1971. – 188 p.

³² Поцелуев С.П. Символическая политика: конstellации понятий для подхода к проблеме // Полис. – М., 1999. – № 5. – С. 62–75; Поцелуев С.П. «Символическая политика»: К истории концепта // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Отв. ред.: Малинова О. Ю. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М., 2012. – С. 17-53.

³³ Малинова О.Ю. Символическая политика: Контуры проблемного поля // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Отв. ред.: Малинова О. Ю. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М., 2012. – С. 5-16; Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России: Монография / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед., Отд. полит. науки. – М., 2013. – 421 с.; Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Политические исследования. – М., 2010. – № 2. – С. 90-105; Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование политической макроидентичности в постсоветской России: от 1990-х к 2000-м // Материалы V Всероссийского конгресса политологов: Изменения в политике – политика изменений: стратегии, институты, акторы, Москва, 20-22 ноября 2009 г. Доклады участников конгресса. – М.: ИНИОН, 2009. – 1 CD-ROM.

³⁴ Мухарямов Н.М. О символических началах в языке политики (прагматический аспект) // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Отв. ред.: Малинова О. Ю. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М., 2012. – С. 54-74.

³⁵ Киселев К.В. Выборы и символическая политика в Российской Федерации // Муниципальная служба. – Екатеринбург, 2005. – №3. – С. 47-53; Киселев К.В. Символическая политика: власть vs общество. – Екатеринбург: Изд. дом «Дискурс-Пи», 2006. – 132 с.

³⁶ Мисюров Д.А. Политическая символика: между идеологией и рекламой // Политические исследования. – М., 1999. – №1. – С. 168-185.

В исследовании также использован метод сравнения, позволяющий изучить сходства и различия интерпретаций и форм празднования различными политическими акторами.

Эмпирическая база исследования. В качестве материалов для исследования использовались нормативно-правовые акты (положения, указы, законы об утверждении государственных праздников и порядка проведения праздничных мероприятий), стенограммы официальных поздравительных выступлений по случаю празднования той или иной даты, стенограммы заседаний Государственной Думы, материалы сайтов политических партий и общественных объединений, интервью и газетные публикации.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Предложена и апробирована теоретическая модель *государственного праздника*. Данная модель предполагает комплексный анализ всех составляющих государственного праздника.
2. Определены функции и роль государственных праздников как инструментов символической политики.
3. Выделены этапы трансформации государственных праздников в современной России.
4. Выявлены и проанализированы основные образы, символы, нарративы, смыслы и формы празднования государственных праздников различными политическими акторами в современной России.

Положения, выносимые на защиту:

1. Изучение государственных праздников как инструментов символической политики и одновременно как нестабильных символов позволяет лучше понять их структуру и выявить адаптивные возможности их отдельных элементов. В отличие от других («стабильных») символов (флага, гимна и т.д.), которые воспроизводятся в единственном установленном варианте,

государственные праздники могут изменять нарративы, формы и практики празднования.

2. Роль государственных праздников в символической политике определяется их функциями, к числу которых можно отнести легитимацию политического режима, формирование и поддержание национальной идентичности, конструирование «значимого Другого», воспитание и социализацию, коммуникацию, актуализацию потребностей сообщества.
3. Изучение государственных праздников предполагает анализ его вербальных и невербальных компонентов. Модель государственного праздника, разработанная в настоящем диссертационном исследовании, предполагает выделение идеи праздника, ценностей, с которыми он связан, нарратива или мифа, а также форм празднования – ритуала, церемонии или обряда. Каждый из этих элементов обладает потенциалом к изменениям, что делает государственный праздник удобным инструментом символической политики.
4. Символическая политика в области государственных праздников являются частью политического курса, проводимого государством. На основании этого, используя подход О.Ю. Малиновой к периодизации этапов символической политики в современной России, можно выделить четыре этапа трансформации государственных праздников:
 - 1990-1994 – отрицание тоталитарного прошлого и первые попытки приспособления советских праздников;
 - 1995-1999 – призыв к разработке новой «национальной идеи», поиск государственной идеологии и работа над наполнением новыми смыслами советских праздников;
 - 2000-2011 – переход от нарратива «новой России» к «тысячелетней истории», избирательное отношение к прошлому и реформа российского праздничного календаря;

- 2012 - н.в. – новая постановка вопроса о коллективной идентичности и более целенаправленное использование некоторых государственных праздников.
5. Ныне отмечаемые в качестве официальных нерабочих дней советские праздники потеряли идеологическое наполнение и дидактическую функцию, которую они выполняли до распада Советского Союза, и в целом изменили свой характер. Однако именно они, в первую очередь, составляют основной символический багаж современной власти, которая избирательно подходит к их использованию. Главная функция этой группы праздников – «укрепление государства», поддержание образа «великой державы». С этой точки зрения вполне обоснованным можно считать закрепление статуса официального государственного праздника за Днем защитника Отечества. Нынешняя власть переняла советскую традицию поздравления с Новым годом, закрепив использование новогоднего обращения для подведения итогов и формулирования задач на будущее. Существенно дополнены практики празднования 9 мая, расширен символический репертуар темы Победы за счет появления новых смыслов. Остальные праздники (1 мая, 8 марта) в большей степени остаются не задействованными властью.
 6. Наиболее острая борьба за содержание развернулась вокруг группы новых государственных праздников. Предложенные властью мифы и нарративы плохо воспринимаются другими политическими акторами и обществом. Следствием этого является неоднозначное отношение ко Дню России и противоречия вокруг празднования Дня народного единства.
 7. Предвыборная кампания и протестное движение (2011-2012 гг.) открыли для оппозиционно настроенных политических сил новые возможности использования государственных праздников. В условиях отсутствия организационных и интеллектуальных ресурсов

по производству конкурентоспособных смыслов и нарративов государственных праздников дополнительные нерабочие дни стали площадкой для агрегации политических интересов и ресурсами для проведения совместных акций. Тем самым эти силы получили возможность влиять на политическую повестку дня.

8. События на Украине, присоединение Крыма и обострение отношений с Западом в 2014 году, в сочетании с запросом на архетип «супердержавы» стали побудили российское общество сплотиться перед лицом «внешней угрозы». Все эти обстоятельства по-новому поставили вопрос о российской, русской идентичности и так называемом «Русском мире», что, в конечном счете, отразилось на использовании государственных праздников и, в первую очередь, Дня народного единства. Праздник послужил удобным инструментом демонстрации достижений режима на фоне постепенного снижения доверия к «Русским маршам», претендующим на радикальную трактовку идеи праздника.

Теоретическая значимость. Исследование может способствовать расширению теоретико-методологической базы политологических исследований. Его значимость также заключается в разработке авторской операционализации понятия «государственный праздник», которая позволяет выделить составляющие исследуемого предмета и использовать их при анализе практик празднования.

Практическая значимость работы. Выводы диссертационного исследования могут быть использованы в деятельности различных органов власти, занимающихся конструированием национальной идентичности, аналитическими структурами и политическими партиями для разработки стратегий развития государства, а также при написании ими текстов выступлений и поздравительных речей.

Выводы и материалы исследования могут быть использованы при разработке учебных курсов «Политическая социология», «Политические идеологии», «Политическое лидерство», «Символическая политика», «Язык политики».

Апробация диссертационной работы. Диссертация обсуждалась на заседании Отдела политической науки ИНИОН РАН и была рекомендована к защите. Основные положения работы сформулированы в ряде научных публикаций (в том числе три статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК) общим объемом 6,1 п. л.

Отдельные положения и выводы исследования были представлены автором на всероссийских и международных конференциях, семинарах и научных школах: Летняя школа «Политическая концептология: теоретико-методологические основания и институционально-символические аспекты социальных наук» (Новороссийск, пос. Абрау-Дюрсо, 1-8 сентября 2010 г.); Южно-Российский Политологический конвент (Ростов-на-Дону, 18-22 октября 2010 г.); Международная научная конференция «Изменение России: политические повестки и стратегии» (Москва, 25-26 ноября 2010 г.); IV, V, VI Всероссийские ассамблеи молодых политологов (Пермь, 2011, 2012, 2013 гг.); Летняя школа «Политическая концептология: концепты власти и бюрократии» (Новороссийск, пос. Абрау-Дюрсо, 5-11 сентября 2011 г.); II Южно-Российский Политологический конвент (Ростов-на-Дону, 10-14 октября 2011 г.); X Международная научная конференция студентов и аспирантов «Социология в (пост)современности» (Харьков, 22-24 марта 2012 г.); VI Всероссийский конгресс политологов «Россия в глобальном мире: институты и стратегии политического взаимодействия» (Москва, 22-24 ноября 2012 г.); IV Всероссийская молодежная конференция «Накануне белых ночей» (Санкт-Петербург, 24-25 мая 2013 г.); Международная исследовательская мастерская «Сравнительный метод в истории и социальных науках: перспективы междисциплинарности» (Пермь, 28 сентября – 1 октября 2013 г.); Всероссийская молодежная научно-

практическая летняя школа «Территориальная идентичность в современном мире: проблемы и перспективы исследования» (Пермь, Усолье, 25-28 августа 2014 г.); Всероссийская научная конференция с международным участием «Российская политическая наука: истоки, традиции и перспективы» (Москва, 21-22 ноября 2014 г.).

Структура работы обусловлена его целями и задачами. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и литературы.

Глава I.

Теоретические и методологические основания изучения государственных праздников в качестве инструментов символической политики

Данная глава посвящена обзору теоретических рамок и инструментов анализа исследования. Поскольку изучаемый предмет рассматривается в данной работе как инструмент символической политики, мы остановимся на основных теориях символической политики. Рассмотрим основные функции государственных праздников, которые определяют их место в символической политике. В заключительной части главы будет предложена модель структуры элементов государственного праздника для проведения эмпирического анализа.

§1. Основные подходы к концептуализации символической политики

Задача данного параграфа состоит в том, чтобы продемонстрировать эвристические возможности понятия «символическая политика» и обосновать выбор используемого нами определения. Для этого нам необходимо определить значение символического в политике, выявить, как соотносятся термины «символ» и «символическое» с термином «символическая политика», каким образом определяется «символическая политика» в контексте современных теорий. Мы обозначим множественность подходов к описанию «символического», на основании чего попытаемся определить понятие «символическая политика», обрисовав существующие теоретические развилки его интерпретации.

То, что символы играют важную роль в политической жизни, отмечалось многими исследователями на протяжении развития социальных

наук³⁷. Несмотря на это, символизм до сих пор остается на периферии политического анализа, хотя в антропологических, культурологических и социологических исследованиях эта проблематика изучается более систематически.

Центральное понятие, используемое при описании спектра символических явлений, – символ. Однако обращающиеся к нему исследователи не имеют ни устоявшихся интерпретаций, ни одинаковой методологии. Поэтому, каждое исследование, как правило, начинается с собственного определения символа, что обуславливает многообразие путей работы с ним. Поэтому, как отметил Ю.М. Лотман, «удобнее не давать какого-либо всеобщего определения» [символического], а определить «характер этой функции»³⁸, которую оно выполняет.

На основе существующих знаний о символе суммируем его основные особенности. Во-первых, символ – это особого рода знак, однако, не все знаки являются символами. В семиотике принято определять символ как наиболее сложный и абстрактный вид знака. Так, например, в классификации Чарльза Пирса³⁹ символ – один из трех категорий знаков (индексы, образы и символы), который являются наиболее сложными и способны породить новый смысл⁴⁰. Эту мысль развивали М. Мамардашвили и А. Пятигорский. Они утверждали, что символы соотносятся с пониманием, они «мыслятся нами как репрезентации не предметов и событий, а сознательных посылок и результатов сознания»⁴¹. Символы могут отсылать к продуктам сознания, либо к каким-то предметам, косвенно представляющим результаты сознания.

³⁷ Истоки философской мысли осмысления символа относят ко временам Античности. Символ как один из способов познания мира божественных сущностей рассматривали Платон, Аристотель, Прокл и др. (См.: Тен Ю.П. Символы России и зарубежных государств. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. – С. 7). Об использовании символов в политике в 1960-х гг. упоминал Г. Лассуэлл (Lasswell H. World politics and personal insecurity. – N.Y.: Free Press, 1965. – P. 3-19.).

³⁸ Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Лотман Ю.М. Чему учатся люди. Статьи и заметки. – М.: Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2010. – С. 294.

³⁹ Пирс Ч.С. Что такое знак? / Пер. А.А. Аргамаковой; Под ред. Е.В. Борисова // Вестник Томского университета. Серия: Философия. Социология. Политология. – Томск, 2009. – № 3 (7). – С. 89.

⁴⁰ Там же. С. 94.

⁴¹ Мамардашвили М., Пятигорский А. Символ и сознание: Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. – М.: Школа «языки русской культуры», 1997. – С. 99.

Т.е. «за символом в смысле конкретности сознания на самом деле ничего не стоит»⁴². В этом их главное отличие от знаков, которые предполагают реконструкцию денотата. Символы – это продукты личного переживания, требующие «субъективной ситуации порождения, как денотата, так и знака, то есть ситуацию понимания»⁴³. Понять символ можно только оказавшись в ситуации понимания. Это связано со следующими функциями символа.

Во-вторых, символ тесно связан с иррациональным и эмоциональным. Символы активизируют глубинные пласты подсознания и опираются на эмоции, вызывая те или иные чувства и воспоминания. Об этом писал А.Ф. Лосев: «... символ включает в себя все то, что характерно для абстрактного мышления, прежде всего четкое различие и противопоставление элементов действительности, четкое их объединение в синтетическое целое, обобщение данных чувственного опыта и превращение всей ползучей чувственной действительности в обобщенную закономерность»⁴⁴.

В-третьих, символ многозначен. Он допускает, что возможны разные ассоциации. Чем больше значений имеет символ, тем более он содержателен. Ю.М. Лотман писал: «Его [символа] инвариантная сущность реализуется в вариантах. Именно в тех изменениях, которым подвергается “вечный” смысл символа в данном культурном контексте, контекст этот ярче всего выявляет свою изменяемость»⁴⁵.

Таким образом, в самом общем виде *символ* – это особого рода знак, связанный с социально разделяемыми смыслами, опосредующий восприятие и вызывающий исходя из ситуации применения те или иные переживания и чувства.

Стоит отметить, что существуют и альтернативные (постмодернистские) теории (Ж. Лакан, Ж. Деррида, Ж. Делез, Ж. Бодрийяр и др.) символа и символического, в рамках которых понятие «символ» соотносится с

⁴² Там же. С. 99.

⁴³ Там же. С. 99-100.

⁴⁴ Лосев А.Ф. Логика символа // Лосев А.Ф. философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – С. 247-274.

⁴⁵ Лотман Ю.М. Символ в системе культуры. С. 296.

понятием «симулякр». У Бодрийяра символическое является социальной характеристикой, особым типом действия: «Символическое – это не понятие, не инстанция, не категория и не “структура”, но акт обмена и социальное отношение, кладущее конец реальному»⁴⁶. Символ-симулякр – это ложное подобие, гиперреальность, условный знак чего-либо, функционирующий в обществе как его заместитель. Для Ж. Делеза символ, отождествляемый с симулякром, – «не просто ложная копия модели»⁴⁷, он представляет собой выражение хаотических, разрушительных в своей разрозненности сил. В работе «Эон» Ж. Делез отмечает, что симулякрами становятся «тела, утратившие меру»⁴⁸, «нечто вроде ложных претендентов, чьи претензии строятся на несходстве, заключающемся в сущностном извращении или отклонении [от непричастного]»⁴⁹. Таким образом, символы в постмодернистской традиции истолковываются как ложные, замещающие реальность модели.

Для нас важно зафиксировать альтернативные подходы понимания символов: изначально разные способы интерпретации создают основания для различий в понимании сути символической политики. Мы будем исходить из онтологического понимания символа как способа познания реальности. Это позволяет смотреть более широко на способы применения символического: с помощью символов происходит политическая коммуникация и интерпретация действительности.

Из предыдущего тезиса также следует, что символизм в политике имеет множество проявлений. Как отметил французский исследователь когнитивной антропологии и лингвистической прагматики Дан Спербер, невозможно дать исчерпывающее объяснение символизма, но можно только очертить множество разнообразных явлений, он объединяет: от мифов до

⁴⁶ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Пер. Зенкина С.Н. – М.: Добросвет, 2000. – С. 155.

⁴⁷ Делёз Ж. Платон и симулякр // Делёз Ж. Логика смысла / Пер. с фр. Я.И. Свирского. – М.: Академический Проект, 2011. – С. 332.

⁴⁸ Там же. С. 215.

⁴⁹ Там же. С. 332.

языковых фигур, от религиозных ритуалов до жестов вежливости⁵⁰. Немецкий философ-неокантианец Э. Кассирер в свою очередь выделял такие «символические формы» как язык, миф, искусство, наука. Они предполагают «возможность ретроспекции и предвидения», посредством которых «определенные деления не только совершаются в целостности сознания, но и фиксируются как таковые»⁵¹. Философская традиция «символических форм», представленная в работах Э. Кассирера, имела глубокое влияние на развитие социологических взглядов Э. Дюркгейма и П. Бурдьё⁵². Э. Дюркгейм рассматривал символические формы как социокультурное средство интеграции людей⁵³. По его определению, символический характер объектов, в которых осмысливает себя общество или другое социальное объединение (например, клан), обусловлен реальным стремлением «к концентрации и объединению»⁵⁴.

Тема символического занимает особое место в социологии П. Бурдьё. Французский социолог разработал такие категории как «символический капитал», «символическое насилие», «символическая власть», «символическое господство», «символическая борьба». Природа символического в теории П. Бурдьё определяется стремлением преодолеть субъективную природу агента и объективизм социальных наук. Устойчивые диспозиции, приобретенный опыт – *габитус*, центральное понятие в теории Бурдьё, позволяют смотреть на повседневные практики не просто как на объективные целенаправленные преобразования социального мира, а как на отношения с социальными структурами, поддающимися оцениванию и интерпретации, а следовательно – различению.

⁵⁰ Sperber D. Rethinking symbolism / Transl. by A.L. Morton. – L.: Cambridge univ. press, 1975. – P. x.

⁵¹ Кассирер Э. Избранное: Индивид и космос. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – С. 351.

⁵² Вакан Л.Ж.Д. Дюркгейм и Бурдьё: Общее основание и трещины в нем // Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. – С. 179-196.

⁵³ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана.— М.: Канон, 1995. – С. 13.

⁵⁴ Там же. С. 13-14.

П. Бурдьё не стремится концептуализировать понятие «символические практики», однако подчеркивает, что их свойство заключается в возможности *устанавливать связи и ориентации*. Символические практики, по Бурдьё, способны «войти и выйти», «наполнить и опустошить», «закрыть и раскрыть», «завязать и развязать»⁵⁵. П. Бурдьё утверждает, что любой социальный порядок «стремится производить символическое действие»⁵⁶. Однако полемизируя с марксистской традицией, которая исходит из того, что символическое воспроизводство происходит в интересах господствующего класса (частного интереса), он утверждает, что «разные классы и их фракции включены в собственно символическую борьбу»⁵⁷. Борьба нацелена не на достижение господствующего положения в структуре распределения средств экономического производства, а на легитимацию порядка. Она представляет собой «борьбу за навязывание определения социального мира, в наибольшей мере отвечающего их интересам, причем поле идеологических взглядов воспроизводит в превращенной форме поле социальных позиций»⁵⁸. Таким образом, суть символического в политике заключается в деятельности групп, участвующих в конструировании и продвижении собственного видения мира.

Интерес к исследованию символизма в политике связывают с появлением в 1960-1970 годах работ М. Эдельмана⁵⁹. Огромное влияние на взгляды М. Эдельмана оказала концепция «символического интеракционизма» Дж.Г. Мида⁶⁰, который считал символ средством коммуникации, которое люди создали как базовый механизм интеграции общества. Причем особое внимание в процессе межиндивидуальной

⁵⁵ Бурдьё П. Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и Послесл. Н.А. Шматко. — СПб.: Алетейя, 2001 г. — С. 22.

⁵⁶ Бурдьё П. Практический смысл. С. 285.

⁵⁷ Бурдьё П. Социология социального пространства / Пер. с фр., общ. ред. Н.А. Шматко. — СПб.: Алетейя, 2007. — С. 92.

⁵⁸ Там же. С. 92.

⁵⁹ Edelman M. The symbolic uses of politics. — Urbana: Univ. of Illinois press, 1964. — 201 p.; Edelman M. Politics as symbolic action. — Chicago : Markham Pub., 1971. — 188 p.

⁶⁰ Главная работа Мида — «Сознание, я и общество» (Mead G. Mind, self and society. — Chicago: Univ. of Chicago press, 1934. — 400 p.). Символический интеракционизм очень неоднороден. Помимо Дж. Мида представителями этого направления в социологии являются, например, Г. Блумер, Э. Гоффман.

коммуникации Мид уделял основному символическому средству – языку. Работы М. Эдельмана возникли как ответ на теорию рационального выбора. Он разработал собственную концепцию символического использования политики и политики как символического действия, которая в настоящее время является основой для понимания политической коммуникации. Теория Эдельмана объясняет ряд явлений, которые теория рационального выбора объяснить не может. Так, например, почему позиции спорящих сторон были определены именно таким образом, а не иначе, почему некоторые идеи оказались популярнее, чем другие, и почему политики задействовали так много ресурсов на создание заявлений, за которыми ничего не стоит.

Концепция М. Эдельмана интересна и полезна тем, что она позволяет исследовать политику (politics) как «символическую форму», «влияние символических функций на элиту и массу»⁶¹. Он противопоставляет два восприятия политики: политики как «зрелищного вида спорта» и политики как «политической деятельности, используемой организованными группами, чтобы получить вполне конкретные, осязаемые выгоды для себя»⁶², т.е. *инструментальным* измерением и политической реальностью. По мысли Эдельмана, исследователи политики должны обращать внимание на то, как политические действия превращают некоторые вещи в реально существующие и имеющие значение, а также как изменяется общественное мнение.

Концепция Эдельмана позволяет сосредоточиться сразу на нескольких моментах в изучении государственных праздников. Во-первых, государственные праздники могут рассматриваться как инструменты *поддержания существующего порядка*, а не только манипуляции массовым сознанием. Центральным в концепции Эдельмана является понятие

⁶¹ Edelman M. The symbolic uses of politics. P. 2.

⁶² Ibid. P. 5.

«символический акт»⁶³. Политические акты, имеющие важное символическое значение, могут производить малый эффект на распределение материальных ресурсов или не влиять совсем. Однако подобные символически нагруженные акты поддерживают уверенность в обществе и согласие с условиями, которые позволяют поддерживать политический порядок. Благодаря этим условиям элита добивается осуществления своих материальных интересов и влияет на распределение той реальной выгоды, которую предоставляет политическая система.

Во-вторых, праздничные дискурсы и церемонии могут рассматриваться как символические практики. Эдельман выделяет две символические формы, которые «пропитали наши [современные] политические институты» – это миф и ритуал⁶⁴. Ритуал – «моторная деятельность», включающая участников в общее предприятие; миф служит тем же целям, что и ритуалы⁶⁵. Вслед за Малиновским Эдельман отмечает свойство мифов объяснять сложившееся социальное положение. Однако он уверен, что попытки намеренно манипулировать с помощью мифов и ритуалов обречены на крах, потенциальные «конденсирующие символы» создаются в процессе самой жизни⁶⁶.

Подход к изучению политических актов М. Эдельмана пробудил интерес исследователей к символическому измерению политики, однако не исключил плюрализма теорий. Одни исследователи уделяют внимание конкретным формам символизма и ритуалов⁶⁷, другие изучают роль символизма в различных применимых контекстах: социальные движения⁶⁸,

⁶³ Эдельман ссылается на работы шведского социолога Ури Химельштранда (Uri Himmelstrand), который определял «символические акты» как «действия, имеющие в качестве своих исключительных объектов символы и игнорирующие объективные или концептуальные референты этих символов» (цит. по: *ibid.* P. 10)

⁶⁴ Edelman M. The symbolic uses of politics. P. 16.

⁶⁵ *Ibid.* P. 16-19.

⁶⁶ *Ibid.* P. 20.

⁶⁷ См., например: Gusfield J., Michalowicz J. Secular symbolism: Studies of ritual, ceremony and symbolic order in Modern life // Annual review of sociology. – 1984. – N 10. – P. 417-435.

⁶⁸ См., например: Melucci A. Nomads of the present: social movements and individual needs in contemporary society. – Philadelphia : Temple univ. press, 1989. – 288 p.; Mukherji P.N. Social movement, conflict and change: Towards a theoretical orientation. – 2013. – Mode of access: <http://sjspace.sagepub.com/wp-content/uploads/2013/09/EBul-Mukherji-March2013.pdf> (Дата обращения: 09.10.2013.)

национальная идентичность⁶⁹, международные отношения и др. Исследования символической политики рассматриваются как предмет политической семиотики⁷⁰ и культурной антропологии⁷¹. Несмотря на большой объяснительный потенциал политического символизма, многие концепты остаются неточно сформулированными. Большинство исследований не касаются теоретических формулировок и не содержат концептуализации понятия «символическая политика», а сосредоточены на анализе конкретных случаев использования символов. Это объясняется многообразием форм проявления и эффектов символической политики: от символов, идей, мифов, нарративов, ритуалов до идентичности, национального самосознания и т.д. Предметное поле символической политики, таким образом, также не слишком определенно очерчено. Как следствие, среди политологов и исследователей политики нет единого видения того, как исследовать символическую политику, какие подходы и методы использовать.

Можно согласиться с О.Ю. Малиновой, что теоретическими развилками, задающими разные способы интерпретации символической политики является «различие между подходами, противопоставляющими символическую политику “реальной”, “материальной” – и подходами, которые рассматривают первую как специфический, но неотъемлемый аспект второй»⁷². Символическая политика в первом случае часто трактуется как «нечто, имитирующее реальные действия»⁷³. Для ее описания используются такие категории как «ритуальная политика», «симулятивная коммуникация»

⁶⁹ См., например: Cerulo K.A. Symbols and the world system: National anthems and flags // Sociological Forum. – 1993. – Vol. 8, N 2. – P. 243-271; Koltso P. National symbols as signs of unity and division // Ethnic and racial studies. – 2006. – Vol. 29, N 4. – P. 676-701.

⁷⁰ См., например: Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: Symposium, 2006. – 540 с.; Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: «Искусство-СПБ», 2010. – 704 с.

⁷¹ См., например: Малиновский Б. Магия, наука и религия / Пер. с англ. П. Хомик; под ред. О. Артемовой. – М.: Рефл-бук, 1998. – 304 с.; Тэрнер В. Символ и ритуал / Сост. и автор предисл. В.А.Бейлис. – М.: Наука, 1983. – 277 с.

⁷² Малинова О.Ю. Символическая политика: Контуры проблемного поля // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Отв. ред.: Малинова О. Ю. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М., 2012. – С. 9.

⁷³ Мухарямов Н.М. О символических началах в языке политики // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Отв. ред.: Малинова О. Ю. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М., 2012. – С. 54-55.

и др., которые часто вызывают негативные коннотации: символическая политика – это то, что использует власть для одурачивания масс.

Так, в работах немецких исследователей, заявлявших о преемственности с концепцией М. Эдельмана (Т. Мейер, А. Дернер⁷⁴, У. Сарцинелли), символическая политика рассматривается как самостоятельная действительность, оторванная от реальных решений. Как отмечает М. Рольф, такая позиция основывается на том, что даже если символическая политика выражает лишь «пустые формы», они, тем не менее, оказывают своеобразное воздействие⁷⁵, а сущностью такой политики оказывается «связь между легитимированным авторитетом и лояльностью по отношению к нему». Власть при таком подходе нуждается в символах и символической коммуникации, а визуализация выступает как властный ресурс пропаганды. Поэтому торжественные мероприятия и инсценировки – это инструмент представления авторитета.

Тема использования символов в ситуации доминирования, в том числе в политике, востребована в современных постмарксистских исследованиях (А. Бадью, М. Кастельс, С. Жижек, Э. Лаклау, Ш. Муфф⁷⁶ и др.). Они подвергают ревизии марксистскую парадигму и сосредотачиваются на возможности радикального действия и прогрессивной трансформации в современных условиях. Социальная теория строится на основе положений Ж. Лакана о соотношении реального, воображаемого и символического. Однако это направление уступает другим в анализе реальной ситуации: строгие семиотические положения расходятся с моделью символического и его функции мобилизации в постмарксизме⁷⁷. Современный исследователь У. Брекман отмечает, что в постмарксизме «Символ ... – это неснижаемо

⁷⁴ Dorner A. Politischer Mythos und symbolische Politic : Sinnstiftung durch symbolischer Formen am Beispiel des Hermannsmythos. – Opladen: Westdt. Verl., 1985. – 421 S.

⁷⁵ Рольф М. Советские массовые праздники / Пер. с нем. В.Т. Алтухова. – М.: РОССПЭН: Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. – С. 23.

⁷⁶ Laclau E., Mouffe C. Hegemony and socialist strategy : towards a radical democratic politics. – L.: Verso, 1985. – 197 p.

⁷⁷ См.: Breckman W. Adventures of the symbolic : post-Marxism and radical democracy. – N.Y.: Columbia univ. press, 2013. – P. 232-234.

поливалентный конструкт, который колеблется между теорией условных знаков и идеалом мотивированных знаков, между желанием “представить” знак и демонстрацией разрыва между вещью и знаком, между желанием показать его дальнейшую идею и невозможностью ее адекватной репрезентации»⁷⁸.

Другая группа исследователей убеждена, что риторика и символы определяют политические результаты. Такие интерпретации исходят из того, что «успешное» использование дискурса и символов может привести к легитимизации политического режима или существующих в обществе представлений через поддержку и содействие коллективным социальным практикам. Основой могут стать этнические, национальные, либо другие классификаторы. По мнению Л. Уэдин⁷⁹ к данному направлению принадлежат исследования политической культуры Г. Алмонда, С. Вербы, работы Р. Патнэм, К. Гирц, А. Кохен и др. Главным вопросом в таких исследованиях остается то, как преодолеть разрыв между тем, что навязывается, и тем, что лежит в основе реальной лояльности и веры.

Отсутствие единообразия в понимании природы символической политики наблюдается и в исследованиях отечественных политологов. В России термин «символическая политика» вошел в обиход не столь давно. Формально первым из российских политологов, кто обратился к концепту символической политики, был екатеринбургский исследователь К. Киселев. Он использовал этот термин в своих статьях для анализа электоральных процессов в Свердловской области⁸⁰. В дальнейшем в 2006 году он опубликовал сборник «Символическая политика: власть vs общество»⁸¹, в который включил статьи об использовании символов в политике, не предлагая определения «символической политики». К. Киселев

⁷⁸ Ibid. P. 266.

⁷⁹ Wedeen L. Ambiguities of domination : politics, rhetoric, and symbols in contemporary Syria. – Chicago : Univ. of Chicago press, 1999. – P. 163-164.

⁸⁰ См., например: Киселев К.В. Выборы и символическая политика в Российской Федерации // Муниципальная служба. – Екатеринбург, 2005. – №3. – С. 47-53.

⁸¹ Киселев К.В. Символическая политика: власть vs общество. – Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи», 2006. – 132 с.

сосредотачивается на описании конкретных случаев символического позиционирования власти. По его мнению, символическая власть непосредственно связана с существующим политическим режимом, который обладает полной монополией на ее реализацию⁸². Изменение символической власти может происходить без изменения институционального дизайна. Главная цель таких отношений – это легитимация политического режима, для которой не достаточно проведение выборов. Сутью и выражением символической власти являются вербальные символы⁸³.

Более систематическую концептуализацию символической политики предложил С.П. Поцелуев. В 1999 году в журнале «Полис» им была опубликована статья⁸⁴, в которой он вслед за Т. Мейером, У. Сарцинелли рассматривает символическую политику в контексте повсеместной медиатизации; по мысли Поцелуева, символическая политика представляет «символические «эрзацы» (суррогаты) политических действий». Под символической политикой он понимает разновидность политической коммуникации, «нацеленной не на рациональное осмысление, а внушение устойчивых смыслов»⁸⁵. Символическая политика предполагает взаимодействие двух субъектов – в целом власти и тех, на кого она распространяется. При помощи символов власть навязывает определенный характер властных отношений в обществе. Поэтому символическая политика рассматривается как «сознательное использование эстетически-символических ресурсов власти для ее легитимации и упрочнения»⁸⁶.

С.П. Поцелуев выделяет несколько наиболее часто встречающихся форм «символической политики сверху»: символические эрзацации, символическое законодательство, символическая персонализация,

⁸² Киселев К. Символическая политика власти в период президентства Д.Медведева. – 2011. – Режим доступа: <http://www.echoekb.ru/blogs/2011/3/4/1/1234/495/> (Дата обращения: 11.04.2012).

⁸³ Там же.

⁸⁴ Поцелуев С.П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Политические исследования. – 1999. №5. – С. 62-75.

⁸⁵ Там же. С. 62.

⁸⁶ Там же. С. 66.

символическая идеологизация⁸⁷. «Символическая политика снизу» представляет собой «символические политические действия подвластных масс»⁸⁸. В качестве примера С.П. Поцелуев приводит символические акции протеста. Подвластные массы используют видимость, не выдавая ее за реальность, для привлечения к значимым социально-политическим проблемам. Третьей формой символической политики, по С.П. Поцелуеву, является «символическая политика и сверху и снизу». К ней он относит производимые (или поощряемые) властью мифы, ритуалы и культы, с которыми «добровольно соглашаются подвластные массы»⁸⁹.

Таким образом, как отмечает С.П. Поцелуев, *семантический аспект* символической политики (т.е. в сфере политического языка) – это борьба за смыслы и значения: «Власть в коммуникативном обществе — прежде всего монополия на обозначение происходящего, это власть тех, кто в СМИ «называет вещи своими именами», кто «оккупирует» смыслы слов»⁹⁰.

Приведенное выше понимание символической политики сводится к ее инструментальному объяснению – как целенаправленную манипуляцию сознанием. В свою очередь, О.Ю. Малинова предлагает рассматривать символическую политику в более широкой трактовке – как неотъемлемую часть реальной политики. Опираясь на концепции «символической борьбы» и «символической власти» П. Бурдьё, О.Ю. Малинова предлагает понимать под символической политикой **«деятельность политических акторов, направленную на производство и продвижение / навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих»**⁹¹. Иными словами, символическая политика связана с символической властью как «властью конструировать реальность,

⁸⁷ Там же. С. 68-69.

⁸⁸ Там же. С. 68.

⁸⁹ Там же. С. 69.

⁹⁰ Там же. С. 71.

⁹¹ Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. – М., 2010. – №2. – С. 92; Малинова О.Ю. Символическая политика: Контуры проблемного поля // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Отв. ред.: Малинова О. Ю. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М., 2012. – С. 5-16.

устанавливая гносеологический порядок: непосредственное мироощущение»⁹². Такое определение символической политики позволяет снять «ограничения», связанные с противопоставлением реальности и сумулятивности.

О.Ю. Малинова выделяет три преимущества такого понимания символической политики. Во-первых, символическая политика «не ограничивается социально-инженерным конструированием реальности». Элиты, конструирующие смыслы, сами вынуждены подчиняться их логике – таким, как, например, учитывать наиболее укорененные в обществе убеждения, не подвергая их сомнению в публичной риторике.

Во-вторых, в поле политики «действуют специфические механизмы, изучение которых позволяет лучше понимать, почему одни способы интерпретации социальной реальности оказываются более влиятельными, чем другие, чем определяется успех и какие ресурсы работают более эффективно»⁹³. Данное положение вытекает из логики П. Бурдьё, который отмечал, что структура и наиболее специфические функции идеологий связаны с социальными условиями их производства и циркуляции: «своими специфическими характеристиками они обязаны не только выражаемым ими интересам классов..., но также специфическим интересам тех, кто их производит, и специфической логикой поля производства»⁹⁴.

В-третьих, символическая политика не ограничивается участием представителей властвующей элиты. Такой подход предполагает более широкий взгляд на символическую политику и обращает внимание исследователя на изучение деятельности акторов, использующих символы для изменения снизу. Государство посредством властного распределения ресурсов находится в исключительном положении по навязыванию смыслов и интерпретаций социальной реальности. Однако этого не достаточно для

⁹² Бурдьё П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; Отв. ред. перевода Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. – С. 90.

⁹³ Малинова О.Ю. Символическая политика: Контуры проблемного поля. С. 10-11

⁹⁴ Бурдьё П. О символической власти // Социология социального пространства / Пер. с фр.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – С. 93-94.

того, чтобы позиция государства оказывалась доминирующей, поскольку даже при насильственном навязывании у индивидов остается возможность «двоемыслия»⁹⁵.

Кроме того, в понимании П. Бурдьё символическая политика предполагает «борьбу за смыслы»⁹⁶. Иными словами, она осуществляется в публичном пространстве и подразумевает конкуренцию за различные способы интерпретации, понимания и осознания социальной действительности. Из этого следует, что публичное пространство, где происходит производство смыслов, может быть локализовано, т.е. иметь границы в виде социальных институтов и иметь временные и пространственные характеристики.

Как отмечает О. Малинова, важной частью символической политики является политика идентичности, «направленная на интеграцию ... сообществ, формирование определенного представления о Нас, опирающегося на те или иные интерпретации истории и культуры и т.п.»⁹⁷. Инструментами такой политики являются официальный язык, школьные программы, национальные символы и праздники, переименование топографических объектов и т.п. Важное место, таким образом, в символической политике приобретает значение прошлого, отношение к нему.

Следует отметить, что символическая политика при таком понимании не сводится к производству идей и идеологий, хотя и включает в себя производство смыслов. Как отмечал М. Эдельман, символические формы создаются активными политическими действиями. Исследователи символической политики, таким образом, должны уделять *внимание невербальным способам означивания*. К таким элементам коммуникации, например, можно отнести жесты, ритуалы и т.п.

⁹⁵ Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России. С. 91-93.

⁹⁶ Бурдьё П. Социология социального пространства. С. 92.

⁹⁷ Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование политической макроидентичности в постсоветской России: от 1990-х к 2000-м.

Иное понимание символической политики мы находим у Д. Мисюрова. Под ней он понимает «неотъемлемую часть политики вообще и связанных с нею идеологий в частности»⁹⁸. В этом случае символ рассматривается им как знак, а совокупность символов «одного вида» как знаковая система. Понятие «символ» является общественно-политическим в силу самоидентификации некой общности, создания собственной политической символики. При этом, как отмечает Д. Мисюров, «символ упрощает интеллектуальные операции с простыми и сложными политическими понятиями, но в то же время открывает простор всевозможным спекуляциям на этих понятиях»⁹⁹. Поэтому всю историю человечества можно рассматривать и сквозь призму символики, с помощью которой «люди упорядочивают окружающий их хаос»¹⁰⁰. В современном понимании символика – инструмент для политики, которые «употребляются для манипулирования сознанием и идеологических спекуляций»¹⁰¹.

Подход Д. Мисюрова, в первую очередь, интересен обширной классификацией политической символики, однако, его возможности ограничены для анализа инструментария символической политики. Выделением типов символики без рассмотрения их функций, структуры значительно снижает возможности аналитического применения подхода. В дальнейшем Д. Мисюров предложил восемь символических моделей общественного развития, используя так называемые доминанты «прошлое-настоящее-будущее»¹⁰². С помощью символических ориентаций (на прошлое, будущее и настоящее) он предложил оценивать уровни развития общества: «Вариативный символический подход, в частности, позволяет объяснить многие “неожиданные” повороты истории, например распад СССР или

⁹⁸ Мисюров Д.А. Политическая символика: между идеологией и рекламой // Политические исследования. – 1999. - №1. – С. 168.

⁹⁹ Там же. С. 169.

¹⁰⁰ Там же. С. 169.

¹⁰¹ Там же. С. 172.

¹⁰² Мисюров Д.А. Символическое моделирование и общественное развитие // Политэкс. – СПб., 2009. – Т. 5, № 3. – Режим доступа: <http://www.politex.info/content/view/605/> (Дата обращения: 12.03.2014.)

появление нацизма в Германии, позволяет с определенной вероятностью предсказать развитие сообществ, и т. д.»¹⁰³.

Таким образом, выше мы обозначили разные подходы и возможности пониманием символа и символического, которые задают различные интерпретации символической политики. Мы же будем использовать подход О.Ю. Малиновой. Символическая политика – это *деятельность политических акторов, направленную на производство и продвижение/навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих.*

Такой подход позволяет не концентрироваться исключительно на действиях политической элиты (policy) и механизма учреждения государственных праздников, легитимации политического режима, а включать в поле исследование других политических акторов и искать новые измерения политики (politics) – конкуренцию за смыслы и другие формы и механизмы закрепления в социальной памяти.

На этом основании наше исследование предполагает проведение нескольких шагов. Во-первых, проведение концептуализации и операционализации понятия «государственный праздник», которые позволят выбрать рабочее определение и установить связь с его атрибутами. Во-вторых, выделение основных акторов публичного пространства, их позиций. Также в этой части исследования предполагается изучение политического контекста. Итогом анализа символической политики, таким образом, должны стать выводы о наличии и конкуренции альтернативных интерпретаций социальной реальности, образах будущего и использование прошлого, а также невербальных форм коммуникации, предлагаемых различными политическими акторами и связанными с государственными праздниками.

¹⁰³ Там же.

§ 2. Место и роль государственных праздников в символической политике

Для изучения государственных праздников необходимо не только обозначить концептуальные основания, но и определить место понятия в ряду подобных, разобраться в его значении, а также обозначить методологические основы для разработки инструментария его изучения.

Существует ряд подходов и отдельных исследований, посвященных праздничной тематике в отечественной и зарубежной этнографии, социологии и культурологии. Развернутый культурологический анализ идеи праздника представлен в работе М. Бахтина о творчестве Ф. Рабле¹⁰⁴, размышлениях Ю.М. Лотмана о русской культуре¹⁰⁵. В современной культурологии много внимания празднику уделяется в работах Л.А. Абрамяна, Г.А. Шагояна¹⁰⁶, С.С. Аверинцева¹⁰⁷, Д.С. Лихачева¹⁰⁸, В.Я. Проппа¹⁰⁹, и др. Проблемой праздника так или иначе занимались антропологи и философы Ж. Батай¹¹⁰, Ж. Бодрийяр¹¹¹, К. Леви-Стросс¹¹², М. Мосс¹¹³, В. Тернер¹¹⁴, М. Фуко¹¹⁵, Й. Хейзинга¹¹⁶ и др. Изучение социально-философских аспектов праздника представлено в работах А.Я. Гуревича¹¹⁷,

¹⁰⁴ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – 2-е изд. – М., 1990. – 543 с.

¹⁰⁵ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства, (XVIII-начало XIX века). – 2-е изд., доп. – СПб.: Искусство-СПБ, 2011. – 413 с.

¹⁰⁶ Абрамян Л.А., Шагоян Г.А. Динамика праздника: структура, антиструктура, гиперструктура // Этнографическое обозрение. – М., 2002. – № 2. – С. 37-47.

¹⁰⁷ Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 480 с.

¹⁰⁸ Лихачев Д.С. Смех в древней Руси // Лихачев Д.С. Избранные работы: в 3-х т. – Л.: Худож. литература, 1987. – Т.2. – С. 343-418.

¹⁰⁹ Пропп В.Я. Русские аграрные праздники: Опыт историко-этнографического исследования. – М.: Лабиринт, 2009. – 176 с.

¹¹⁰ Батай Ж. Запрет и трансгрессия / Пер. с фр. Е. Герасимовой. – 2003. – Режим доступа: <http://vispig.narod.ru/bataj2.htm> (Дата обращения: 18.01.2012.)

¹¹¹ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Пер. с фр. С.Н. Зенкина. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.

¹¹² Леви-Стросс К. Мифологии: в 3 т. – М.: Университетская книга. – Т. 3: Происхождение застольных обычаев. – 461 с.

¹¹³ Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / Пер. с фр., послес. и коммент. А.Б. Гофмана. – М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1996. – 369 с.

¹¹⁴ Тернер В. Символ и ритуал / Сост. и автор предисл. В.А. Бейлис. – М.: Наука, 1983. – 277 с.

¹¹⁵ Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с фр. С.Ч. Офертаса; под общ. ред. В.П. Визгина и Б. М. Скуратова. – М.: Праксис, 2002. – 384 с.

¹¹⁶ Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. – М.: Прогресс, 1992. – 462 с.

¹¹⁷ Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. – М.: Искусство, 1981. – 358 с.

М.С. Кагана¹¹⁸, Н.Л. Юдина¹¹⁹. Отдельный блок литературы посвящен анализу особенностей советских праздников¹²⁰.

Среди наиболее известных концепций, используемых для анализа праздника в фольклористике и культурологии, известны «солярная» концепция, авторы которой типологизировали праздники в соответствии со своими взглядами на природу (Ф.И. Буслаев¹²¹, А.Н. Афанасьев¹²², А.А. Потебня¹²³ и др.), аграрная (в основе праздника лежит мифология, В.Я. Пропп¹²⁴), трудовая (праздник и его связь с трудом, В. Чичеров¹²⁵), игровая (праздник как контраст к повседневной деятельности, Й. Хейзинга¹²⁶) и др. Особо стоит отметить марксистскую концепцию праздника. В отечественной культурологии и социологии именно ей по определенным и известным причинам уделяется особое внимание. Среди наиболее известных исследований праздника, выполненных в этом направлении – «Праздник как социально-художественное явление» (1978) А.И. Мазаева, учебное пособие «Массовые праздники» (1975) Д.М. Генкина. Согласно марксистской концепции, праздник рассматривается с точки зрения материалистического понимания истории в непосредственной связи с человеческим трудом и производством материальных благ. Как и любую другую деятельность, праздник определяет отношение к средствам производства. Если господствующие классы управляют и занимаются преимущественно интеллектуальным трудом, в том числе организацией праздников, то удел

¹¹⁸ Каган М.С. Философская теория ценности. – СПб.: Петрополис, 1997. – 205 с.

¹¹⁹ Юдин Н.Л. Социальный смысл праздника. – М.: Независимый ин-т гражданского общества, 2006. – 154 с.

¹²⁰ См., например: Рольф М. Советские массовые праздники. – М.: РОССПЭН, 2009. – 440 с.; Здравомыслова Е., Темкина А. Октябрьские демонстрации в России: От государственного праздника к акции протеста // Сфинкс. – СПб., 1994. – №2. – С. 76-99.

¹²¹ Буслаев Ф.И. Трехдневное празднование во Флоренции шестисотлетнего юбилея Данта Аллигиери. – М., 1896. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/buslaev/buslaev_trehdnevnoe.html (Дата обращения: 13.03.2014.)

¹²² Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. – Т. 1-3. – М., 1865-1869.

¹²³ Потебня А.А. О купальских огнях и сродных с ними представлениях. - 2-е изд.- Харьков, 1914.- 245 с.

¹²⁴ Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. – М.: Искусство, 1976. – 183 с.; Пропп В.Я. Русские аграрные праздники: Опыт историко-этнографического исследования. – М.: Лабиринт, 2009. – 176 с.

¹²⁵ Чичеров В.И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX веков. (Очерки по истории народных верований). – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 236 с.

¹²⁶ Хейзинга И. Homo ludens. В тени закатного дня. – М.: Прогресс, 1992. – 462 с.

рабочих классов – тяжелый физический труд¹²⁷. Праздники также рассматривались Ф. Энгельсом и К. Марксом как существенная сила, которая может сыграть важную роль в классовой борьбе¹²⁸. В этой связи особое внимание уделялось возможностям пропаганды и агитации¹²⁹.

Проявления праздника многомерны, и наши знания о нем остаются очаговыми. Чаще всего внимание исследователей привлекают частные моменты празднования: ритуализованность, карнавальность или мифологичность. Описание праздника как важной части символической политики дают возможности его теоретического описания. *Задача данного параграфа* – проанализировать некоторые из существующих подходов к изучению феномена праздника и определить, каким образом они могут быть использованы для анализа государственных праздников. Кроме того, мы предполагаем выделить характерные признаки, особенности *государственных* праздников, а также их функции.

Очевидно, что государственный праздник является производным от общего понятия «праздник». Как отметил А.И. Мазаев, «праздники существуют во всех общностях и культурах, начиная с глубокой древности»¹³⁰, неудивительно, что данный феномен имеет множество определений. Так, например, в современном словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой содержатся пять толкований праздника¹³¹, а в издании первой трети XX в. под редакцией Д.Н. Ушакова – семь¹³². Тем не менее, все авторы сходятся в главных характеристиках предмета. Во-первых, праздник – это временной отрезок, который противопоставлен будничным дням («это

¹²⁷ Бенифанд А. В. Праздник : сущность, история, современность . – Красноярск : Изд-во Красноярского ун-та, 1986. – С. 13.

¹²⁸ См., например: Энгельс Ф. Письмо организационному комитету международного празднества в Париже // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. – Т. 21. – 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – С. 354-355.

¹²⁹ Ленин В.И. Маевка революционного пролетариата // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Т. 23. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1973. – С. 236-305; См., например, исследование В. Глебкина «Ритуал в советской культуре» (1978 г.).

¹³⁰ Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление. – М.: Наука, 1978. – С. 9.

¹³¹ Праздник // Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1997. – С. 578.

¹³² Праздник // Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – Т. 3: П — Ряшка. – М., 1939. – С. 699.

законченное экстраординарное событие, исключенного из общего хода и правила жизни, его самостоятельность и свобода также сверхобычны и исключительны»¹³³, «день, обычно свободный от работы, торжественно отмечаемый вследствие культовых или государственных соображений»¹³⁴). Это свойство является ключевым и определяющим, оно позволяет многим исследователям выделять особые функции праздника. Так, А.В. Бенифанд проанализировал воспитательную и идеологическую функцию праздника¹³⁵, Д.М. Генкин – зрелищную и коммуникативную¹³⁶. Эти функции, как правило, достигаются за счет особого внимания к знаменательным датам.

Во-вторых, праздник тесно связан с ритуальностью¹³⁷.

В-третьих, к свойствам праздника также часто относят карнавальность и зрелищность, т.е. внешние оформления праздничного действия.

В-четвертых, неотъемлемым признаком праздника является его сакральность. Как считает В.Н. Торопов, «связь сакральности и праздника в его архаичной форме настолько обязательна, что в известной степени и в определённом контексте можно сказать, что сакрально то, что связано с сутью праздника, с его ядром»¹³⁸. Польский исследователь К. Жигульский отмечает, что праздник связан с религиозным культом и с важными датами истории народа¹³⁹. Гражданские или светские праздники появились значительно позже и связаны с процессами отделения государства и церкви. Семантическое поле праздника в разных вариантах до сих пор подчеркивает его связь с сакральностью. Так, например, в английском языке holiday («праздник») происходит от holy («святой»), в польском – соответственно

¹³³ Кудайбергенов Б.К., Иванов О.Е., Сапронов П.А. Культура современных праздников и обрядов. – Элиста: Калмыкское книжное изд-во, 1986. – С. 13.

¹³⁴ Жигульский К. Праздник и культура / Пер. с польск. – М.: Прогресс, 1985. – 336 с.

¹³⁵ Бенифанд А.В. Праздник, сущность, история, современность. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. – 140 с.

¹³⁶ Генкин Д.М. Массовые праздники: Учеб. пособие для студентов ин-тов культуры. – М.: Просвещение, 1975. – 256 с.

¹³⁷ См., например: Генкин Д.М. Массовые праздники: Учеб. пособие для студентов ин-тов культуры. – М.: Просвещение, 1975. – 256 с.; Глебкин В.В. Ритуал в советской культуре. – М.: «Янус-К», 1998. – 240 с.; Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление. – М.: Наука, 1978. – 393 с.

¹³⁸ Торопов В.Н. Праздник // Мифы народов мира: Энциклопедия. – М.: Наука, 1980. – Т. 2. – С.329.

¹³⁹ Жигульский К. Праздник и культура. С. 63.

święto от święty. Современный праздник, как и архаичный, соотнесён с сакральными ценностями коллектива, с его историей или с неким значимым событием в истории, который может подвергаться сакрализации.

Указанные выше свойства праздников характерны и для такой их разновидности как государственные праздники. Отличие последних от остальных календарных дат заключается в их особом положении: это официально установленные праздничные дни, признаваемые государством и имеющие статус выходного дня. В России к государственным праздникам относятся нерабочие праздничные дни, перечень которых закреплён в Трудовом кодексе РФ (Новый год и Новогодние каникулы, Рождество, День защитника Отечества, Международный женский день, День весны и труда, День Победы, День России и День народного единства). Разновидностью государственных праздников являются национальные дни¹⁴⁰. В отличие от официально установленных праздничных дней, имеющих статус нерабочих, число которых на протяжении года может быть неограниченно, национальный праздник, как правило, у каждого государства один. Он связан со становлением государственности и суверенитета страны или нации. Примерами таковых могут служить День независимости США (4 июля) или День взятия Бастилии во Франции (14 июля). В России национальным праздником можно было бы назвать День России (12 июня), установленный в честь принятия Декларации о государственном суверенитете РСФСР. Однако, как показывают различные замеры общественного мнения, отношение к этому празднику в России неоднозначно: многие рассматривают этот день как негативное событие, ускорившее распад СССР. По данным ВЦИОМ, 32,7% граждан в 2006 году полагали, что принятие Декларации о государственном суверенитете привело к потере того суверенитета, которым обладал в свое время Советский Союз¹⁴¹. Главным же праздником России,

¹⁴⁰ Далее говоря о праздниках, мы будем иметь в виду государственные и национальные праздники, как их разновидность.

¹⁴¹ Что мы праздновали 12 июня? // ВЦИОМ. – М., 2006. – 16 июня. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=266&uid=2744> (Дата обращения: 03.12.2014.)

согласно опросам общественного мнения, проведенных «Левада-центром» в июне 2006 года, 57% опрошенных назвали 9 мая¹⁴².

Изучение праздников невозможно без обращения к историческому опыту. Часто праздники принято ставить в один ряд с *традицией*, которая отмечает роль наследуемых из прошлого обычаев и верований. Никем не ставится под сомнение, что государственные праздники изобретаются намеренно. Данная тема затрагивалась в книге «Изобретение традиции», вышедшей под редакцией Эрика Хобсбаума и Теренса Рейнджера в 1983 году¹⁴³. В этой работе традиция рассматривается как процесс, авторы обращают внимание на политику идентичности и на восприятие «воображаемого» прошлого. Они считают, что прошлое не существует отдельно от его социального конструирования в настоящем. Эрик Хобсбаум определяет изобретенные традиции как «набор практик ритуальной или символической природы, которые ставят своей целью внедрение определенных ценностей и норм поведения посредством повторения, что естественно предполагает связь с прошлым»¹⁴⁴. Изобретение традиции — это процесс формализации и ритуализации, характеризующиеся апелляциями к прошлому. Задача государственного праздника, как подвида таких традиций, состоит в «социализации – запечатлении в сознании верований, систем ценностей и правил поведения»¹⁴⁵.

Массовое изобретение традиций прослеживается с начала XX века. Оно стало следствием «кардинальных изменений социальных групп, обстановки и социального контекста, которые потребовали новых механизмов обеспечения и выражения социальной сплоченности и идентичности, а также структурирования социальных отношений»¹⁴⁶. Изобретение политических

¹⁴² Какой же «главный» праздник у России? // Левада-центр. – М., 2006. – 9 июня. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/09-06-2006/kakoi-zhe-glavnyi-prazdnik-u-rossii> (Дата обращения: 03.12.2014.)

¹⁴³ The invention of tradition / Ed. by Hobsbawm E. and Ranger T. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1983. – 320 p.

¹⁴⁴ Ibid. P. 1.

¹⁴⁵ Ibid. P. 56.

¹⁴⁶ Ibid. P. 263.

традиций было сознательным и намеренным; оно предпринималось разного рода социальными институтами в политических целях.

Э. Хобсбаум в главе «Массовое производство традиций: Европа, 1870-1914» анализирует формирование «изобретенных традиций» на примерах французского Дня взятия Бастилии и Дня международной солидарности трудящихся 1 мая. Историка интересует, каким образом складываются практики, какие символы и смыслы стали общепринятыми. Так, День взятия Бастилии (утвержден в 1880 г.) представляет собой пример изобретения публичных церемоний и традиций, сочетавших официальную и неофициальную демонстрацию национальной состоятельности Франции как нации. Как утверждает на официальном сайте посольства Франции в России, «этот день был призван не только возродить чувство единства и гордости за родину у французов, но и напомнить о празднике Федерации, состоявшемся 14 июля 1790 г. и символизировавшем национальное примирение»¹⁴⁷. Как отмечает Э. Хобсбаум, идея праздника заключалась в том, чтобы «превратить наследие революции в комбинированное выражение государственного размаха и довольствия граждан»¹⁴⁸. Для того чтобы все французы, включая женщин и детей, могли принять участие в торжественных мероприятиях, предстояло кардинальным образом трансформировать революционные практики. Путем отказа от кровавых сцен, и в то же время сохранения участия армии в праздничных мероприятиях удалось привлечь внимание тех, кто сочувствовал потере Эльзаса и Лотарингии. Частью этих изобретенных традиций стали торжественный военный парад на Елисейских полях, фейерверки, уличные гуляния и танцы. Некоторые другие «изобретенные традиции» времен Великой Французской революции Э. Хобсбаум отмечает мимоходом: Марсельеза, триколор и Марианна (аллегорическое изображение Французской республики, символа свободы и освобождения). Таким

¹⁴⁷ 14 июля / Посольство Франции в России. – М., 2013. – Режим доступа: <http://www.ambafrance-ru.org/14-ИЮЛЯ> (Дата обращения: 17.01.2014.)

¹⁴⁸ The invention of tradition. P. 271.

образом, существуя с 1880 года, праздник в настоящее время утратил свое революционное значение и стал символом общих воспоминаний и надежд, истории.

В отличие от Дня взятия Бастилии, традиции празднования которого пришлось намеренно переформатировать, учитывая историческую значимость, День международной солидарности трудящихся – 1 мая стал праздником спонтанно и в короткий период. Вначале праздник был задуман как одновременная однодневная забастовка и демонстрация в поддержку требования восьмичасового рабочего дня в память о кровопролитных столкновениях рабочих Чикаго с полицией в 1886 г. Фиксированная дата появилась спустя несколько лет, после того как в июле 1889 г. Парижский конгресс II Интернационала принял решение о проведении 1 мая ежегодных демонстраций. Для празднования Дня трудящихся, который часто совпадал с католической, православной или иудейской Пасхой, были заимствованы некоторые элементы религиозных праздничных практик. Во Франции, как отмечают авторы книги, антиклерикализм рабочего движения однако сопротивлялся включению традиционных фольклорных практик. Единственным единым символом рабочего движения с самого начала красный цвет – цвет пролитой крови рабочих, убитых в ходе выступлений в 1886 г. Вначале это были флаги, затем в некоторых европейских государствах символами стали цветы: гвоздика в Австрии, красная роза в Германии, сладкий шиповник и мак во Франции. Постепенное проникновение живых цветов в символическую коммуникацию изменило смысл 1 мая: вместо кровавой борьбы праздник стал восприниматься как «день обновления, роста, надежды и радости».

Э. Хобсбаум приходит к выводу, что изобретенные традиции требуют постоянного изменения и обновления со стороны класса или общности, для которых они созданы. В противном случае традиции обречены на забвение, а их носители утратят политическую и социальную востребованность.

Книга «Изобретенные традиции» – это в первую очередь анализ исторического опыта, частными случаями которого являются мифы, ритуалы, зрелища, а также массовые праздники, появившиеся на рубеже XX века. Хобсбаум и его коллеги не ставили перед собой задачу разработать концепцию «современного» праздника, но они провели значительную работу по анализу причин возникновения новых праздников, обнаружению их роли в социализации и формировании чувства идентичности. Используя понятие «изобретенная традиция», авторский коллектив хотел подчеркнуть устойчивость практик и направленные усилия по их сохранению. Поэтому в книге уделяется особое внимание не только сущности, но и внешним формам проявления изобретенных традиций. Однако работа не снабжает исследователя методологическим руководством для анализа эмпирического материала. Отдельные случаи празднеств, представленные в книге «Изобретение традиции», интересуют лишь как отдельные случаи, отношения и логику которых можно исследовать.

Неоднородность предмета исследования предполагают иных методологических принципов, чтобы перевести информацию об отдельных событиях в общие закономерности и признаки. Такие способы анализа предлагает парадигма социального конструктивизма. Она исходит из коллективного конструирования реальности как осмысленного социального мира. Как отмечают П. Бергер и Т. Лукман, авторы известного трактата «Социальное конструирование реальности», определяющую роль в формировании систем представлений играет *язык*. Он может не только «конструировать крайне абстрагированные от повседневного опыта символы», но и «превращать» их в объективно существующие элементы повседневной жизни¹⁴⁹. Источником коллективных представлений выступают социальные коммуникации. Символические объекты (такие, как фетиши и военные эмблемы) и символические действия (религиозный или

¹⁴⁹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – С. 70-71.

военный ритуал)¹⁵⁰ являются вспомогательными средствами в процедуре контроля и легитимации институциональных значений, которыми наделяется реальность. Иными словами, церемонии и праздники – это **практики**, символические способы поддержания легитимации власти, «структурирующие обыденные интерпретации и поведение в рамках институциональной сферы»¹⁵¹.

Возможности социальной интеграции, которую предоставляют праздники, подчеркивает П. Бурдьё. Для него праздники – это социальные практики, делающие возможным «консенсус по поводу смысла социального мира»¹⁵², т.е. **инструмент** социальной интеграции. Праздничные практики заключают в себе потенциал перемен, так и ресурсы для сохранения исторически сложившихся образцов поведения, традиций и правил. Происходит это благодаря системе «устойчивых и переносимых диспозиций», структурированных структур, лежащих в основе любого восприятия и оценивания, т.е. *габитуса*¹⁵³. Габитус – это центральное понятие в социологии П. Бурдьё, оно обозначает «принципы, порождающие и организующие практики и представления», «системы устойчивых и переносимых диспозиций, структурированные структуры»¹⁵⁴. Габитус «производит практики как индивидуальные, так и коллективные, а, следовательно, – саму историю в соответствии со схемами, порожденными историей»¹⁵⁵. Поэтому габитус обеспечивает активное присутствие прошлого опыта, основанного на схемах восприятия, мышления и действия.

Как и авторы трактата о социальном конструировании реальности, Бурдьё отводит значительную роль языку. Подчиняющийся «определенной политической власти, язык, со своей стороны, помогает укреплению той

¹⁵⁰ Там же. С. 119.

¹⁵¹ Там же. С. 225.

¹⁵² Бурдьё П. О символической власти // Бурдьё П. Социология социального пространства / Пер. с фр., общ. ред. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии ;СПб.: Алетейя. – С. 92.

¹⁵³ Бурдьё П. Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбитов, К.Д. Вознесенская, С.П. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. – СПб.:Алетейя, 2001. – С. 102.

¹⁵⁴ Там же. С. 102.

¹⁵⁵ Там же. С. 102.

самой власти, которая его насаждает: он обеспечивает между всеми членами «языкового сообщества»... минимум коммуникативных связей, без которого невозможны ни экономическое производство, ни символическое господство»¹⁵⁶. Французский исследователь отмечает некоторые «магические» свойства языка: последний представляет собой, во-первых, «шифр, позволяющий устанавливать соответствия между звуками и смыслами, а во-вторых, систему норм, регулирующую языковую практику»¹⁵⁷. Это означает, что язык играет политическую роль. «Именно в процессе становления государства создаются условия для становления единого и подчиняющегося официальному языку языкового рынка: этот государственный язык, обязательный в официальных ситуациях и официальных пространствах (в школе, в административных учреждениях, в политических документах и проч.), обретает статус теоретической нормы, которая служит объективным критерием для оценки всех языковых практик»¹⁵⁸. Так и смыслы, декларируемые государственными праздниками, подразумеваются в качестве единственно возможных и законных. Вследствие чего праздники как **символические системы** и собственно **политическое действие**, наделенное идеологическим содержанием, способны производить и навязывать представления о социальном мире. Однако не следует забывать, что символическая политика происходит в публичной сфере и предполагает конкуренцию смыслов.

Система прочных приобретенных предрасположенностей и установок объясняет, почему сложившиеся социальные практики изменяются медленно. Именно поэтому устанавливая разного рода праздники и ритуалы, власть не должна идти наперекор существующим социальным практикам. Соответственно в случае государственных праздников эффективность символической политики как «деятельности, связанной с производством

¹⁵⁶ Бурдые П. О производстве и воспроизводстве легитимного языка. – М., 2005. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?numid=23&article=1040> (Дата обращения: 18.01.2012.)

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Там же.

определенных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование, не ограничивается социально-инженерным «изобретением» смыслов»¹⁵⁹ и зависит от коллективных представлений и диспозиций членов общества.

Таким образом, подход П. Бурдьё позволяет рассматривать праздники как социальные практики, выступающие инструментом интеграции. Применение структуралистского конструктивизма к изучению государственных праздников позволяет проанализировать состояние политических структур и агентов, выявить каналы выражения разных политических интересов социальных общностей и инструменты, которыми они пользуются, т.е. соединить объективное (влияние социальной структуры) и субъективное (конструирование личностью объектов) в социальном познании.

Оригинальную теорию, также направленную на интеграцию макро- и микроподходов к исследованию социальной реальности, предложил английский социолог Э. Гидденс. Его теория структуриации, разработанная в русле традиции классической социологии, позволяет уловить, каким образом возможна институционализация социальных практик, в том числе – практик празднования. Предложенная Э. Гидденсом теория исходит из того, что действия индивида в обществе детерминируются социальными нормами, ценностями, господствующими в обществе, т.е. социальной структурой. По существу, он предлагает взглянуть на социальную реальность, ориентируясь на изучение конкретных социальных практик, которые воспроизводятся благодаря активному характеру действий социальных субъектов.

В своей элементарном значении «структура представляет собой «генеративные» (порождающие) правила (и ресурсы)»¹⁶⁰, которые в сущности носят трансформирующий характер. Перефразируя Э. Гидденса, можно

¹⁵⁹ Малинова О.Ю. Символическая политика: Контуры проблемного поля // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.- информ. исслед. Отд. полит. науки; Отв. ред.: Малинова О. Ю. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М., 2012. – С. 10.

¹⁶⁰ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. – 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2005. – С. 52.

сказать, что условиями институционализации социальных практик являются (1) становление набора поддающихся артикуляции **правил** и (2) наличие возникающих, структурирующих и воспроизводимых в процессе человеческой деятельности **ресурсов** складывающегося института. Благодаря этим условиям происходит воспроизводство институтов: обеспечивается так называемая связность во времени и пространстве, способствуя сохранению более-менее устойчивого набора практик и норм, придавая им «“систематическую” форму»¹⁶¹. В то же время нельзя отдельно рассматривать правила и ресурсы, которые относятся к способам трансформации социальных отношений.

Повторяясь раз за разом, складывающиеся практики сами способны предопределять институционализацию: им свойственна «некая латентная функция – некое непредвиденное последствие или набор последствий, которые помогают поддерживать непрерывное воспроизводство рассматриваемой практики»¹⁶².

Под таким углом зрения становится очевидным, что социальная деятельность (т.е. постоянные протяженные во времени деятельность или практики), к которой можно отнести воспроизводство праздников, не является простым набором иррациональных практик. Именно на этом основании праздники и церемонии, которые их сопровождают, не следует считать «предрассудками» или «простой инертной традицией»: им отводится функциональная роль, которая позволяет поддерживать идентичность сообщества или группы, собираться вместе и включаться в общую деятельность. Отвечая на вопрос, что мотивирует индивидов на участие в упорядоченных во времени и пространстве социальных практиках, Гидденс указывает на *дуальность* самих институтов. Социальные практики обусловлены интеграцией личностной мотивации индивидов, с одной стороны, и «мобилизационной направленности» власти (понимаемой как

¹⁶¹ Там же. С. 59.

¹⁶² Там же. С. 55.

«способности к преобразованиям»¹⁶³) – с другой. Однако власть в данном контексте не рассматривается как отношения принуждения, это скорее отношения по шкале «автономии и зависимости», которые срабатывают при взаимодействии индивидов или коллективов между собой. Такое взаимодействие в органическом варианте позволяет создать условия, управляющие преемственностью или преобразованием институтов, следовательно, их воспроизводством.

Итак, выше мы обозначили подходы, задающие описание теоретических моделей праздника. По-видимому, различие между ними кроется в методологических установках. Однако все они по-своему обращаются к социальному конструированию реальности, на котором основывается описанное выше понимание символической политики как деятельности политических акторов, направленной на производство и продвижение способов интерпретации реальности. Праздник, таким образом, может выступать как ментальная схема, способ структурирования коллективных поведений, практики и воспроизводимые традиции, суть которых детерминируется восприятием и оцениванием (Бурдье) или же господствующей в обществе структурой (Гидденс). На наш взгляд эти подходы не противоречат друг другу, а наоборот позволяют взглянуть на исследуемый феномен с разных сторон. Государственные праздники, таким образом, – это не просто «изобретенные традиции», задача которых состоит в напоминании прошлого, но и *символический конструкт*, который предполагает объяснение сложившегося социального положения благодаря привязанным к нему символам и практикам.

На наш взгляд, объединяющим в анализе праздников как инструментов символической политики мог бы быть подход, который представили авторы коллективной монографии «Национальные праздники: конструирование и

¹⁶³ Там же. С. 56.

мобилизация национальной идентичности»¹⁶⁴. Они определяют национальные праздники как «нестабильные символы» (unstable signifiers). Авторы монографии убедительно показывают, что с течением времени все национальные (государственные) символы становятся предметом редактирования, переписывания, пересмотра и даже сознательного уничтожения (как в случае с памятниками Ленина на постсоветском пространстве) со стороны правящих элит. Однако в отличие от общепринятых национальных символов (таких как флаг, гимн, валюта, национальная архитектура, юридические процедуры, сказки, фольклор, национальные костюмы) национальные праздники «не предстают перед нами как постоянная эмпирическая реальность» или «повседневные “маркировки”» (the daily ‘flagging’), которые «стабилизируют наше чувство коллективной идентичности»¹⁶⁵.

Причины «нестабильности» национальных праздников заключаются в том, что (1) праздники цикличны и имеют место только раз в год; (2) несмотря то, что праздники вносят в нашу жизнь 24-часовую «паузу», люди могут сознательно их игнорировать, не воспринимая как «нечто особенное»; (3) их смысл со временем может измениться¹⁶⁶.

Тем не менее, «стабильные» национальные символы (флаг, валюта, фольклор, архитектура и др.), встречающиеся в повседневной жизни каждый день, составляют лишь то, что Н. Луман определил как «фон социальной реальности»¹⁶⁷ (например, как государственные флаги на правительственных учреждениях). Иными словами, они как бы дополняют представления о национальном самосознании, поддерживают нашу лояльность к различным проявлениям национального нарратива. В отличие от этого, национальный праздник является непосредственным выражением этого нарратива (его

¹⁶⁴ National day's: Constructing and mobilizing national identity / Ed. by McCrone D., McPherson G. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2009. – 283 p.

¹⁶⁵ Geisler M. The calendar conundrum: National days as unstable signifiers // National day's: Constructing and mobilizing national identity / Ed. by McCrone D., McPherson G. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2009. – P. 16.

¹⁶⁶ Geisler M. The calendar conundrum: National days as unstable signifiers. P. 17.

¹⁶⁷ Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. – М.: Праксис, 2005. — 256 с.

«чтением») и потому играет особую роль в ряду символических инструментов, формирующих чувство сопричастности к сообществу¹⁶⁸.

Что может дать исследователю понимание государственных и национальных праздников как «нестабильных символов»? Во-первых, такой подход не ограничивает исследователя какими-то определенными теоретическими рамками, а дает возможность комбинировать разные понимания и широко использовать эту категорию при анализе символической политики. Во-вторых, он позволяет смотреть на праздники как на комплексное явление и собственно символ, не расчленяя его на отдельные явления, как это принято в социальной литературе (как, например, ритуал, церемония). Кроме того, это дает возможность применять при анализе государственных праздников свойства символов (такие как, связь с иррациональным, эмоциональным, многозначность, роль контекста применения). В-третьих, разделение на «стабильные» и «нестабильные» символы, дает ответ на вопрос почему, одни праздники укореняются в обществе, а другие нет. Так, слабые государственные праздники могут сигнализировать о проблемах с определением национального нарратива.

Существует множество примеров того, как одни праздники остаются значимыми несмотря на длительность своей истории, а другие так и не приживаются. Как показывает опыт Австралии, Германии и Японии, национальные праздники чаще всего относительно слабы и являются нестабильными символами национального самосознания. Это становится очевидно, когда они сравниваются с другими национальными символами. Так, например, история Германии на протяжении последних 100 лет показывает, что немцы не чувствуют необходимости в национальном празднике. Большое значение, несмотря на противоречивость, для них имеет гимн, принятый еще в 1922 году первым президентом Германской республики Ф. Эбертом.

¹⁶⁸ Geisler M. The calendar conundrum: National days as unstable signifiers. P. 15-16.

Указанный подход может быть использован не только при анализе конструирования национальной идентичности, как это сделали авторы упомянутой монографии, но и более широкому исследованию роли праздников и их функций в символической политике.

Помимо присущих как и всем другим праздникам функций *коммуникации, социализации и воспитания*, государственные праздники также обладают специфическими функциями. Они могут рассматриваться как в контексте *symbolic policy* (политического управления), так и *symbolic politics* как конкуренции идей.

К *социальным* функциям государственных праздников следует отнести **структуризацию пространства и регламентацию временных рамок**. Как отметил социолог Э. Дюркгейм, категория времени (неотъемлемый атрибут государственных праздников) мыслится объективно всеми людьми одной общности (государства) в отличие от ощущений и восприятий, имеющих индивидуальную природу¹⁶⁹. Благодаря официальным праздничным дням время и пространство, таким образом, делится на повседневное и праздничное. У праздника всегда есть начало и конец, которые формально «отсекают» время праздника от обычного времени. Эта функция праздника активно использовалась в Советском Союзе, и как отметил Абрамян, «подобное маркирование необходимо еще и потому, что во время праздника происходят такие изменения в строении общества, которые не должны выходить из рамок соответствующего периода, — ведь любое перенесение праздничных реалий в будни чревато серьезными социальными последствиями»¹⁷⁰. Это обусловлено, в первую очередь тем, что во время праздника «в той или иной мере разрушается принятый в повседневной жизни порядок, снимаются основные запреты»¹⁷¹.

¹⁶⁹ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология / Пер. с англ., нем., фр. Сост. и общ. ред. А.Н. Красникова. – М., 1998. – С. 174.

¹⁷⁰ Абрамян Л. Время праздника // «Отечественные записки». – М., 2003. – №1 – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/oz/2003/1/2003_01_15.html (Дата обращения: 28.10.2012.)

¹⁷¹ Там же.

Государственный праздник способствует **легитимации** / **делегитимации существующего режима**. Это одна из центральных функций государственного праздника как собственно инструмента в политическом управлении. Согласно положениям социального конструктивизма, сформулированным Бергером и Лукманом, функция легитимации состоит в создании новых значений уже существующих различных институциональных процессов¹⁷². Легитимация оправдывает институциональный порядок, придавая нормативный характер его практическим императивам. Согласие и политическое участие без принуждения необходимо политическим элитам для проведения политического курса. Признание массовым сознанием значимости определенных ценностей происходит посредством переживания исторически значимых событий, формирования чувства сопричастности к сообществу через воспроизводство разделяемых символов. Государственный праздник подчеркивает роль государственной власти, которая в соответствии с Конституцией опирается на волю народа. Поэтому, с одной стороны, как отмечает К. Жигульский, «торжества государственного праздника... являются прежде всего манифестацией власти, силы и значения государства. Порядок их проведения обычно включает отдание почестей символам и знакам, воплощающим идею государства, памяти национальным героям, демонстрацию вооруженной силы для подчеркивания мощи, суверенности и международного значения нации, публичное награждение отличившихся перед властью и правительством»¹⁷³. С другой стороны, празднование государственных дат унаследовало традицию укрепления чувства **единения власти и народа**. Поэтому во время празднования особо значимых дат существует практика амнистии, предусматривающая смягчение наказания или освобождение от наказания лиц, осуждённых за преступления, а также прекращение уголовного преследования. Так, например, в царской России

¹⁷² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. С. 150-152.

¹⁷³ Жигульский К. Праздник и культура / Пер. с польск. – М.: Прогресс, 1985. – С. 144.

амнистии были приурочены к восшествию на престол монарха, болезнью царя или членов царской семьи, к важным военным победам и заключению мира¹⁷⁴. В период существования СССР амнистии привязывались к юбилеям Октябрьской революции 1917 года. Сегодня в современной России существует практика объявлять регулярные амнистии по случаю празднования юбилеев Победы в Великой Отечественной войне¹⁷⁵. Кроме того, согласно постановлению Государственной думы в 2006 году ряд заключенных добились амнистии в связи со 100-летием российского парламентаризма, в 2003 году – связи с принятием Конституции Чеченской Республики, а в 2013 году – по случаю празднования 20-летия Конституции РФ.

Государственные праздники **способны навязывать определенное видение социальной действительности**. Это наиболее общая функция любого государственного праздника. Она объясняется тем, что ни один государственный праздник не обходится без праздничной церемонии, на которой произносится поздравительное обращение или послание гражданам. Это особый жанр политического дискурса, посредством которого публично подводятся итоги, демонстрируются достижения государства и формулируются цели на ближайший год.

Государственные праздники способны **формировать коллективную (национальную) идентичность**. Государственные (национальные) праздники выступают как хороший материал для анализа, который фиксирует важные символические указатели национальной идентичности. Они означают диапазон возможных обязанностей и ожиданий членов государства.

Репрезентация сообщества может проходить не только напрямую. Нередко **«значимый Другой»**, образ которого может быть сформулирован в дискурсе государственных праздников, становится удобным ориентиром для

¹⁷⁴ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. II. — СПб., 1902. — С. 1457-1458.

¹⁷⁵ Уголовное право России. Практический курс / Под общ. ред. А. И. Бастрыкина, под науч. ред. А. В. Наумова; Р. А. Адельханян и др.. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2007. — С. 266.

соотнесения оснований осмысления коллективной идентичности, особенно когда ее прямое описание оказывается под вопросом¹⁷⁶. Так, праздники могут быть приурочены к победе над кем-либо (например, День Победы над режимом геноцида в Камбодже, День Великой победы в Ираке до 2003 года), либо по случаю основания государства, отделения от других стран или прекращения оккупации (например, день независимости).

Кроме того, к функциям праздников следует отнести **актуализацию потребностей сообщества**. Она направлена на сохранение позитивных изменений и достижений, а также выступает стимулом для развития государства, его отдельных отраслей. Данная функция праздника лежит в его противопоставлении повседневности, которая формирует необходимость чего-либо нового, отличного от обыденного. Праздник же за счет обострения эмоционального восприятия дает ощущение исполнения любой возможности. Так, например, обостряется чувство патриотизма, веры в будущее нации и т.д.

Таким образом, как мы видим, государственные праздники представляют собой более сложный политико-культурный феномен, при изучении которого необходимо учитывать разные социальные, политические и символические свойства.

Приведенный выше обзор касается некоторых подходов, которые могли бы быть использованы для анализа государственных праздников. Их объединяет ориентация на социальное конструирование реальности, базовая посылка которой – это коллективная деятельность по производству смыслов. Праздники, таким образом, могут представлять как «изобретенные традиции», практики, институты, способы структурирования коллективных поведений и

¹⁷⁶Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. –2-е изд., стер. – СПб.: Наука, 2008. –С. 244-245.

т.д. Данные подходы раскрывают различные стороны многообразного феномена, возможности его институционализации и эффективности.

Для целей данного исследования представляется важным анализ государственных праздников как *нестабильных символов*. Данное определение подчеркивает их особый статус среди других государственных (национальных) символов (флага, герба, гимна). Повторяясь из года в год, они способны разыгрывать национальный нарратив.

Выбор такого фокуса исследования государственных праздников обусловлен теоретическими соображениями: онтологическое понимание символа и символической политики как конкурентной борьбы по производству и навязыванию смыслов дает основание наделять праздники специфическими функциями. Для того чтобы раскрыть потенциал использования государственных праздников как инструментов символической политики необходимо обратиться к их «внутренним» возможностям, т.е. раскрыть суть символического конструкта, что и является задачей следующего параграфа.

§3. Государственные праздники как «нестабильные символы»:

элементы, практики, свойства

Обозначенные нами функции дают представление о той роли, которую выполняют праздники. Задача данного параграфа состоит в концептуализации понятия «государственный праздник». На этом этапе нам необходимо определиться с выбором понятий, которые мы будем использовать в качестве инструментов описания и анализа в нашем исследовании.

Государственные праздники хотя и воспринимаются как единое целое, но состоят из ряда элементов, которые представляют собой широкий набор символических форм¹⁷⁷: это идеи, выраженные в публичной риторике, а также символические действия, ритуалы, обряды и церемонии. Теория социального конструктивизма П. Бурдьё позволяет нам говорить о них как о практиках. «Практики стремятся воспроизвести закономерности, присущие условиям, в которых было сформировано их порождающее начало, но при этом соотносятся с требованиями, содержащимися как объективная возможность в ситуации, которая определяется когнитивными и мотивирующими структурами, входящими в состав габитуса»¹⁷⁸. Иными словами, практика – это «все то, что агент делает сам и с чем он встречается в социальном мире»¹⁷⁹. Она учитывает прошлый опыт индивидов и обладает изменчивостью.

Социологический термин «практика» «имеет определенную ценность для достижения методологических компромиссов»¹⁸⁰, поскольку

¹⁷⁷ Напомним, что Э.Кассирер, автор философии символических форм, относил к ним язык, миф, искусство, религию и науку. Мы вслед за П. Бурдьё будем понимать под символическими формами «субъективные структуры» (Бурдьё П. О символической власти // Бурдьё П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; Отв. ред. перевода Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – С. 89.) или структурированные представления и формы действия политических акторов.

¹⁷⁸ Бурдьё П. Практический смысл. С. 108.

¹⁷⁹ Шматко Н.А. Послесловие. На пути к практической теории практики // Бурдьё П. практический смысл. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 551.

¹⁸⁰ Волков В.В. О концепции практик(и) в социальных науках // Полис. – М., 1997. – №6. – С. 9.

подчеркивает активную роль акторов в воспроизводстве и процессе изменения публичной сферы.

Условно все элементы государственных праздников в зависимости от способа воспроизводства можно разделить на вербальные и невербальные практики. Наш дальнейший анализ будет строиться на этом разделении, с помощью которого мы постараемся «зафиксировать специфическую логику» символических форм¹⁸¹, составляющих государственные праздники.

Праздник и дискурс

Начнем с анализа дискурсивных практик, которые играют важную роль в подтверждении и обновлении принципов общественного устройства. Под дискурсом вслед за М. Фуко мы будем понимать «совокупность высказываний, подчиняющихся одной и той же системе формирования»¹⁸², соответственно дискурсивные практики – это правила формирования высказываний с учетом исторических, социальных, лингвистических особенностей¹⁸³.

Всякий дискурс является неотъемлемой частью общественных отношений, т.к. с одной стороны, формирует эти отношения, а с другой – формируется ими¹⁸⁴. Содержание дискурса – и в тот момент, когда он создается, и тогда, когда он воспринимается, – до известной степени подчинено идеологическим установкам¹⁸⁵. Собственно идеологическая функция господствующего дискурса, как отмечал П. Бурдьё, – «структурированного и структурирующего медиума», – это стремление «навязать восприятие установленного порядка как естественного

¹⁸¹ Бурдьё П. О символической власти // Бурдьё П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; Отв. ред. перевода Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – С. 89.

¹⁸² Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М.Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»: Университетская книга, 2004. – С. 209-210.

¹⁸³ Там же. С. 320.

¹⁸⁴ Chouliaraki L., Fairclough N. Discourse in late Modernity – Rethinking critical discourse analysis. – Edinburgh: Edinburgh univ. press, 1999. – 168 p.

¹⁸⁵ Dijk T. v. Discourse semantics and ideology // Discourse and society. – L., 1995. – Vol. 6, N 2. – P. 243-289.

(ортодоксия) посредством замаскированного внушения (а потому не замечаемого как таковое) систем классификации и ментальных структур, объективно подогнанных к социальным структурам»¹⁸⁶.

На наш взгляд, вербальные элементы праздника в целом можно определить как *идеологию*. Существует множество подходов к пониманию идеологии, претендующих на всеобъемлющее описание ее природы и функций¹⁸⁷. Как отметил антрополог К. Гирц, господствующее понимание идеологии в современных науках оценочно и зачастую принимает уничижительный характер. Однако стоит согласиться с ним, что «идеология – это не (совсем) то же самое, что ложь»¹⁸⁸. Более того, проблема идеологии возникает там, где существует расхождение между ценностными убеждениями и взглядами различных политических акторов. Продолжая логику Гирца, М. Фриден пишет, что идеология как упорядоченная система, комплекс культурных символов выступает в качестве репрезентатора реальности и предусматривает так называемые «дорожные карты», без которых индивиды и группы не могут соотносить себя друг с другом¹⁸⁹.

Под *идеологией* государственных праздников в данном исследовании мы будем понимать, прежде всего, *систему ценностных представлений и установок, задающих модели интерпретации прошлого и настоящего, которые воспроизводятся посредством дискурсивных практик*. Данное определение, с одной стороны, позволяет сосредоточиться на идейной составляющей государственных праздников, а с другой – открывает возможности для установления связей и отношений между более общими идеями и установками разных политических акторов.

¹⁸⁶ Бурдые П. О символической власти // Социология социального пространства / Пер. с фр.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – С. 94.

¹⁸⁷ Малинова О.Ю. Концепт идеологии в современных политических исследованиях // Политическая наука: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки., Рос. ассоц. полит. науки; Ред. и сост. вып. Малинова О.Ю. – М., 2003. – №4: Политическая идеология в современном мире. – С. 8-29.

¹⁸⁸ Гирц К. Интерпретация культур. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 227.

¹⁸⁹ Freedon M. Ideology: A very short introduction. – Oxford; N.Y.: Oxford univ. press, 2003. – P. 40-42.

Как ряд других инструментов социальной интеграции, государственные праздники являются продуктами целенаправленного конструирования: они учреждаются по инициативе и при поддержке властвующих элит. Именно власть формулирует и разъясняет смысл и значение праздничных дней, поскольку она заинтересована в контроле над действиями, отношениями, нормами и ценностями, т.е. в конструировании «реальности, устанавливая гносеологический порядок»¹⁹⁰.

Существует ряд работ, которые затрагивают тему использования праздников государством¹⁹¹, однако, они не предлагают готовых схем для анализа их идеологического содержания, что дает нам возможность предложить собственную исследовательскую модель для изучения идеологии государственных праздников.

Центральное место в структуре идеологии государственных праздников занимает его *идея*. В научной литературе к идеям относят широкий спектр форм продуктов сознания – набор смыслов, нормативных систем, верований, убеждений, принципов и представлений, фреймов, разрабатываемых политическими элитами, и т.д.¹⁹² Тем не менее, исследователи сходятся во мнении, что идеи играют огромную роль в политической идеологии и задают рамки политического действия. Идеи в политике могут быть сформулированы отчетливо, либо принимать неявное выражение, «не всегда поддаются очевидной формулировке»¹⁹³.

На наш взгляд, идеи государственных праздников, выраженные публично, чаще всего можно зафиксировать, поскольку они разрабатываются специально для оказания влияния на общественное мнение. Так, каждый

¹⁹⁰ Там же. С. 89.

¹⁹¹ Жигульский К. Указ.соч.; Литвинова М.В. Социокультурная динамика массовых праздников и зрелищ. – Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2003. – 156 с.; Глебкин В.В. Ритуал в советской культуре. – М.: «Янус-К», 1998. – С. 168.; National day's: Constructing and mobilizing national identity / Ed. by D. McCrone, G. McPherson. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2009. – 288 p.; Щербинин А.И. Тоталитарная идеология как управление сознанием: Учеб. пособие. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2012. – 274 с. (Глава 2. «Праздники и игры», Глава 3. «Календарь»). и др.

¹⁹² См., например: Campbell J.L. Ideas, politics, and public policy // Annual review of sociology. – Palo Alto, 2002. – Vol. 28. – P. 21-38; Малинова О.Ю. Почему идеи имеют значение? Современные дискуссии о роли «идеальных» факторов в политических исследованиях // Политическая наука. – М., 2009. – № 4. – С. 5-24.

¹⁹³ Малинова О.Ю. Почему идея имеют значение? С. 11.

политический актер вправе предлагать свою идею праздника, претендуя на собственную интерпретацию политической реальности, исторической и культурной памяти. Особую значимость приобретают юбилейные даты, которым уделяют больше внимания. В подобных «воспоминаниях» наиболее четко формулируется и воспроизводится формализованная идея праздника, перекликающаяся с национальной идеей.

Попытаемся зафиксировать основные особенности идеи праздника. Она абстрактна, поскольку представляет собой идеализированный образ государства или общественных отношений, но при этом может обладать яркой эмоциональной окраской, служащей источником воодушевления и средством преодоления раскола между властью и народом.

Идея праздника должна отвечать на вопрос: Зачем тот или иной праздник необходим государству? Возможны варианты ответов: объединить народ после гражданской войны, сохранить историко-культурные традиции народа (как, например, в случае с латышским праздником летнего солнцестояния Лиго), продемонстрировать значимость труда и уважение к нему и т.д.

Идея влияет на популярность праздника среди граждан. «Именно стремление напомнить, обновить, гарантировать, подтвердить ценность некоторого культурного, общественного, национального или политического блага является той силой, которая в устойчивой и заинтересованной группе создает потребность в празднике. До тех пор пока жива эта идея, до тех пор пока группа находит в ней опору, верит в нее, черпает из нее силы, потребность в празднике сохраняется и находит свое естественное удовлетворение в праздновании»¹⁹⁴.

Основой той или иной идеи праздника являются *политические ценности*. Условно их можно разделить на две группы. Первую составляют ценности «высокого символического ранга» как абстрактные идеалы, не связанные с конкретным объектом или ситуацией, как своего рода

¹⁹⁴ Жигульский К. Указ.соч. С. 85.

представления человека об идеальных моделях поведения и целях. Они «могут получать кодификацию в текстах, прошедших ритуальную легитимацию в момент торжественного провозглашения»¹⁹⁵. К таким ценностям, например, можно отнести индивидуальную свободу, равенство и братство. Их отсутствие способно привести к потере государственным праздником смысла.

Вторую группу представляют ценности, символизирующее и содержащее политико-правовую характеристику государственного праздника. Так, национальные праздники или Дни нации связаны с провозглашением идеи единения нации, система ценностей которых дополняется суверенитетом, национальным интересом, национальной безопасностью и т.д. Для того чтобы праздники возникали и продолжали существовать, празднующая группа должна иметь общие ценности. Соответственно утрата интереса к праздникам может означать потерю интереса к лежащим в их основе ценностям. Декларирование ценностей еще не означает их реальную значимость на практике.

Идеология праздника может быть вербально оформлена в виде *нарратива*. Существует множество определений этого феномена. Д. Полкингхорн¹⁹⁶ выделяет два основных варианта понимания нарратива в социальных науках: нарратив в широком смысле – любое письменное или устное повествование, и нарратив в узком смысле – схема организации опыта¹⁹⁷, включающая в себя определенные составляющие. Чаще всего под нарративом можно понимать «истории с началом, серединой и концом, которые содержат вывод или некий опыт рассказчика»¹⁹⁸. Его главная

¹⁹⁵ Мухарямов Н.М. О символических началах в языке политике (прагматический аспект) // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Ред. кол.: О.Ю. Малинова – гл. ред. и др. – М., 2012. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – С. 69.

¹⁹⁶ Polkinghorne D. Narrative knowing and the human sciences. – Albany : State univ. of New York press, 1988. – 232 p.

¹⁹⁷ См., например: Labov W., Waletzky J. Narrative analysis: Oral versions of personal experience // Essays on the verbal and visual arts / J. Helms (ed.). – Seattle: Univ. of Washington press, 1967. – Mode of access: <http://www.clarku.edu/~mbamberg/LabovWaletzky.htm> (Дата обращения: 24.06.2013.)

¹⁹⁸ Методы анализа текста и дискурса / С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак, Е. Витгер; Пер. с англ. – Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009. – С. 172.

особенность, если придерживаться позиций социального конструктивизма, – темпоральность, т. е. особый способ организации излагаемого содержания во времени.

Важным свойством нарратива является его объяснительность. «Нарратив не просто излагает события, но делает их доступными для понимания, систематизирует причинно-следственные связи»¹⁹⁹.

Как область кросс-дисциплинарных исследований нарратив стал использоваться с 1980-х годов, которые ознаменовали собой начало «нарративного поворота» в социальных науках и осознание важности повествования в человеческой жизни. Нарратив, таким образом, стал рассматриваться как когнитивная модель, работающая в разных контекстах.

Как отмечает С. Зенкин, «в этом смысле теория нарратива сомкнулась с так называемым “лингвистическим поворотом” в исторической науке, то есть с мощной методологической самокритикой, которой подвергла себя западная историография во второй половине XX в.»²⁰⁰. Для политической науки использование нарратива показало необходимость идеологически ответственное повествование, «не допускающее какой-либо игры и обычно претендующее на истинность, “историческую правду”»²⁰¹.

Для политического нарратива, как и для других разновидностей нарративов, важно наличие некоего рассказчика и реальной (или воображаемая) аудитории, которая «подтверждает» тот или иной нарратив. Такой аудиторией могут быть как граждане данного государства, так и мировое сообщество.

Е.И. Шейгал, автор нескольких известных трудов по политической лингвистике и анализу политического дискурса, выделяет три типа нарративов в зависимости от характера референта: личностный (нарратив

¹⁹⁹ См.: Velleman J.D. Narrative explanation // The philosophical review. – N.Y., 2003. – Vol. 112, N 1. – P. 1-25; Цит. По: Шейгал Е.И. Многоликий нарратив // Политическая лингвистика. - Екатеринбург, 2007. – Вып. (2) 22. - С. 87.

²⁰⁰ Зенкин С. Критика нарративного разума // НЛО. – М., 2003. – № 59. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/59/zen.html> (Дата обращения: 23.04.2013.)

²⁰¹ Там же.

политика), идеологический (нарратив-доктрина), событийный (нарратив политических событий и ситуаций)²⁰². Нарратив праздника вряд ли можно отнести к событийному нарративу, поскольку напрямую не является обоснованием тех или иных политических акций. Он скорее представляет собой комплекс идей, лежащих в основе партийной или государственной идеологии.

Под *нарративом праздника* мы будем понимать совокупность высказываний, текстов, сконцентрированных вокруг праздничного события. Выделим некоторые особенности нарратива праздника, отличающие его от других нарративов:

1. Нарратив праздника в той или иной степени соотносится с национальным нарративом (метанарративом)²⁰³ и пониманием нации и государства, даже если праздник напрямую не связан с провозглашением независимости или приобретением суверенитета. Одна из основных задач реконструкции метанарратива – это создание истории основания государства, - пишет в своем исследовании Л.А. Бренд²⁰⁴. На практике метанарратив является средством трансформации принципов идеологии в реалии повседневной жизни граждан²⁰⁵ и задает общие принципы политической и экономической организации.
2. Нарратив праздника, как правило, разворачивается вокруг исторического события в прошлом, имеющего общенациональное значение, будь то достижения или конфликты. Такие события

²⁰² Шейгал Е.И. Многоликий нарратив // Политическая лингвистика. - Екатеринбург, 2007. – Вып. (2) 22. - С. 86-93.

²⁰³ Вслед за О.Ю. Малиновой под национальным нарративом мы будем понимать смысловую схему «исторического повествования, которая описывает и “объясняет” генеалогию сообщества, полагаемого нацией, устанавливая связи между событиями. Такого рода схемы задают шаблоны для интерпретации конкретных эпизодов прошлого» (Малинова О.Ю. Официальная риторика и конструирование национального прошлого: Анализ тематического репертуара памятных речей президентов РФ (2000-2013 гг.) – В печати.).

²⁰⁴ Brand L.A. The Islamic State and the politics of official narratives // The Washington post. – Washington, D.C., 2014. – 8 September. – Mode of access: <http://www.washingtonpost.com/blogs/monkey-cage/wp/2014/09/08/the-islamic-state-and-the-politics-of-official-narratives/> (Дата обращения: 04.11.2014.)

²⁰⁵ Gill G.J. Symbolism and regime change in Russia. – Cambridge; N.Y.: Cambridge univ. press, 2013. – P. 4.

отсылают к каким-то будущим последствиям. Подобным примером может служить празднование Дня взятия Бастилии, послужившим началом Великой французской революции и установлению республиканских ценностей. Особое место в нарративе может занимать рассказ о национальных героях. Как отмечает польский историк К. Жигульский, торжества являются прежде всего манифестацией власти, силы и значения государства²⁰⁶. Они могут апеллировать к конституции или содержать религиозный дискурс, если государство признает особую роль какой-либо религии. Так, в Израиле на государственном уровне отмечаются только еврейские религиозные и национальные праздники.

3. Поскольку государственный праздник представляет собой значимое событие, выделяющееся на фоне будничных дней, он привлекает к себе повышенное внимание.
4. Нарратив праздника может иметь много повествователей и соответственно разнообразие историй.
5. Повествование имеет вариативную разножанровую форму. Помимо официальных речей по случаю празднования нарратив праздника может включать такие жанры как интервью, аналитические заметки, выступления и комментарии политиков в прессе и т.д.

Нарративы государственных праздников нередко приобретают черты современных *мифов*. Каждый миф – это нарратив, но не каждый нарратив миф. Структурная семиотика позволяет проследить механизм формирования мифа. По мысли Р. Барта, миф создается на основе ранее существовавшей семиологической цепочки и представляет собой вторичную семиологическую систему, которая деформирует изначальный смысл символа, придавая ему новое значение. «Его задача – “протащить” некую

²⁰⁶ Жигульский К. Указ. соч. С. 144.

понятийную интенцию»²⁰⁷. Миф нужен не для того, чтобы рассказать историю о государственном празднике и убедить в ее подлинности, но сформировать представление, заставить верить в идею праздника, констатировать, не пытаясь ее объяснить, т.е. сделать так, чтобы она стала «само собой разумеющейся»²⁰⁸.

Развивая эту мысль, остановимся на особенностях мифа праздника. В нашем понимании, *миф праздника* – это, первую очередь, сконструированная история о происхождении праздника, принимающая особую форму выражения. Он как бы *деформирует* (идеологизирует) исторические события и превращает их в объективные факты. Миф возникает в тот самый момент, когда значимость тех или иных событий начинает восприниматься как «естественное» явление.

Мифологическое повествование отличается от других типов нарративного повествования (басен, сказок) тем, что сообщает повышенную функциональную нагруженность именам собственным (героям, топонимам и т.д.). Миф в праздничном действии, отмечает К. Жигульский, «как рассказ о судьбах необыкновенного и необыкновенных героев, персонифицирует события и ценности, для почитания которых учрежден праздник»²⁰⁹. В то время как герои становятся «необязательными в повествованиях немифопоэтического типа, где они имеют тенденцию либо вовсе исчезать (в баснях, ехемпла, фаблио), либо семантизироваться, становясь прозрачными, легко опознаваемыми знаками аллегорического (например, в литературной сказке) или социально-типологического характера (в новоевропейской новеллистике и реалистическом романе)»²¹⁰.

Кроме того, миф праздника опирается на значимые символы, вызывающие доверие и обладающие длительной историей. Они должны иметь значимость для всего сообщества. Таким образом символы добавляют

²⁰⁷ Барт Р. Мифологии / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. – М.: Академический Проект, 2010. – С. 289.

²⁰⁸ Там же. С. 304-306.

²⁰⁹ Жигульский К. Праздник и культура. С.78.

²¹⁰ Зенкин С. Работы о теории: Статьи / Сергей Зенкин. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 171.

весомости празднику и помогают в конечном счете соотнести праздник с другими государственными символами. Это могут быть государственный флаг (и учрежденный по этому случаю День флага), Конституция (День Конституции или День независимости), исторические личности (День народного единства) и т.д.

Современный политический миф, как заметил М. Эдельман, предполагает осознание коллективного действия²¹¹. Эмоционально разделяя политические убеждения, члены общности принимают на веру значимость оценки события – его критику или оправдание. Именно поэтому миф нуждается в политическом контроле со стороны элит.

С. Холл выделяет три стратегии конструирования и воспроизводства практик, постулирующих единение нации (государства). Во-первых, это воспроизводство нарративов о нации в национальных историях, литературе, медиа и современной массовой культуре, «обозначающие или представляющие разделяемый опыт и неудачи, а также провозглашающие триумф и поражения, которые обрели значение для нации»²¹². Вторая стратегия связана с репрезентацией нации как исконной сущности (*primordial entity*), когда подчеркивается ее происхождение, преемственность и традиции. Глубокие исторические корни создаются путем упоминания о «золотых временах», «мифе о происхождении» или моменте основания. К третьему типу С. Холл относит изобретенные традиции. Э. Хобсбаум определил их как «набор практик, обычно регулируемых, публично или по умолчанию разделяемых правил ритуальной или символической природы, целью которых является привить определенные ценности и нормы поведения путем повторения, которое подразумевает преемственность с прошлым»²¹³.

Вне зависимости от стратегии, государственный праздник как традиция обладает способностью к воспроизводству. Актуализация идеологической

²¹¹ Edelman M. The symbolic uses of politics. P. 18.

²¹² Hall S. The question of cultural identity // *Modernity and its futures* / S. Hall, D. Held, T. McGrew. – Oxford: Polity Press, Open univ. press, 1992. – P. 293.

²¹³ The invention of tradition. P. 1

составляющей праздника возможна благодаря устойчивости и направленным усилиям членов общности сохранить унаследованные от предыдущих поколений формы поведения, которые с течением времени способны изменяться и соответствовать ее запросам.

Формы празднования

Хотя основным направлением символических коммуникаций, безусловно, являются вербально оформленные «идеи» в виде заявлений, принципов, концепций и т.д., существенную роль также играют невербальные проявления. Идеологические интенции символически закрепляются в коллективной памяти с помощью ряда механизмов. По отношению к государственным праздникам мы будем называть *формами празднования*. Наиболее часто государственные праздники связывают с ритуалом, обрядом, церемонией или зрелищем.

Государство и его представители (президент, правительство, парламентские комитеты и др.) обладают инициативой по учреждению праздников, а также финансовыми ресурсами для их проведения. Однако это не исключает того, что другие политические акторы не могут их использовать. Другой вопрос состоит в том, что конкурирующие политические акторы могут заимствовать у властвующей элиты те или иные формы или предлагать альтернативные.

К основным видам форм празднования можно отнести ритуальные практики, обряд, церемония, зрелище. Ниже мы выделим их основные характеристики и отличия.

Ритуалом принято называть широкий спектр социальных и культурных практик. Однако при многообразии определений ритуала существует консенсус по поводу его свойств, к которым относятся: высокая степень стандартизации, стилизации, повторяемость, а также устойчивость во

времени²¹⁴. Ритуал – это форма символического поведения, предполагающая выражение общей идеи, это публичное вспоминание нарратива праздника, его инсценировка. Ритуал имеет религиозные истоки, поэтому с ним связывают выражение «высших ценностей», которые находятся в ином, нежели пространство быта, измерения и обладают особым онтологическим статусом.

Роль ритуальных практик в поддержании общественной жизни основательно исследована антропологами. Среди наиболее известных исследователей, затронувших роль ритуалов в праздничном действии, стоит отметить В. Тэрнера²¹⁵, К. Леви-Стросса²¹⁶, Й. Хейзинга²¹⁷, В. Тайлор²¹⁸ и др. По мнению М. Эдельмана, государственный праздник – это собственно политический ритуал²¹⁹. Он относительно устойчив, поскольку представляет собой набор повторяющихся практик, и этом смысле является консервативным. Однако мы склонны согласиться с В. Глебкиным, что ритуалы, как и церемонии могут составлять существенную часть праздника²²⁰. Однако праздник никогда полностью не сводится к ритуалу, оставляя место для развития, появления новых элементов, которые позволяют ему соответствовать времени. Ритуальные действия, как часть государственного праздника, необходимы для выражения чувства эмоциональной солидарности с социальной общностью и ее нормами.

Включение в ритуал празднования мифа, объясняющее настоящее, прошлое и будущее, способно «разыграть» видимость социальной безопасности и разумности, воплотить идеи в социальное действие – пусть и в течение ограниченного временными рамками праздничного дня. Эдельман

²¹⁴ Рольф М. Советские массовые праздники / Пер. с нем. В.Т. Алтухова. – М.: РОССПЭН: Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. – С. 20.

²¹⁵ Тэрнер В. Символ и ритуал / Сост. и автор предисл. В.А.Бейлис. – М.: Наука, 1983. – 277 с.

²¹⁶ Леви-Стросс К. Первобытное мышление / Пер., вступ. ст. и прим. А. Б. Островского. – М.: Республика, 1994. — 384 с.

²¹⁷ Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / Сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 416 с.

²¹⁸ Тайлор В. Первобытная культура / Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.

²¹⁹ Edelman M. The symbolic uses of politics. P. 16.

²²⁰ Глебкин В.В. Указ. соч. С. 19.

писал о современных ритуалах: «Ритуал – это двигательная активность, которая вовлекает его участников при помощи символов в совместное действие, заставляя обратить внимание на связность и совместные интересы. Тем самым оба (миф и ритуал) стимулируют сообразность и вызывают чувства удовлетворения и наслаждения в сообразности»²²¹. Участие в такого рода эмоционально насыщенном акте, в котором каждый участник подчеркивает его реальности и серьезности для каждого другого, является самым мощной формой политического убеждения²²².

Обряд, в отличие от ритуала, как отмечает В. Глебкин, обладает гораздо более древней историей. Иногда обряд подменяют более широким понятием «обычай». Однако обычай – это «привычка, выработанная годами, стиль жизни»²²³. В то же время, по словам М.В. Литвиновой, обрядовые действия, как правило, являются коллективными и публичными. И обряд, таким образом, представляет собой «условно-символическое действие, оформляющее и ознаменовывающее наиболее важные события общественной и личной жизни»²²⁴. Это в своих исследованиях также подтверждал французский социолог П. Бурдьё, суммируя суть обрядов в их социальной функции: «Обряды суть самоцельные практики, получающие свое осуществление в самом осуществлении; действия, делающиеся потому, что “так делается”, или потому, что “так надо делать”, но иногда еще и потому, что ничего другого не остается, как делать это, и нет нужды знать, почему и для кого это делается и что означает»²²⁵.

Также часто при описании государственных праздников используется категория «*церемония*». В отличие от обряда (строгая программа поведения) и ритуала (выражение высших ценностей) за церемонией стоит

²²¹ Edelman M. The symbolic uses of politics. P. 16.

²²² Ibid. P. 18.

²²³ Глебкин В.В. Указ. соч. С. 17-18.

²²⁴ Литвинова М.В. Социокультурная динамика массовых праздников и зрелищ. – Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2003. – С. 32-33.

²²⁵ Бурдьё П. Практический смысл. С. 41.

торжественное совершение какого-либо действия. Тем самым раскрывается ее светский, формальный характер²²⁶.

Часто праздник стоит в одном ряду с понятием «зрелище». В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля 1866 года издания «зрелище» определяется как «случай, событие, происшествие, видимое глазами, все, что рассматриваем, на что глядим внимательно». Второе значение этого термина – «театральное представление, театр»²²⁷. Каждый компонент зрелищного действия обращен к зрителю, подчинен организации его внимания и впечатлений. Главная функция зрелища – социальная, «воздействие на индивида... с точки зрения формирования новой общественной силы»²²⁸.

В отличие от церемонии зрелище нередко предполагает участие зрителей в действии. Оно менее формализовано. Поэтому нередко зрелище отождествляется с понятием «массовый праздник». В книге Д.М. Генкина «Массовые праздники» (1975) под зрелищем подразумевается явление необычное, синтезирующее действительность и искусство, художественно оформляющее то или иное реальное жизненное событие²²⁹.

В целом ритуал, обряд, церемония и зрелище указывают на динамическую составляющую праздника, отмечая разную степень ее значимости для общества и преследуя разные цели. Они могут использоваться как по отдельности, так и комбинироваться.

В общем виде модель, служащую упрощенным представлением элементов государственного праздника, можно представить в следующем виде.

²²⁶ Литвинова М.В. Социокультурная динамика массовых праздников и зрелищ. С. 39.

²²⁷ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. / Вступ. ст. А. М. Бабкина. – М.: ГИС, 1955. – Т. 1. – С. 28.

²²⁸ Банфи А. Философия искусства / Предисл. К. М. Долгова; Пер. с итал. Г. П. Смирнова.— М.; Искусство, 1989. – С. 321.

²²⁹ Генкин Д.М. Массовые праздники: Учебное пособие для институтов культуры. - М.: Просвещение, 1975. – С. 19, 79.

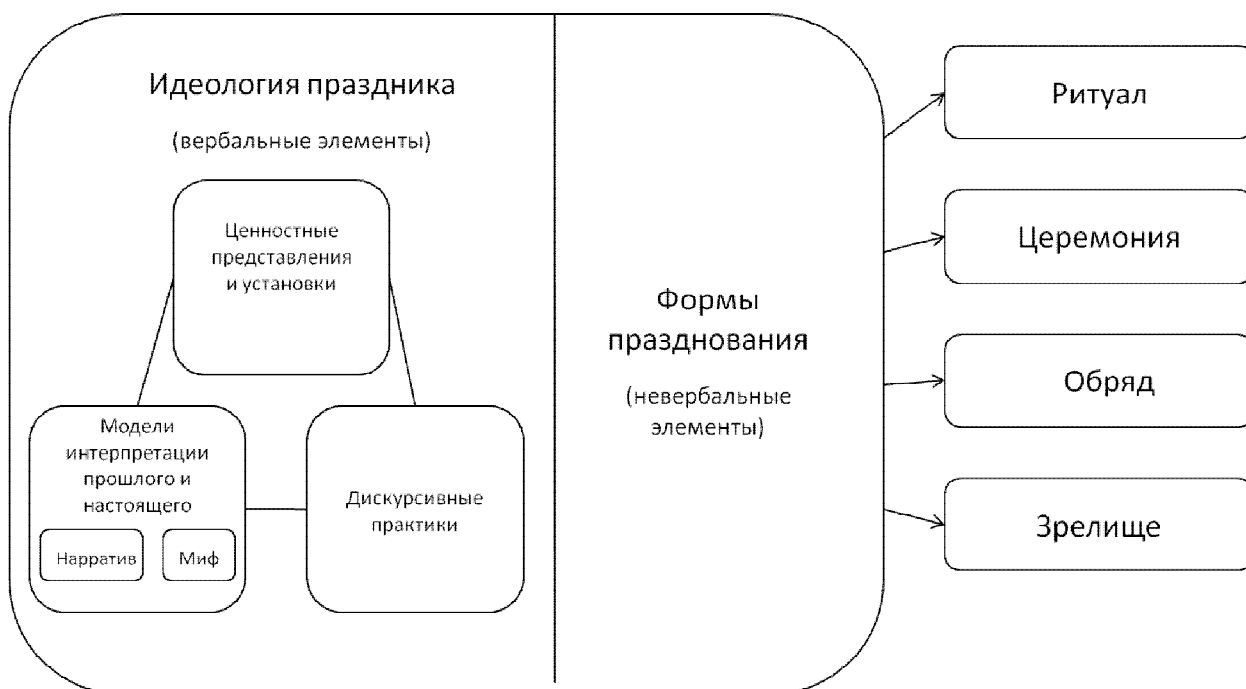

Рис. 1. Структура элементов государственного праздника

За пределами нашего внимания остались такие праздничные практики как застолье, народное гулянье и другие массовые мероприятия. Они представляют собой, так называемые *неофициальные практики*, рассчитанные на широкий круг участников. Для них характерна особая специфика праздничного поведения и общения людей на стыке народной культуры и современных форм пропаганды. Их разнообразие требует особого подхода для анализа с учетом исторических, культурных и социальных особенностей.

Таким образом, изучение государственных праздников в данном исследовании строится на нескольких концептуальных основаниях. Во-первых, мы рассматриваем праздники как важный инструмент символической политики государства. Теория социального конструктивизма

позволяет обратить внимание на систему смыслов, которую несут праздники, а также их функции.

Во-вторых, способность к трансформации позволяет рассматривать государственные праздники как «нестабильные символы», подвергая анализу их отдельные элементы. Условно мы разделили элементы праздника на вербальные, которые составляют его идеологию, и невербальные, представляющие динамическую характеристику исследуемого объекта.

Особенности изменений практик празднования заключается в следующем. Во-первых, трансформация идеологического содержания и ритуальных практик связана с естественными историческими процессами общественных изменений. Во-вторых, то, что идеология праздника официально устанавливается государством, еще не означает, что она разделяется всеми членами общества. Существуют альтернативные точки зрения на смыслы и значения праздников, которые позволяют другим акторам включаться в конкурентную борьбу за власть и право доминировать в поле политики. Такими политическими акторами могут быть политические партии, отдельные политические лидеры, способные влиять на политическую повестку дня, а также некоторые общественные организации, созданные при партиях и преследующие политические цели.

Используя предложенную модель элементов праздника, в следующей главе мы сосредоточимся на анализе современной политики, а именно – идеологического содержания и политико-символических практик государственных праздников в России.

В результате мы должны получить своеобразную палитру конкретных интерпретаций содержания государственных праздников, циркулирующих в публичном пространстве.

Глава II.

Современные российские государственные праздники как предмет символической борьбы: акторы, идеологические интерпретации, практики празднования

В данной главе мы проанализируем практики использования государственных праздников в символической политике современной России. Первый параграф главы посвящен анализу эволюции символической политики государства в отношении праздников (*symbolic policy*), которая показывает, как менялся политический курс власти. Это позволит описать политический контекст, в котором формировались праздники, а также обозначить основные тенденции их использования.

Во втором и третьем параграфе основное внимание уделено собственно *symbolic politics*, т.е. конфигурации различных позиций политических акторов – особенности использования элементов государственных праздников в обоснование собственных интерпретаций политической реальности. В этой части мы остановимся на анализе динамики (1) конкретных интерпретаций и (2) практик празднования со стороны различных политических акторов, которые будут погружены в политический контекст. Под интерпретациями содержания государственных праздников мы подразумеваем различные варианты идеологии праздника. Для характеристики государственных праздников столь же важны данные о публичных практиках их празднования – как официальной части, государственного, публичного церемониала, так и их альтернативные способы празднования – митинги, пикеты, марши протеста и т.д.

§1. Этапы становления и трансформации государственных праздников в современной России

Государственные праздники невозможно отменить и забыть в одночасье: требуется достаточно длительное время, чтобы поколения утратили культурную и социальную память. Даже в случае радикальных изменений новые режимы опираются на уже существующие политико-символические практики. Как показал В. Глебкин, процесс создания культурных форм, соответствующих советскому празднику, сопровождался перенесением на новую реальность ранее сформировавшихся механизмов. Именно благодаря повсеместной ритуализации, уходящей своими корнями в культуру русской интеллигенции и крестьянства, советские массовые праздники изначально получили поддержку в народе. Так, например, элементы религиозного крестного хода, популярного в дореволюционной России (Пасха, Крещение Господне и т.д.), были заимствованы советскими демонстрациями. А элементы обряда крестин легли в основу посвящения в пионеры²³⁰.

После распада СССР все бывшие советские республики, в том числе Россия, столкнулись с необходимостью проведения символической политики, которая могла бы легитимировать новые режимы. Неотъемлемой частью таких изменений стали пересмотр праздничного календаря и выбор новых государственных праздников. В Советском Союзе праздники занимали важное место в арсенале пропаганды, они «служили инструментом для популяризации политических целей и манипулирования людьми... они также были одним из каналов, через которые политика режима проводилась в жизнь»²³¹.

В 1991 году поражение августовского путча, а с ним и слом коммунистического режима и партийных структур, «цементирующих»

²³⁰ Глебкин В.В. Указ. соч.

²³¹ Рольф М. Советские массовые праздники. С.7

СССР, не привели к глубоким культурным изменениям и отказу от «старых» политико-символических практик. Б.Н. Ельцин не пошел на кардинальное упразднение старых праздников, хотя часть радикально настроенных демократических сил добивалась этого. Политическая система находилась в состоянии транзита и поиске качественно новой, альтернативной концепции общества и государства, базовых принципов и ценностей. По выражению Е. Гайдара, политическая сфера к концу 1991 года представляла «гибрид советской и президентской форм правления, республика посткоммунистическая и преддемократическая»²³².

Необходимо выяснить, насколько устойчивой оказались советские практики празднования, с которыми пришлось столкнуться российским реформаторам? Были ли попытки сформулировать новую идеологию уже существующих праздников властью и другими политическими акторами? Как соотносились их позиции?

Трансформация существующих и введение новых государственных праздников потребовали скрупулезной работы по отношению к выбору исторически значимого прошлого. Подобную ситуацию в семиотическом ключе хорошо описал М.Ю. Лотман, заметив, что «меняется не только состав текстов, меняются сами тексты. Под влиянием новых кодов, которые используются для дешифровки текстов, отложившихся в памяти культуры в давно прошедшие времена, происходит смещение значимых и незначимых элементов структуры текста»²³³. Таким образом, для новых праздников было необходимо «извлечь» «нужные» события из истории и придать им современный смысл. Содержание «культурной памяти», в контексте которой чаще всего исследуются праздники в целом²³⁴, не постоянно, оно изменяется

²³² Гайдар Е.Т. Власть и собственность: Смуты и институты. Государство и эволюция. – СПб.: Норма, 2009. – С. 292.

²³³ Лотман М.Ю. Память в культурологическом освещении // Лотман М.Ю. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПБ, 2010. – С. 675.

²³⁴ См., например: Rodriguez J., Fortier T. Cultural memory: Resistance; faith; and identity. – Austin: Univ. of Texas press, 2007. – 154 p.

в зависимости от социальных и политических условий, т.е. обусловлено «социальными рамками» памяти²³⁵.

Проблематика, связанная с социальной памятью, использованием и интерпретацией прошлого, стала активно обсуждаться в профессиональном сообществе историков и политологов не столь давно²³⁶. Как отмечает А.И. Миллер, «о политизации истории можно говорить в том случае, когда политики используют “исторические” аргументы в своих выступлениях», а собственно *политика памяти* «касается различных общественных практик и норм, связанных с регулированием коллективной памяти»²³⁷. Вслед за О.Ю. Малиновой мы исходим из того, что политическое использование прошлого является элементом символической политики. Государственные праздники подчеркивают роль власти. В сущности, продвижение определенного видения идеи праздника – это формулирование ценностей, на основе которых организуется общество, выбор исторического прошлого и путей развития.

Мы отдаем себе отчет в том, что публичное пространство, в котором происходит символическая борьба за наделение праздников смыслами, не является закрытым: помимо государства существуют другие политические акторы, использующие в своих целях их идеологический потенциал. В данном параграфе объектом нашего внимания являются собственно действия политической элиты, действующей от имени государства, т.е. политический курс (*policy*) – конкретные программы действий власти по решению стоящих

²³⁵ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: НЛЮ, 2014. – С. 161.

²³⁶ Миллер А.И. Историческая политика в России: новый поворот? // Историческая политика в XXI веке / Под ред. А. Миллер, М. Липман. – М.: НЛЮ, 2012. – С. 328-367; Миллер А.И. Россия: власть и история // Pro et Contra. – М., 2009. – №3-4, май - август. – С. 6-23; Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России: Монография / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед., Отд. полит. науки. – М., 2013. – 421 с.; Малинова О.Ю. Политическое использование символа Великой Отечественной войны в постсоветской России: Эволюция дискурса властвующей элиты // Прошлый век / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед., Отд. полит. науки.; Ред. колл.: Миллер А.И., гл. ред., и др. – М., 2013. – Вып. 1. – С. 158-186; Малинова О.Ю. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология. – Ростов-на-Дону, 2013. – №1. – С. 114-130; Копосов Н. Память строгого режима: История и политика в России. – М.: НЛЮ, 2011. – 320 с.; Империя и нация в зеркале исторической памяти: Сб. ст. / Под ред. А. Семенова, И. Герасимова, М. Могильнер. – М.: Новое издательство, 2011. – 416 с.; Власть времени: социальные границы памяти / Под ред. В.Н. Ярской, Е.Р. Ярской-Смирновой. – М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2011. – 223 с.; Ассман А. Указ.соч. и др.

²³⁷ Миллер А.И. Россия: власть и история // Pro et Contra. – М., 2009. – №3-4, май - август. – С. 7.

перед обществом проблем. В этом качестве **опираясь на работы других авторов, посвященных символической политике и исследованию политики прошлого, мы попытаемся проследить, каким образом происходила трансформация государственных праздников в России начиная с 1990-х годов и до настоящего времени.**

В качестве основы для периодизации трансформации государственных праздников в современной России мы будем использовать периодизацию официальной символической политики, предложенную О.Ю. Малиновой²³⁸. Согласно ее версии, практика политического использования прошлого в дискурсе властвующей элиты применялась для решения конкретных проблем или задач и была подчинена логике легитимации политического курса.

1-й этап – отрицание тоталитарного прошлого и первые попытки приспособления советских праздников (1990-1994)

В первые годы постсоветской России ядром новых исторических представлений выступало отрицание советского опыта. Символическая политика была подчинена задаче оправдания курса на радикальную трансформацию политического порядка²³⁹. Однако на начальном этапе изменение советского праздничного календаря не было столь решительным.

Первые попытки восстановления исторической преемственности с досоветским периодом стали предприниматься еще до официального распада СССР. Признание Рождества Христова как важного праздника произошло за полгода до обретения независимости современной России и за год до подписания соглашения о создании СНГ – в конце 1990 года, когда Верховный Совет РСФСР выпустил Постановление N 2981-I «Об объявлении

²³⁸ Малинова О.Ю. Политическое использование символа Великой Отечественной войны в постсоветской России: Эволюция дискурса властвующей элиты // Прошлый век: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед., Отд. полит. науки; Ред. кол.: Миллер А.И., гл. ред., и др. – М., 2013. – Вып. 1. – С.158-186.

²³⁹ Малинова О.Ю. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России. С. 117.

7 января (Рождества Христова) нерабочим днём»²⁴⁰. В постановлении делалась ссылка на обращение Патриарха Московского и Всея Руси Алексия и уважение «религиозных чувств верующих». В целом «в начале 1990-х годов происходило идеологическое оформление позиций РПЦ по отношению к власти и сотрудничеству с ней. Церковь, как и новое государство, активно осуждала коммунистическую идеологию и пыталась предложить свое видение национальной идеи и дальнейшего пути развития»²⁴¹. Первые службы, на которых присутствовали первые лица государства, прошли в 1992 году, когда Патриарх Всея Руси Алексий II поздравил прихожан и лично президента России Б.Н. Ельцина с праздником Рождества Христова²⁴². Таким образом, государство официально признало значимость церкви, а христианский праздник занял полноправное место в светском праздничном календаре, что прежде было немыслимо.

Рождество Христово занимало и до сих пор занимает особое положение среди остальных государственных праздников. Это обусловлено не только тем, что его основу составляют религиозные (православные) ценности, но также то, что 7 января – пока единственный в России *восстановленный* государственный праздник²⁴³.

Первым советским праздником, потерявшим статус государственного, стал День Конституции СССР, отмечаемый с 1977 по 1991 год 7 октября. По свидетельству ряда СМИ, в 1991 году праздник хоть и был выходным днем, но фактически не праздновался²⁴⁴. В 1992 году с принятием закона «О

²⁴⁰ Постановлению Верховного Совета РСФСР от 27.12.1990 N 2981-I «Об объявлении 7 января (Рождества Христова) нерабочим днём». – М., 1990. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=2895> (Дата обращения: 07.05.2013.)

²⁴¹ Безбородов М.И. Основные принципы церковно-государственных отношений в социально-политической доктрине РПЦ // Политэкс. – СПб., 2010. – №2. – С. 268.

²⁴² Фильм «Рождество Христово» / Режиссер: Хорьяков А.. – М., 1992. – Режим доступа: <http://www.net-film.ru/film-9958> (Дата обращения: 13.04.2014.)

²⁴³ Забегая вперед, отметим, что 4 ноября (День народного единства) сегодня также интерпретируется определенной частью общества и элиты как восстановленный праздник. Однако таковым, на наш взгляд, не является. Отдельно речь об этом пойдет позже.

²⁴⁴ См., например: Независимая газета. – М., 1991. – №122, 8 октября. – 8 с.

внесении изменений и дополнений в Кодекс законов о труде РСФСР»²⁴⁵ 7 октября исчезло из перечня государственных праздников. Отмечать новый праздник стали в декабре после принятия на референдуме 12 декабря 1993 года новой Конституции. В дальнейшем праздник был закреплен в 1994 году указами президента России («О Дне Конституции Российской Федерации»²⁴⁶ и «О нерабочем дне 12 декабря»²⁴⁷).

Стоит отметить, что в целом регулирование праздничного законодательства в первой половине 1990-х годов можно рассматривать как проявление борьбы за политические позиции исполнительной и законодательной властей. В условиях складывания системы разделения властей обоим ветвям власти было необходимо обосновать верность отстаиваемых принципов. Так, сразу после августовских событий 1991 года, положивших конец идеям восстановления Советского Союза, в стране сложились условия для доминирования исполнительной власти и формирования консервативной, ориентированной на государственное регулирование оппозиции в лице законодательной власти и, в частности, председателя Верховного Совета Р. Хасбулатова. Президент Б.Н. Ельцин, взявший на себя ответственность за проведение радикальной рыночной реформы, не имел возможности опереться на парламентское большинство и вскоре вступил в открытое противостояние со Съездом народных депутатов. Это проявлялось в том, что часть праздников учреждалась президентскими указами, а другая – постановлениями Съезда народных депутатов (законами Государственной Думы) или путем внесения изменений в существующие нормативные акты.

²⁴⁵ Закон РФ от 25.09.1992 N 3543-1 «О внесении изменений и дополнений в Кодекс законов о труде РСФСР». – М., 1992. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1043/ (Дата обращения: 15.04.2014.)

²⁴⁶ Указ Президента РФ от 19 сентября 1994 г. N 1926 «О дне Конституции Российской Федерации». – М., 1994. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/102182/> (Дата обращения: 20.10.2014.)

²⁴⁷ Указ Президента РФ от 09.12.1994 N 2167 «О нерабочем дне 12 декабря». – М., 1994. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5150/ (Дата обращения: 20.10.2014.)

После полного запрета деятельности КПСС и Компартии РСФСР, введенного указом президента РСФСР Б.Н. Ельцина 6 ноября 1991 года²⁴⁸ и в преддверии главного государственного праздника СССР – Великой Октябрьской социалистической революции, ее официальное празднование было отменено. 7 ноября оставалось выходным днем вплоть до 2004 года. Как и другие советские праздники – Новый год (1 и 2 января), Международный женский день (8 марта), Праздник весны и труда (1 и 2 мая), День Победы (9 мая) – он был закреплен в числе нерабочих дней поправками в Кодекс законов о труде РСФСР в 1992 году²⁴⁹. За праздником было сохранено прежнее название – годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Однако никаких официальных мероприятий ни со стороны федеральных властей, ни мэрии столицы в дальнейшем не проводилось.

Как отмечает К. Смит, 7 ноября 1991 года для сторонников коммунистического режима праздник превратился в протестные акции с анти-ельцинскими и анти-горбаческими требованиями. «Голпа искала утешения в ритуалах и физических реликвиях советской власти... но их ностальгии по прошлому не хватало нарративной базы, которая бы перевел воспоминания о революции в уроки для настоящих событий»²⁵⁰, – пишет К. Смит. В то время как демократы использовали годовщину Великой Октябрьской революции для того, чтобы выразить убеждение, что социализм стал неуместным в современной России. Коалиция из демократических сил назвала Октябрьскую революцию «днем памяти жертв семидесяти лет гражданской войны» и промаршировала от Лубянской площади, где тремя месяцами ранее после провала ГКЧП был снесен

²⁴⁸ Указ Президента РСФСР от 6 ноября 1991 г. N 169 «О деятельности КПСС и КП РСФСР». – М., 1991. – Режим доступа: <http://iv.garant.ru/SESSION/PDA/linkProxy?subjectId=1583202&linkType=65537> (Дата обращения: 18.10.2014.)

²⁴⁹ Закон РФ от 25.09.1992 N 3543-1 «О внесении изменений и дополнений в Кодекс законов о труде РСФСР».

²⁵⁰ Smith K.E. Mythmaking in the new Russia: Politics and memory during the Yeltsin era. – Ithaca; L.: Cornell univ. press, 2002. – P. 81.

памятник Ф.Э. Дзержинскому, до места, где ранее находился Храм Христа Спасителя²⁵¹.

Конкуренция между демократами и коммунистами за ритуалы и смыслы продолжилась в 1992 году. Коммунисты настаивали, что утрата коммунистической партией власти в стране не противоречит идеям Маркса. После восстановления компартии в лице КПРФ и ее участия в парламентских выборах в 1993 году коммунисты продолжали использовать 7 ноября, чтобы продвигать миф о величии Советского Союза. На взгляд К. Смит, «коммунисты доминировали в публичном пространстве 7 ноября»²⁵², ежегодно собирая на своих мероприятиях 10-20 тыс. человек.

Сохранение за 7 ноября статуса нерабочего дня противоречило антикоммунистическим идеологическим настроениям реформаторов в лице Б.Н. Ельцина, который объявил социалистический строй тоталитарным, а Октябрьскую революцию – трагическим событием. В отдельных случаях представители власти в первые годы реформ шли на то, чтобы придумать новое обоснование праздника, как например, в Санкт-Петербурге, объявив 7 ноября Днем празднования переименования города²⁵³.

Другой важный советский праздник – День международной солидарности трудящихся – после распада Советского Союза постепенно утратил свою идеологическую окраску. Последний раз официальная праздничная первомайская демонстрация состоялась при советской власти в 1990 году. Год спустя – в 1991 году 1 мая там же на Красной площади прошел митинг, организованный Московской федерацией профсоюзов и Ассоциацией свободных профсоюзов, против повышения цен²⁵⁴. В дальнейшем новая власть отказалась от проведения официальных праздничных мероприятий 1 мая. Так, в 1992 году власти «призвали сделать

²⁵¹ Ibidem. P. 81.

²⁵² Smith K.E. Mythmaking in the new Russia: Politics and memory during the Yeltsin era. P. 83.

²⁵³ Здравомыслова Е., Темкина А. Указ.соч. С. 95.

²⁵⁴ Фильм «Май тревог и надежд...» / Режиссер: Раменский В. – М., 1991. – Режим доступа: <http://www.net-film.ru/film-9920/> (Дата обращения: 20.10.2014.)

1 мая просто днем отдыха»²⁵⁵. А в сентябре 1992 года были приняты поправки к Кодексу законов о труде, согласно которым 1 и 2 мая были переименованы в Праздник Весны и Труда.

Конституционный кризис, а также конфликт между исполнительной и законодательной властями по вопросу о социально-экономическом и политическом курсе государства (радикальных рыночных реформ vs регулируемой экономики)²⁵⁶, стали причиной массовых уличных беспорядков и столкновений демонстрантов с полицией 1 мая 1993 года²⁵⁷. Как признаются очевидцы тех событий, первомайское шествие 1993 года было не первым массовым мероприятием оппозиции, «но именно оно стало прологом к октябрьскому противостоянию»²⁵⁸.

Б.Н. Ельцин пытался уйти от советских традиций, что выражалось в пересмотре практик официальных поздравлений в канун Нового года. Обращения первых лиц компартии СССР подчинялись канонам советской пропаганды и ставили, в первую очередь, задачу планирования будущего. В этом плане выступление Б. Ельцина в преддверии 1992 года значительно разнилось с привычной манерой изложения. Центральное место в нем занимала тема распада СССР и оценка наследства, доставшегося России. Большая часть обращения была посвящена приватизации, началу перехода к рыночной экономике и освобождению цен со 2 января 1992 года. Обращение было выпущено в эфир 30 декабря 1991 года и опубликовано в «Российской газете»²⁵⁹. Непосредственно 31 декабря 1991 года с Новым годом страну поздравил сатирик М. Задорнов, тем самым народу была дана возможность не думать о политике и тяжелых испытаниях за праздничным столом.

²⁵⁵ Муравьева И. Призывы, которые мы выбираем // Российская газета. – М., 1992. – № 101 (437), 1 мая. – С. 1.

²⁵⁶ См. подробнее: Согрин В.В. Политическая история современной России. 1985-2001: от Горбачева до Путина. – М.: Весь мир, 2001. – С. 143-166.

²⁵⁷ Уличные беспорядки в Москве 1 мая 1993 года: Видео. – М., 1993. – Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=67B90iADadw> (Дата обращения: 20.10.2014.)

²⁵⁸ 1993: Спецпроект // Коммерсант. – М., 2013. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2309642> (Дата обращения: 20.10.2014.)

²⁵⁹ Ельцин Б.Н. Нам предстоит создать основы новой жизни: Выступление Б.Н. Ельцина по телевидению // Российская газета. – №290 (336), 31 декабря. – С. 1.

Следующий 1992 год, ознаменовавшийся реализацией «шоковой терапии» и переходом к новому типу экономики, страна провожала без официального поздравления президента. Хотя 1992 год был значим для страны: были до известной степени урегулированы отношения с субъектами федерации, а также на VII Съезде депутатов было принято решение вынести вопрос о новой конституции. Однако в дальнейшем президент ежегодно выступал с новогодними обращениями.

С 1994 года Б.Н. Ельцин задал новую традицию практик новогоднего обращения. В отличие от поздравительных речей руководителей СССР обращения Б.Н. Ельцина были посвящены, в том числе, неприятным событиям современной истории (например, оправдание введения российских войск на территорию Чечни и силовому подчинению республики федеральным законам в 1994 году).

Адресатом поздравлений Б.Н. Ельцина были граждане страны, как единого целого, «россияне» и соотечественники²⁶⁰, живущие за рубежом, а не только народ, преданный компартии и ее идеям. Образ прошлого в его обращениях – это своеобразный отчетный период, а не поздравления с досрочно завершенными планами. В целом поздравления Б.Н. Ельцина содержали много личного, он нередко обращался к теме семьи.

Однако не всегда телеканалы транслировали президентские новогодние обращения. Так, например, известно, что 31 декабря 1993 года телеканал «НТВ» в эфире показал поздравление объединения «МММ» С. Мавроди²⁶¹. По словам С. Мавроди, в тот период любой, «у кого есть деньги», мог поздравить страну с Новым годом²⁶². Он также утверждал, что после его выступления в моду вошли малиновые пиджаки, ставшие атрибутом нового социального класса предпринимателей – «новых русских». Известно, что в

²⁶⁰ Впервые тема соотечественников появилась в новогоднем поздравлении 31 декабря 1994 года.

²⁶¹ Мавроди С. Новогоднее поздравление. – М., 1993. – 31 декабря. – Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=mTVeAfMHgIE> (Дата обращения: 09.12.2014.)

²⁶² Сергей Мавроди - НГ 1994. – 2010. – Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=moYvFn-UoeQ> (Дата обращения: 09.12.2014.)

дальнейшем С. Мавроди использовал поздравительный ролик для рекламы «МММ».

Очевидно, что часть советских праздников, изначально глубоко идеологизированных, не соответствовала новым реалиям. Тем не менее, они сохраняли свое значение, ибо спонтанный отказ от их празднования мог усугубить положение новой власти. Поэтому государство пошло по пути изменения их идеологического содержания и наименования. По мнению М. Рольфа, это было обусловлено тем, что советские праздники обладали устойчивостью. Их способность интегрироваться в новый официальный канон была связана с «адаптивностью праздничных поводов», которые легко могут быть наполнены новыми элементами по содержанию и по форме²⁶³.

Помимо попыток ревизии статуса и идеологического содержания «старых» праздников, демократические силы, пришедшие к власти в России в начале 1990-х годов, приступили к изменению праздничного календаря путем учреждения новых дат в честь новейшей истории России. Главным праздником «новой России» должен был стать 12 июня. Уже с самого начала праздник оказался нагроможден событиями, которые впоследствии повлияли на неоднозначность восприятия его нарратива. В этот день в 1990 году была принята «Декларация о государственном суверенитете РСФСР». Впервые нерабочим днем 12 июня был объявлен в 1991 году Постановлением Съезда народных депутатов РСФСР от 25 мая «...в связи с провозглашением ... государственного суверенитета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и принятием Декларации о государственном суверенитете РСФСР»²⁶⁴. Тогда же, 12 июня 1991 года, прошли первые выборы президента России. Через год Постановлением Верховного Совета

²⁶³ Рольф М. Указ. соч. С. 354.

²⁶⁴ Постановление Съезда народных депутатов РСФСР от 25 мая 1991 г. «Об объявлении 12 июня нерабочим днем». – М., 1991. – Режим доступа: <http://iv.garant.ru/SESSION/PDA/linkProxy?subjectId=6315305&linkType=65537> (Дата обращения: 19.10.2014.)

РФ от 11 июня 1992 года 12 июня стало праздничной датой как День принятия Декларации о государственном суверенитете России²⁶⁵.

Постановление Верховного Совета РФ поддержал президент: 2 июня 1994 года он подписывает указ, согласно которому День принятия Декларации о государственном суверенитете объявлен «государственным праздником Российской Федерации»²⁶⁶. В истории новой России это единственный пример, когда законодательная и исполнительная власти поддержали друг друга в части учреждения новых праздников. Это можно рассматривать как консенсус политических сил вокруг того, что должно определять прошлое России, ее ценностей.

В качестве официальных публичных форм празднования в День принятия Декларации о государственном суверенитете с 1992 года по инициативе Ельцина стало практиковаться награждение Государственной премией Российской Федерации в области науки и технологий (20 лауреатов)²⁶⁷, а с 1993 года – литературы и искусства и в области гуманитарной деятельности (15 лауреатов)²⁶⁸.

Как заметила К. Смит, 12 июня практически тотчас же стало противоречивым и непопулярным праздником. Одной из причин было то, что «националисты и коммунисты видели в этой дате распад СССР и последующее разбазаривание его ресурсов», ответственность за которую должен был взять Б.Н. Ельцин, непосредственно подписавший декларацию суверенитета²⁶⁹. В той же мере оставались вопросы: Чем после всего считать

²⁶⁵ Постановление Верховного Совета РФ от 11 июня 1992 года «О праздничном дне 12 июня» N 2981-I (ВВСП 92-25). – М., 1992. – Режим доступа: http://www.innovbusiness.ru/pravo/DocumShow_DocumID_40882.html (Дата обращения: 15.11.2009.)

²⁶⁶ Указ Президента Российской Федерации от 2 июня 1994 года № 1113 «О государственном празднике Российской Федерации» // Президент России. – М., 1994. – Режим доступа: <http://document.kremlin.ru/page.aspx?1204181> (Дата обращения: 19.10.2014.)

²⁶⁷ Распоряжение Президента Российской Федерации от 5 июня 1992 г. N 282-рп. – М., 1992. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=204323> (Дата обращения: 19.10.2014.)

²⁶⁸ Указ Президента Российской Федерации от 10 ноября 1993 г. N 1889 "О Государственных премиях Российской Федерации в области литературы и искусства". – М., 1993. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=204784;fld=134;from=218166-8;rnd=0.6306248975268953> (Дата обращения: 19.10.2014.)

²⁶⁹ Smith K.E. Mythmaking in the new Russia: Politics and memory during the Yeltsin era. – Ithaca; L.: Cornell univ. press, 2002. – P. 92.

12 июня – годовщиной нации или президентства? «От кого Россия стала независимой? От Украины, Белоруссии, Казахстана... или других соседей»?²⁷⁰.

В конечном счете, на первом этапе символическая политика в области государственных праздников не привела к кардинальным и сиюминутным изменениям. Этому можно найти как минимум три причины.

- Советские праздники имели длинную историю, а практики их празднования укоренились в обществе. Изменения в культуре в целом происходят гораздо медленнее, чем социальные изменения, и «"нарастание" социальной оболочки на новый социум – достаточно длительный процесс»²⁷¹. Именно приверженность к общим символам, по мнению Н. Копосова, позволила постсоветским людям уже в 1990-е и особенно в 2000-е годы «вернуться ко многим историческим представлениям, характерным для советской идеологии»²⁷².
- Советская идеология, а с ней и система воспитания и социализации была еще глубоко укорена в сознании россиян. Как отмечает Н. Копосов, за осуждением сталинизма в начале 1990-х годов не последовало серьезной «проработки» советского прошлого²⁷³, вследствие чего советские практики, а с ними формы празднования пережили падение коммунистического режима и снова стали востребованы.
- Символические практики, связанные с новыми праздниками, сложились не сразу: новому режиму потребовалось время, чтобы сформулировать новый национальный нарратив, который давал бы ответы на вопросы о характере политической и экономической

²⁷⁰ Ibid. P. 92-93.

²⁷¹ Глебкин В.В. Указ.соч. С. 69.

²⁷² Копосов Н. Указ.соч. С. 128.

²⁷³ Там же. С. 129.

систем, отношению к границам государства и бывшим советским республикам²⁷⁴.

2-й этап – призыв к разработке новой «национальной идеи», поиск государственной идеологии и вытеснение «старых» смыслов советских праздников (1995-1999)

Вторая половина 1990-х годов ознаменовалась некоторыми изменениями политики памяти и символического использования государственных праздников. Изменения, в том числе, были связаны с поиском новых ракурсов интерпретации победы в Великой Отечественной войне, 50-летие годовщины праздновалось в 1995 году. При проведении праздника Дня Победы власть опиралась на институционализированную память о войне, но также предпринимала попытки приспособить устоявшиеся смыслы и публичные практики к новым политическим реалиям.

Праздник День Победы был учрежден 8 мая 1945 года и с тех пор отмечался каждый год. Официальным нерабочим днем 9 мая был еще два года после конца Великой Отечественной войны. В конце 1947 вышел указ президиума Верховного совета СССР, согласно которому 9 мая – праздник победы над Германией – объявлялся рабочим днем²⁷⁵. Снова выходным днем «День 9 мая – праздник победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» стал в 1965 году²⁷⁶ при Н. Хрущеве.

Стремление пересмотреть память о войне пришедших к власти демократами выразилось в том числе в поиске новых форм празднования. Проведение военных парадов на Красной площади, которыми известен День Победы, до распада Советского Союза проходило лишь в юбилейные годы (24 июня 1945 г., а затем 9 мая 1965, 1975, 1985 и 1990 гг.). Как отмечает

²⁷⁴ Gill G.J. Symbolism and regime change in Russia. – Cambridge; N.Y.: Cambridge univ. press, 2013. – P. 26-27.

²⁷⁵ Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об объявлении 1 января нерабочим днём» // Известия. – М, 1947. – 24 декабря, №302 (9524). – С. 1.

²⁷⁶ Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об объявлении 9 мая нерабочим днём» // Труд. – М., 1965. – 28 апреля, №99 (13488). – С. 1.

О.Ю. Малинова, традиция их проведения отсылала не только к проведению парадов военное время, но и «подчеркивала связь между победой над нацистской Германией и Великой Октябрьской революцией, празднование которой тоже происходило на Красной площади»²⁷⁷.

В 1995 году впервые проведение парадов проходило на двух площадках – Красной площади, куда из-за восстановления Воскресенских ворот не смогла пройти военная техника (там прошел пеший парад ветеранов), и Кутузовском проспекте на Поклонной горе²⁷⁸ с участием военной техники. Как подчеркивает К. Смит, разделение военного и пешего парада позволило добиться участия в праздничных мероприятиях иностранных гостей, которые не поддерживали военные действия российских властей на территории Чечни²⁷⁹.

Б.Н. Ельцин также пошел на возрождение советских символов таких, как например, Знамя Победы. Указ о нем был подписан весной 1996 года²⁸⁰. Впоследствии оно стало использоваться наряду с официальным флагом России при проведении парадов постоянно.

Специально для организации праздничных мероприятий по указу президента был учрежден «Фонд 50-летия Победы»²⁸¹. Фонду совместно с комитетом по драгоценным металлам и драгоценным камням и Центробанком было поручено разработать и внести предложения по выпуску памятных монет, памятных знаков, ювелирных изделий.

Накануне официальных торжеств 8 мая на Манежной площади установили памятник маршалу Г.К. Жукову. Об установке памятника в

²⁷⁷ Малинова О.Ю. Политическое использование символа Великой Отечественной войны в постсоветской России. С. 164.

²⁷⁸ Бордюгов Г.А. Октябрь. Сталин. Победа: Культ юбилеев в пространстве памяти. – М.: АИРО-XXI, 2010. – С. 212.

²⁷⁹ Smith K.E. Mythmaking in the new Russia: Politics and memory during the Yeltsin era. – Ithaca; L.: Cornell univ. press, 2002. – P. 89.

²⁸⁰ Указ Президента Российской Федерации от 15.04.1996 № 561 «О Знамени Победы». – М., 1996. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=260573> (Дата обращения: 09.12.2014.)

²⁸¹ Указ Президента РФ от 7 февраля 1995 г. N 99 «О дополнительных мерах по подготовке к празднованию памятных дат Великой Отечественной войны 1941-1945 годов». – М., 1995. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/10103941/#ixzz3GziK5HAK> (Дата обращения: 23.10.2014.)

Москве речь шла еще в Советском Союзе. Однако только после встречи Бориса Ельцина с ветеранами во время юбилея снятия Ленинградской блокады в январе 1994 года решение о размещении памятника на Манежной площади было принято окончательно²⁸². Новая власть стремилась рассказать героических подвигах отдельных личностей, об их заслугах, о чем свидетельствуют слова скульптора В. Клыкова, автора работы: «Преступно превращать площадь в кладбище, как это сделали коммунисты, — наоборот, каждая эпоха должна оставить здесь что-то свое красивое»²⁸³. Деньги на строительство памятника выдели власти Москвы.

В целом в период празднования 50-летия Победы, по мнению К. Смит, ельцинской администрации удалось «уловить достоинства стимулирования позитивного патриотизма»²⁸⁴. Как отмечает Н. Копосов, в 1995 году «в образе войны подчеркивались прежде всего страдания народа, а отнюдь не величие государства»²⁸⁵. Б.Н. Ельцин последовательно оставался верен антикоммунистической риторике до конца своего президентства²⁸⁶. Как показывает О.Ю. Малинова, он и его спичрайтеры «пытались найти новые ракурсы интерпретации Великой Победы»²⁸⁷, использовать этот символ, значение которого никем не оспаривалось. Примечательно, что поиск новых объединяющих смыслов произошел после того, как в 1994 году в послании Б. Ельцина Федеральному собранию «Об укреплении Российского государства» был провозглашен приоритет понимания «нации как согражданства»²⁸⁸, после чего идея «российской нации» стала активно обсуждаться.

²⁸² Кабанова О. Традиция конных памятников может найти продолжение // Коммерсант. – М., 1994. – 1 марта, № 36. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/72423> (Дата обращения: 23.10.2014.)

²⁸³ Там же.

²⁸⁴ Smith K.E. Mythmaking in the new Russia: Politics and memory during the Yeltsin era. – Ithaca; L.: Cornell univ. press, 2002. – P. 89.

²⁸⁵ Копосов Н. Указ. соч. С. 136.

²⁸⁶ Миллер А.И. Историческая политика в России: новый поворот? С. 329.

²⁸⁷ Малинова О.Ю. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России. С. 120.

²⁸⁸ Ельцин Б.Н. Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: «Об укреплении Российского Государства». – М., 1994. – Режим доступа: <http://www.intelros.ru/?newsid=58> (Дата обращения: 15.04.2014.)

Выступление Б.Н. Ельцина вскоре после непростой победы на выборах 1996 года, еще более обостривших поляризацию российского общества, резко активизировало размышления на тему национальной идеи, решение которой представлялось жизненно важным для страны²⁸⁹. 12 июля 1996 года Б.Н. Ельцин сам инициировал процесс разработки единой национальной доктрины, дав задание своим доверенным лицам выяснить, «какая национальная идея, национальная идеология — самая главная для России»²⁹⁰. Как отмечает Г. Гилл, в этом было что-то странное, не потому что «такая идея не была необходима, но потому что в прошлом она был одной из основных причин бед России»²⁹¹. Действительно, поиск новой национальной идеи мог использоваться соперниками Ельцина против него и привести к дальнейшему ослаблению позиций президента.

В период президентской избирательной кампании 1996 года в центре внимания также оказалась тема *Великой Октябрьской социалистической революции*, которая являлась ключевым элементом советского метанарратива. Б.Н. Ельцин в рамках послания Федеральному собранию включил целый раздел, который был посвящен истории «От революции до перестройки»²⁹². В нем президент дал оценку коммунистическому режиму и Октябрьской революции: «Этим разрушительным радикализмом – “до основания, а затем” - объясняется тот факт, что в ходе ломки прежних устоев оказалось утрачено многое из достижений дореволюционной России в сфере культуры, экономики, права, общественно-политического развития»²⁹³. Революция таким образом расценивалась крайне негативно: ее последствия надолго оставили страну вне демократического пути, «появилась сверхжесткая мобилизационная модель развития, концентрировавшая все

²⁸⁹ Королев С.А. «Национальная идея» как инструмент электорального воздействия: Управляемая демократия в поисках идеологической опоры // Режим Путина, идея и практика / Голосов Г.В., Бляхер Л.Е., Коктыш К.Е. и др. – М.: В. Секачев, 2005. – С. 79.

²⁹⁰ Ельцин о «национальной идее» // Независимая газета. – М., 1996. – 13 июля. – С. 1.

²⁹¹ Gill G.J. Symbolism and regime change in Russia. – Cambridge; N.Y.: Cambridge univ. press, 2013. – P. 43.

²⁹² Ельцин Б.Н. Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: «Россия за которую мы в ответе». – М., 1996. – Режим доступа: http://yeltsin-archive.ru/load_file.php?filename=/upload/iblock/317/pp_1996.doc (Дата обращения: 22.10.2014.)

²⁹³ Там же.

ресурсы в руках государства, находившегося под контролем одной партии. Были уничтожены гражданское общество, зачатки демократии и частная собственность. Превращение России в мощную военно-индустриальную державу было достигнуто надрывом сил народа, за счет колоссальных людских потерь»²⁹⁴. В контексте избирательной компании Ельцину как кандидату было необходимо показать несостоятельность коммунистических идей, поскольку главным соперником был кандидат от коммунистической партии – Г.А. Зюганов.

Успех коммунистов на выборах в Госдуму в 1993 году и президентских в 1996 году показали, что россияне пока не готовы полностью отказаться от принятых советских праздников. Однако были и те, кто не хотел мириться с коммунистическими символами, олицетворявшими катастрофу. Это послужило основанием для власти по выстраиванию иной тактики²⁹⁵.

За год до празднования 80-летия революции 7 ноября 1996 года Б.Н. Ельцин подписал указ по переименованию праздника в «День согласия и примирения»²⁹⁶. В тексте указа, в частности, отмечалось, что «Октябрьская революция 1917 года коренным образом повлияла на судьбу нашей страны», а его переименование вызвано необходимостью «впредь не допускать противостояния, в целях единения и консолидации российского общества». В этих же целях следующий год — год 80-летия Октябрьской революции — был объявлен Годом согласия и примирения. В том же указе предлагалось «представить на утверждение проект государственной награды, присваиваемой за заслуги в деле гражданского, межнационального и религиозного согласия, мирного разрешения политических, межнациональных и религиозных конфликтов, а также проект Положения о такой награде»²⁹⁷. Однако госнаграды так и не были учреждены.

²⁹⁴ Там же.

²⁹⁵ Smith K.E. *Mythmaking in the new Russia: Politics and memory during the Yeltsin era.* – Ithaca; L.: Cornell univ. press, 2002. – P. 83.

²⁹⁶ Указ Президента РФ от 07.11.1996 N 1537 «О дне согласия и примирения» // Президент России. – М., 1996. – Режим доступа: <http://document.kremlin.ru/page.aspx?1204000> (Дата обращения: 13.04.2014.)

²⁹⁷ Там же.

Современники Ельцина вспоминают, что идея переименования 7 ноября в День согласия и примирения родилась случайно: «В начале 90-х всех, как и сейчас очень беспокоило, что общество было разделено на коммунистов и демократов. Эта разделенность общества не утихала со временем и принимала такие ожесточенные формы, что вызывала огромное беспокойство. И вот однажды, в 1996 году, примерно в октябре, за месяц до празднования, на одном из совещаний по празднованию 7 ноября у руководителя администрации президента (тогда им был Чубайс), кто-то предложил изменить ситуацию»²⁹⁸. О том, что идея изменить символику 7 ноября была спонтанной свидетельствует тот факт, что указ был подписан Б.Н. Ельциным через день после операции на сердце²⁹⁹.

Очевидно, что команда Б.Н. Ельцина ставила перед собой определенные цели и, пытаясь наполнить 7 ноября новым смыслом, хотела превратить дату в символ консенсуса политических сил, на который опиралась новая государственная идеология. Однако сама власть не хотела идти на уступки, которые могли быть расценены оппонентами как «капитуляция». Как отметил спустя некоторое время после событий 1996-1997 годов политолог Борис Вишневский, «в контексте истории все было более или менее понятно», тогда как в обществе назрели куда более серьезные нерешенные проблемы: недавно отгремевшая первая чеченская война, переизбранный на второй срок больной президент, не устраивавший оппозицию, и власть, которая «объявив о примирении, отнюдь не протянула руку дружбы оппозиции, не пригласила ее за стол переговоров...»³⁰⁰. «Ему (Ельцину – В.Е.) не требовалось согласие оппонентов, хотя его, разумеется, устроил бы

²⁹⁸ Соколова М., Яковлева Е. Прибавление смуты // Российская газета. – М., 2004. – 4 ноября. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2004/11/04/prazdnik.html> (Дата обращения: 23.10.2014.)

²⁹⁹ Ельцин Б.Н. Президентский марафон: Размышления, воспоминания, впечатления. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. – Режим доступа: <http://www.lib.ru/MEMUARY/ELCIN/marafon.txt> (Дата обращения: 23.10.2014.)

³⁰⁰ Вишневский Б. Какой праздник был 7 ноября? – М., 2001. – Режим доступа: http://www.russia-today.ru/old/archive/2001/no_22/22_talks_2.htm (Дата обращения: 23.10.2014.)

вариант, при котором они примирились бы с происходящим и не выступали. Но это уже называется не достижением согласия, а капитуляцией»³⁰¹.

На фоне поиска «национальной идеи», которая поможет объединить общество и маргинализовать националистическую и коммунистическую оппозицию, был переименован праздник *12 июня*. В своем выступлении 1998 года Борис Ельцин предложил новое название праздника – День России. Сделано это было, дабы избежать противоречивые интерпретации, окружавшие главный праздник страны. Таким образом власть корректировала символическую политику государственных праздников, реагируя на запросы граждан. Примечательно, что День России сравнивался с днем рождения, самым популярным (на фоне непростой исторической и политической ситуации) личным праздником для каждого человека. «День 12 июня по праву является государственным праздником. Но я, как президент, хотел бы, чтобы он воспринимался каждым россиянином как особый день. Не как день принятия важного, но далекого от жизни отдельного человека документа, а именно как наш общий день. Как день нашей страны России», – заявил Ельцин³⁰². Несмотря на переименование 12 июня в День России и существование Дня Конституции, вопрос о главном празднике в стране оставался открытым.

Еще одним значимым событием второго срока президентства Б.Н. Ельцина стало принятие Государственной Думой федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России»³⁰³. Таким образом, оппозиционный законодательный орган нашел возможности влиять на политику памяти. Помимо официально установленных выходных дней (государственных праздников), были выделены еще две категории праздничных дней: «...дни славы русского оружия - дни воинской славы

³⁰¹ Там же.

³⁰² Цит. по: Куприянова Е. С Днем России! – М., 2009. – Режим доступа: <http://www.smi.ru/09/06/11/909423512.html> (Дата обращения: 12.12.2009.)

³⁰³ Федеральный закон от 13 марта 1995 г. N 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России». – М., 1995. – Режим доступа: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_42584.html (Дата обращения: 21.10.2014.)

(победные дни) России (далее - дни воинской славы России) в ознаменование славных побед российских войск, которые сыграли решающую роль в истории России, и памятные даты в истории Отечества, связанные с важнейшими историческими событиями в жизни государства и общества (далее - памятные даты России)³⁰⁴. Этот закон позволил «резервировать» место для праздников, которые уже выработали свой символический потенциал и были непригодны для существующей власти, или для праздников «на вырост». Так, с принятием ФЗ в числе дней воинской славы оказалось 7 ноября, обозначенный там как День освобождения Москвы силами народного ополчения под руководством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского от польских интервентов (1612 год)³⁰⁵, и 23 февраля – День победы Красной армии над кайзеровскими войсками Германии (1918 год).

Таким образом, второй президентский срок Б.Н. Ельцина, в рамках которого был провозглашен курс на поиск национальной идеи, не внес ясности в практики использования государственных праздников.

Финансово-экономический кризис, невыплата зарплаты бюджетникам, тяжелое положение в промышленной отрасли, последствия войны в Чечне, ростр внешнего долга все чаще ставили вопрос о доверии депутатов Госдумы Ельцину. Это выразилось в открытой критике решений и действий правительства. Так, обличая пороки президента (его возраст, состояние здоровья, злоупотребление алкоголем) в эфире «НТВ» вместо реального президента выступил кукольный Ельцин из передачи «Куклы»³⁰⁶. Однако это было последнее шуточное поздравительное обращение.

Уже через год 31 декабря все телеканалы транслировали два новогодних обращения – в полдень по московскому времени Б.Н. Ельцина, который сообщил о том, что складывает с себя полномочия президента. А за

³⁰⁴ Там же.

³⁰⁵ Федеральный закон от 13 марта 1995 г. N 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России». – М., 1995. – Режим доступа: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_42584.html (Дата обращения: 21.10.2014.)

³⁰⁶ Новогодняя программа «Куклы». 31. 12. 1998 г. (часть 4) / НТВ. – М., 1998. – Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=JYz6TkaRjlg> (Дата обращения: 09.12.2014.)

несколько минут до 2000 года были показаны два выступления – Б.Н. Ельцина и и.о. президента В.В. Путина³⁰⁷. Эта новогодняя ночь завершила один этап и ознаменовала новый этап в символической политике государства.

3-й этап – курс на великодержавность и избирательное отношение к прошлому и реформа российского праздничного календаря (2000-2011)

С приходом президента В.В. Путина в России начался новый этап символической политики. Его стержнем стала идея создания «сильного государства». Так, новый режим «пытался сочетать идею возврата к российским и советским традициям с утверждением того, что в стране продолжается строительство демократии»³⁰⁸. Символическая политика в отношении государственных праздников формировалась в общем контексте исторической политики и политики памяти.

Нововведением стало то, что с принятием нового Трудового Кодекса в 2001 году было закреплено правило, в соответствии с которым в случае совпадения нерабочего праздничного дня с выходным этот выходной переносился на ближайший рабочий день. Таким образом, при попадании праздника на субботу или воскресенье появилась возможность организовать дополнительные выходные. Такая практика отсутствовала в Кодексе законов о труде РСФСР³⁰⁹.

Помимо этого, новый Трудовой Кодекс изменил название праздника Нового года: с 2002 года он стал именоваться Новогодними каникулами (1 и 2 января).

В преддверии трансформации российского праздничного законодательства статус выходного дня был, наконец, закреплен указом

³⁰⁷ Ельцин Б.Н., Путин В.В. Новогодние обращения Б. Ельцина и В. Путина (1999). – М., 1999. – 31 декабря. – Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=q0Zb8QqXo0A> (Дата обращения: 09.12.2014.)

³⁰⁸ Копосов Н. Указ. соч. С. 137.

³⁰⁹ Кодекс законов о труде Российской Федерации (КЗоТ РФ) (утв. ВС РСФСР 09.12.1971). – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/kzot/> (Дата обращения: 11.09.2014.)

президента за Днем защитника Отечества (2002 год). В советский период 23 февраля называлось днем рождения Красной армии, несмотря на достаточно случайный выбор даты³¹⁰. Многократные попытки в 1997, 1998 годах трансформировать название (с День победы Красной Армии над кайзеровскими войсками Германии – День защитника Отечества до День защитника Отечества) предпринимались отдельными депутатами. Тогда же поднимался вопрос о значении праздника в новой России («праздник всего народа и целого Российского государства»). Однако в разгар кризиса 1998 года поправки не прошли по экономическим причинам.

Интерес к 23 февраля на новом этапе был связан, в том числе, имиджем В.В. Путина как жесткого и энергичного лидера, которому в течение первых месяцев после назначения премьер-министром удалось сделать то, чего не получалось у Б.Н. Ельцина в 1994-1996 годах. А именно – использование жестких силовых мер при проведении военных действий в Чечне и на Северном Кавказе. Это, в конечном счете, укрепило авторитет В.В. Путина и позволило заручиться массовой поддержкой.

Уже после того, как по результатам выборов 2003 году «партия власти» «Единая Россия», находящаяся под жестким контролем администрации президента, получила в Госдуме конституционное большинство, конфликтам между исполнительной и законодательной ветвями был положен конец. Партийное доминирование позволило вносить поправки в существующее праздничное законодательство и, тем самым, выстраивать более-менее единую линию оценки прошлого. В 2006 году с поправками к федеральному закону «О днях воинской славы и памятных датах России»³¹¹ из официального названия празднования были исключены слова «День победы Красной Армии над кайзеровскими войсками Германии (1918 год)». 23 февраля превратился в праздник вооруженных сил, а поздравительные речи

³¹⁰ См. подробнее: Миронов В. 23 февраля. История фальсификации // Новый часовой. – СПб., 1994. – № 1. – С. 39-42.

³¹¹ Федеральный закон от 15.04.2006 N 48-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России». – М., 2006. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=59595> (Дата обращения: 01.05.2014.)

официальных лиц государства были посвящены обоснованию наращивания потенциала армии и флота.

Непосредственное изменение праздничного календаря на новом этапе совпало с периодом подготовки и празднования 60-летия Победы (2005 год), которая при Путине была возвышена до статуса главного события в истории страны³¹². Кроме того, общая победа в войне (и общий культ Победы) предстает в качестве главного спланированного символа «многонационального русского народа», который «фактически является калькой с народа советского»³¹³. Как убедительно показывает Н. Копосов, миф о войне стал настоящим мифом происхождения постсоветской России³¹⁴.

Вместе с тем с принятием поправок в Трудовой Кодекс в конце 2004 года серьезные изменения коснулись уже существующих праздников. Окончательно статуса государственного праздника лишилось 7 ноября³¹⁵, который, по мнению одного из авторов законопроекта депутата Госдумы от «Единой России» О. Еремеева, в качестве Дня согласия и примирения праздником, «к сожалению, не стал» и «не может считаться общенациональным»³¹⁶. С 2007 года он отмечается как памятная дата – День Октябрьской революции 1917 года³¹⁷ и день воинской славы России (с 1995 года как День освобождения Москвы силами народного ополчения под руководством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского от польских

³¹² Более подробно о политическом использовании символа Великой Отечественной войны см.: Малинова О.Ю. Политическое использование символа Великой Отечественной войны в постсоветской России: Эволюция дискурса властвующей элиты // Прошлый век / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед., Отд. полит. науки.; Ред. колл.: Миллер А.И., гл. ред., и др. – М., 2013б. – Вып. 1. – С. 158-186..

³¹³ Храмов А. Война: Политика памяти. К постановке проблемы // Посев. – М.; Frankfurt a. Main, 2010. – №4. – С. 19.

³¹⁴ Копосов Н. Указ. соч. С. 162-168.

³¹⁵ Федеральный закон от 29 декабря 2004 N 201-ФЗ «О внесении изменений в статью 112 Трудового кодекса Российской Федерации». – М., 2004. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50993/#p23 (Дата обращения: 23.10.2014.)

³¹⁶ Стенограмма заседания 23 ноября 2004 г. № 61(775) // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. – М., 2004. – 23 ноября – Режим доступа: <http://transcript.duma.gov.ru/node/1197/#sel=> (Дата обращения: 14.12.2011.)

³¹⁷ Федеральный закон от 24 октября 2007 г. N 231-ФЗ «О внесении изменения в статью 1.1 Федерального закона “О днях воинской славы и памятных датах России”». – М., 2007. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/192057/> (Дата обращения: 20.10.2014.)

интервентов (1612 год)³¹⁸, а с 2005 года после вступления в силу новых поправок – как День проведения военного парада на Красной площади в Москве в ознаменование 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (1941 год)³¹⁹.

Не стал «всенародно любимым праздником»³²⁰, по словам О. Еремеева, День Конституции, который с 2005 года больше не является выходным днем, а причислен к памятным датам России³²¹. За счет сокращения майских праздников (до 1 дня) и отмены декабрьского дня Конституции произошло удлинение Новогодних каникул (с двух до пяти дней в январе).

Указом от 21 июня 2004 года В.В. Путин изменил порядок присуждения государственных премий в области науки и технологий, а также литературы и искусства, церемонии которых традиционно проходят в День России. Было принято новое положение об их присуждении и сокращено число номинантов до трех – в области литературы и искусства и трех – в области науки и технологий³²², что значительно повысило престиж обладания такой наградой. С 2006 года число премий в области науки и технологий было увеличено до четырех³²³.

Главное нововведение поправок в Трудовой Кодекс в 2004 году – это появление нового праздника. Так, «на замену» 7 ноября в российском праздничном календаре в 2005 году появился 4 ноября (День народного единства), претендующий на то, чтобы стать главным государственным

³¹⁸ Федеральный закон от 13 марта 1995 г. N 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России». – М., 1995. – Режим доступа: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_42584.html (Дата обращения: 21.10.2014.)

³¹⁹ Федеральный закон от 29.12.2004 N 200-ФЗ «О внесении изменений в статью 1 Федерального закона "О днях воинской славы (победных днях) России". – М., 2004. – Режим доступа: <http://www.bestpravo.ru/federalnoje/ew-zakony/a7g.htm> (Дата обращения: 21.10.2014.)

³²⁰ Стенограмма заседания 23 ноября 2004 г. № 61(775).

³²¹ Федеральный закон от 21 июля 2005 г. N 98-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О днях воинской славы (победных днях) России”». – М., 2005. – Режим доступа: http://base.garant.ru/188404/#block_30#ixzz3H006gkYF (Дата обращения: 23.10.2014.)

³²² Указ Президента Российской Федерации от 21 июня 2004 г. N 785 «О совершенствовании системы государственного премирования за достижения в области науки и техники, образования и культуры» // Российская газета. – М., 2004. – 23 июня. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2004/06/23/premii-dok.html> (Дата обращения: 25.10.2014.)

³²³ Указ Президента Российской Федерации № 1296 от 16 ноября 2006 г. «О внесении изменений в акты президента Российской Федерации по вопросам государственного премирования достижений в области науки и техники, образования и культуры» // Президент России. – М., 2006. – Режим доступа: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?888196> (Дата обращения: 04.11.2014.)

праздником. В пояснительной записке к проекту закона были указаны его исторические корни: «4 ноября 1612 г. войны народного ополчения под предводительством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского штурмом взяли Китай-город, освободив Москву от польских интервентов», «продемонстрировав образец героизма и сплоченности всего народа вне зависимости от происхождения, вероисповедания и положения в обществе»³²⁴.

Известно, что идея учреждения праздника была высказана Межрелигиозным советом России и позже поддержана Комитетом по труду и социальной политике Госдумы. По сути предложенный праздник является попыткой возвеличивания исторического прошлого Российской Империи и намеренно привязан к церковному празднику Дня иконы Казанской Божьей Матери. С исторической же точки зрения депутаты совершили ошибку в календарных расчетах: по наблюдениям В. Назарова, событие, положенное в основу праздника, – взятия ополченцами московского Китай-города – произошло 22 октября по юлианскому стилю или 1 ноября по григорианскому. 4 ноября 1612 года «ни одного сколько-нибудь заметного события, связанного с “освобождением Москвы от польских интервентов” или с “окончанием Смутного времени”, не произошло»³²⁵. В выборе даты 4 ноября депутаты ориентировались исключительно на православный церковный календарь и празднуемый ныне День Казанской иконы Божьей Матери. Однако они не учли, что православная церковь по-прежнему следует юлианскому календарю, который опережает астрономический год, и в XXII веке церковный праздник сместится на 5 ноября.

По мнению авторов проекта, новая дата должна была бы исправить затруднительное положение, когда «среди российских праздников нет ни одного, который отражал бы славные и видные даты дореволюционной

³²⁴ Там же.

³²⁵ Назаров В. Что будем праздновать 4 ноября? // Отечественные записки. – М., 2004. – №5(20). – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2004/5/chto-budut-prazdnovat-v-rossii-4-noyabrya-2005-goda> (Дата обращения: 20.04.2014.)

России», и могла бы «стать символом единения всех граждан», «сплотить весь народ, восполнить пробелы в исторической памяти россиян»³²⁶. Подчеркивалось, что события того периода «имеют не меньшее историческое значение, чем для всех нас с вами уже в новое время имеет 9 мая – День Победы над фашизмом»³²⁷.

Для объяснения значения нового праздника использовалась символическая категория «Русский мир»³²⁸, под которой понимались история, русский язык, российская культура, некая целостность и многообразие. В 2007 году для его популяризации указом президента В. Путина был учрежден одноименный фонд³²⁹. В состав правления фонда помимо президента РФ вошли президент фонда «Политика» В. Никонов, директор департамента Минобрнауки И. Калина, директор фонда «Политика» С. Моргунов, замдиректора департамента генсекретариата МИДа П. Прокофьев, начальник департамента референтуры президента РФ А. Шарков. А в составе представителей попечительского совета оказались представители Московской епархии, деятели культуры, представители государственных СМИ, депутаты Госдумы и Совфеда³³⁰.

Таким образом, в период первых двух президентских сроков В.В. Путина и его преемника Д.А. Медведева государственные праздники подверглись серьезному пересмотру. В целом политический курс в области государственных праздников вписывался в общую логику символической политики государства: в период 2000-х годов власти существенно ограничили поиск национальной идеи сужением до предложенных в публичной риторике категорий, таких как «единения» и «стабильность»³³¹.

³²⁶ Стенограмма заседания 23 ноября 2004 г. № 61(775).

³²⁷ Там же.

³²⁸ О том, как она использовалась властью см. в параграфе 3 этой главы.

³²⁹ Указ Президента РФ от 21.06.2007 N 796 «О создании фонда “Русский мир”» // Президент России. – М., 2007. – Режим доступа: <http://document.kremlin.ru/page.aspx?1095311> (Дата обращения: 01.05.2014.)

³³⁰ Там же.

³³¹ Подвинцев О.Б. Идеологический багаж российской власти в преддверии реформирования правящего тандема // Вестник Пермского университета. Серия: «Политология». – Пермь, 2011. – Вып. 4(16). – С. 16-22.

На практике они оказались широко применимы в разных контекстах, что помогало достичь определенного впечатления у населения.

Провозглашенный курс на «единение» предполагалось реализовывать механическим подбором дат из разных исторических эпох, с разным идеологическим багажом. Однако, в частности, отсутствие четкого понимания основы «единения», стало поводом для включения в политико-символическое поле других политических акторов в борьбу за интерпретацию праздников³³².

В тоже время пресекались попытки формулирования других политических ориентиров и смыслов. Как верно заметила О.Ю. Малинова, «такая символическая политика была направлена не только на мобилизацию широкой поддержки действующей власти, но и противодействие кристаллизации внятных альтернатив»³³³. Ассоциация с достижениями советского прошлого могла стать основанием для отказа в инициативе учреждения других значимых дат еще не забытого XX века. Примером могут служить попытки утвердить праздничным нерабочим днем День российской космонавтики. Инициатива была высказана в 2004 году депутатом от фракции ЛДПР Владимиром Овсяниковым: «12 апреля - это не профессиональный праздник, а общенациональный»³³⁴. Однако данная инициатива не была поддержана большинством. В частности, депутат от «Единой России» Александр Белоусов заявил, что космическая отрасль хоть «является одним из приоритетных направлений развития экономики страны и заслуживает пристального внимания к себе», но «целесообразность принятия данного постановления остается под большим вопросом»³³⁵.

³³² См., например: Ефремова В.Н. День народного единства: изобретение праздника // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Ред. кол.: О.Ю. Малинова – гл. ред. и др. – М., 2012. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – С. 286-300.

³³³ Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России: Монография / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед., Отд. полит. науки. – М., 2013. – С. 188.

³³⁴ Стенограмма заседания 13 февраля 2004 г. N 7(721) // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. – М., 2004. – Режим доступа: <http://transcript.duma.gov.ru/node/1367/> (Дата обращения: 25.10.2014.)

³³⁵ Там же.

4-й этап – новая постановка вопроса о коллективной идентичности (?) и более активное использование государственных праздников (с 2012)

Выделение следующего этапа символической политики связано с новой постановкой вопроса о национальной идентичности³³⁶ на фоне консервативного поворота в дискурсе власти и антизападнических настроений в обществе. Хотя изменения напрямую не коснулись государственных праздников, имеет смысл обозначить направления, по которым в дальнейшем вполне вероятно трансформация их смыслового содержания.

Новый этап ознаменовала волна протестов, связанных с избирательной кампанией 2011-2012 годов. Предложенный ранее властью идеологический багаж и тактика замалчивания не смогли ответить на запросы общества, которое было недовольно фальсификациями на выборах и плохо подготовленной рокировкой тандема. Изменения политического контекста побудили к пересмотру сложившегося в 2000-е года курса символической политики. С одной стороны, это требовало новых подходов для мобилизации сторонников и поддержке существующего режима, а с другой – ограничения пространства для формулирования альтернативных точек зрения, которое выразилось в дальнейшем в принятии закона об НКО, ужесточении требований к СМИ, закона о двойном гражданстве и др.

Вопрос о национальной идентичности стал одной из центральных тем президентской кампании В.В. Путина и в дальнейшем перерос в символический курс новой власти. Значимой стала предвыборная программная статья «Россия: национальный вопрос», опубликованная в

³³⁶ Подробнее см.: Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России: Монография / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед., Отд. полит. науки. – М., 2013. – С. 196-206.

«Независимой газете»³³⁷. В ней в контексте поднятого вопроса об идентичности были обозначены первые предпосылки для пересмотра потенциала существующих государственных праздников. В.В. Путин назвал День народного единства «днем рождения нашей гражданской нации», «день победы над собой»³³⁸, вместо ранее транслируемого «Дня гражданского общества». Именно в событиях давнего прошлого Путин предложил искать «скрепы общественного порядка», процитировав слова историка В. Ключевского. Однако из статьи оказалось не совсем ясно, какие именно ценности власть относит к «скрепам» в России. Путин говорил о ценностных ориентирах, имея в виду «базовые, общие моральные, нравственные, духовные ценности: милосердие, взаимопомощь, правда, справедливость, уважение к старшим, идеалы семьи и труда»³³⁹. Таким образом, новый президентский срок Путина ознаменовался конструированием идеологии, основанной на национальных ценностях, призывом к которой служила борьба с низкой моралью россиян.

В дальнейшем в послании Федеральному Собранию, которое было озвучено 12 декабря в 2012 года, в День Конституции³⁴⁰, В.В. Путин обратился к «духовным скрепам», которых ощущается «явный дефицит»³⁴¹ – милосердию, сочувствию, состраданию друг другу, поддержки и взаимопомощи. Термин «скрепы», употребляемый сегодня по большей мере в церковном дискурсе, вызвал большой резонанс. Его появление совпало с кампанией по защите чувств верующих (в том числе в связи с уголовным делом в отношении участниц группы Pussy Riot), обсуждением мер по защите детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных

³³⁷ Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. - М., 2012. - 23 января. - Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (Дата обращения: 18.11.2012.)

³³⁸ Путин В.В. Россия: национальный вопрос.

³³⁹ Там же.

³⁴⁰ Казалось, что власть пошла на активизацию потенциала уже было отработавшего и уже было «потерявшего доверие» Дня Конституции. В 2013 году В.В. Путин снова зачитывал обращение к Федеральному Собранию 12 декабря. Однако, к сожалению, не была продолжена в 2014 году. Выступление В.В. Путина состоялось 4 декабря.

³⁴¹ Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. – М., 2012. – 12 декабря. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/17118> (Дата обращения: 25.10.2014.)

семейных ценностей, обострением антизападной риторики, и фактически за рубежом было воспринято как ограничение свободы прав граждан и укреплению «имиджа России как авторитарного государства»³⁴².

О поиске национальных символов, необходимости «новой стратегии и сохранения своей идентичности в кардинально изменяющемся мире» В. Путин заявил в сентябре 2013 года на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай»³⁴³. Здесь он, пожалуй, впервые подчеркнул роль православия как «духовной скрепы», чего ранее напрямую не высказывал: «Без ценностей, заложенных в христианстве и других мировых религиях, без формировавшихся тысячелетиями норм морали и нравственности люди неизбежно утратят человеческое достоинство»³⁴⁴. В дальнейшем обозначенный властью вектор подхватила депутат Госдумы от партии «Справедливая Россия» Е. Мизулина, которая предложила закрепить в конституции РФ особую роль православия в России³⁴⁵.

Вопрос о национальной идентичности был подхвачен экспертным сообществом. В дальнейшем в феврале 2014 года Валдайский клуб выпустил доклад, целый раздел которого был посвящен символам российской идентичности³⁴⁶.

Помимо этого власть стала заметно больше внимания уделять событиям давней истории, особенно тем, которые связаны с ролью православной церкви. В 2013 году с размахом прошло празднование 1025-летия Крещения Руси (28 июля, государственная памятная дата установлена указом Д.А. Медведева в 2010 году) и 25-летия возрождения религиозной жизни на

³⁴² Зафесова А. Путинская Россия хочет запретить «пропаганду гомосексуализма» // InoPressa. – М., 2013. – 22 января. – Режим доступа: <http://www.inopressa.ru/article/22jan2013/lastampa/propaganda> (Дата обращения: 25.10.2014.)

³⁴³ Путин В.В. Выступление на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» // президент России. – М., 2013. – 19 сентября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/19243> (Дата обращения: 11.09.2014.)

³⁴⁴ Там же.

³⁴⁵ Особую роль православия в России предлагают закрепить в Конституции // РИА «Новости». – М., 2013. – 22 ноября. – Режим доступа: <http://ria.ru/society/20131122/978993498.html#14143440989654&message=resize&relto=login&action=removeClas&value=registration> (Дата обращения: 25.10.2014.)

³⁴⁶ Национальная идентичность и будущее России: Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». – М., 2014. – 74 с. – Режим доступа: http://vid1.rian.ru/ig/valdai/doklad_identichnost_RUS_ISBN.pdf (Дата обращения: 11.09.2014.)

территории стран бывшего СССР. Из этого списка выбивалось торжественное собрание в Уфе, посвящённое 225-летию Центрального духовного управления мусульман России, на котором В.В. Путин выступил с поздравлением³⁴⁷.

Другая важная особенность этапа – это активизация практики использования властью общих смыслов праздников. Особенно очевидно это стало на примере опять же Дня народного единства. Все В.В. Путин стал ставить праздник в один ряд с Днем защитника Отечества, Днем Победы и другими памятными датами военной истории России. Например, о значимости событий 1612 года в контексте национальной безопасности было заявлено В.В. Путиным на праздничном вечере, посвященном Дню защитника Отечества уже в 2014 году: «Мы гордимся всеми, кто на протяжении веков самоотверженно отстаивал свободу и независимость России: древнерусскими ратниками, ополченцами 1612 года, героями Бородина, солдатами и офицерами Первой мировой войны»³⁴⁸.

В период третьего президентского срока В.В. Путина особую значимость приобрели социальные функции праздников как инструментов регламентации повседневной жизни. Используя тему государственных праздников как часть предвыборной кампании, кандидат в президенты В.В. Путин предложил сократить новогодние каникулы до 7 дней, оставив праздничными дни с 1 по 7 января³⁴⁹. Освободившиеся от сокращения Новогодних каникул нерабочие дни переносить в дополнение к другим государственным праздникам. Данная инициатива ранее неоднократно возникала у других политических акторов (например, у ЛДПР и «Справедливой России»).

³⁴⁷ Путин В.В. Выступление на торжественном собрании, посвящённом 225-летию Центрального духовного управления мусульман России // Президент России. – Уфа, 2013. – 22 октября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/19473> (Дата обращения: 01.05.2014.)

³⁴⁸ Путин В.В. Выступление на торжественном вечере, посвящённом Дню защитника Отечества // Президент России. – М., 2014. – 20 февраля. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/20293> (Дата обращения: 01.05.2014.)

³⁴⁹ Романова О.В. Путин предложил ограничиться неделей новогодних каникул // Деловой квартал. - М., 2012. - 9 февраля. - Режим доступа: <http://www.dk.ru/news/vputin-predlozhit-ogranichitsya-nedelej-novogodnix-kanikul-236544570> (Дата обращения: 16.04.2014.)

Новая законодательная инициатива дала возможность манипулировать праздничными выходными, что в дальнейшем стало актуально при проведении инаугурации президента (7 мая 2012 года). Так, торжественная церемония проходила в выходной день, а акции протеста (5 мая) – в рабочий³⁵⁰. Постановление правительства о переносе выходных дней премьер Путин подписал 15 марта уже после того, как стала известна дата масштабной акции протеста оппозиции.

И все же можно полагать, что центральным событием нового этапа символической политики станет празднование 70-летия Великой Победы в 2015 году. При нынешней международной конъюнктуре, как заявил Путин, праздник выполняет значимую роль – историческую память о великом подвиге, в условиях когда «особую тревогу вызывают возрождающиеся идеи нацизма»³⁵¹. Очевидно, что основной темой празднования должны стать украинский кризис и присоединение Крыма, повлиявшие на имидж страны за рубежом и ее финансово-экономическое положение.

Уже сейчас можно говорить о том, что события 2014 года внесли существенные коррективы в государственную политику. Основной упор был сделан на категории «Русский мир», «изобретение» которой было сопряжено с конструированием смыслов Дня народного единства. В марте 2014 года, комментируя события в Крыму, пресс-секретарь главы государства Дмитрий Песков заявил, что «Россия — это страна, на которой зиждется русский мир, и президентом страны является Путин, именно Путин является главным гарантом безопасности русского мира»³⁵². Как заметил И. Зевелев, это утверждение отражает «фундаментальные изменения в представлениях официальных лиц о зоне ответственности Кремля»³⁵³. На наш взгляд,

³⁵⁰ Петренко В. Майские праздники прибились к инаугурации // Газета.RU. – М., 2012. – 15 марта. – Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/social/2012/03/15/4092721.shtml> (Дата обращения: 08.04.2014.)

³⁵¹ Путин заверил, что РФ будет бороться с любыми проявлениями нацизма // ИТАР-ТАСС. – М., 2014. – 9 июля. – Режим доступа: <http://itar-tass.com/politika/1307415> (Дата обращения: 11.09.2014.)

³⁵² Цит. по: Песков рассказал о зашкаливающем рейтинге Путина // Lenta.ru. – М., 2014. – 7 марта. – Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2014/03/07/rating> (Дата обращения: 25.10.2014.)

³⁵³ Зевелев И. Новая внешнеполитическая доктрина России // Ведомости. – 7 апреля. – М., 2014. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/24981841/novaya-vneshnyaya-politika-rossii> (Дата обращения: 23.10.2014.)

заявления близких к президенту лиц также говорят о проработке властью новых способов интерпретации реальности и миссионерской роли России.

Эти события нашли отражение в попытках пересмотра праздничного календаря и пополнения его новыми датами. Так, депутат государственной думы от фракции ЛДПР Александр Старовойтов на следующий день после подписания договора о вхождении в состав России Севастополя и Республики Крым направил президенту и главе правительства предложение сделать 18 марта национальным праздником³⁵⁴. Инициативу поддержали зампред комитета Госдумы по конституционному законодательству «единорос» Д. Вяткин и коммунист В. Соловьев. Однако она не нашла одобрения большинства и не была принята.

Осенью 2014 года на волне вооруженного конфликта на юго-востоке Украины появилась инициатива учреждения «новой памятной даты, посвященной людям в военной экипировке без опознавательных знаков», Дня вежливых людей, который бы совпадал с днем рождения В.В. Путина (7 октября)³⁵⁵. Однако, на наш взгляд, данное предложение не имеет под собой серьезных оснований стать памятной датой, поскольку ее значение преувеличено.

Суммируя вышесказанное, можно констатировать, что в целом власть продолжила, начатый ею в 2000-е годы курс символической политики по избирательному использованию прошлого, внося в него, однако, некоторые коррективы. В первую очередь, стала очевидна попытка задействовать потенциал Дня народного единства, который должен был связать события новейшей и дореволюционной истории. Плохо проработанные основания праздника в очередной раз стали свидетельством нерешенных за 20 лет основ национальной идентичности. Власть в лице В.В. Путина на новом этапе сделала ставку на «духовные скрепы», заимствованные из православия, ища

³⁵⁴ Теслова Е., Субботина С. Депутаты предлагают объявить 18 марта национальным праздником // Известия. – М., 2014. – 19 марта. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/567710> (Дата обращения: 25.10.2014.)

³⁵⁵ Сивкова А., Казаков И. Минобороны одобрило идею учреждения Дня вежливых людей // Известия. – М., 2014. – 3 октября. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/577362> (Дата обращения: 25.10.2014.)

в них то, что могло бы обеспечить «единение» государства и граждан. В «духовных скрепах» власть видела основу консервативной российской идентичности (Русского мира), угрозой которой все чаще стал представлять Запад.

Поэтому вполне очевидно, что наиболее значимых эффектов от использования праздников в качестве инструментов конструирования России как сообщества власти удастся добиться с изменением повестки дня и актуализации темы национальной безопасности. Революция на Украине позволила вынести эти вопросы в разряд важнейших. Это позволило временно «уйти» от нерешенных внутренних проблем и реализовать внешнеполитические амбиции. Однако, по сути, не решило задачи по формированию идентичности в более долгосрочной перспективе, что существенно сужает возможности российских государственных праздников.

Таким образом, формирование государственных праздников в современной России происходило в условиях приспособления советского и дореволюционного прошлого к новым реалиям. Условно праздники «новой» России можно разбить на две группы – «старые», «советские», доставшиеся от СССР, и «новые». В отношении первой группы применялась логика постепенного вытеснения идеологически неудобных смыслов. Вторая группа оказалась в ситуации изобретения символов и нарративов, связанных с российской историей в приемлемом демократическом ключе.

О том, каким образом разные политические акторы в современной России используют инструменталистский потенциал государственных праздников, посвящены второй и третий раздел главы. Мы разделили государственные праздники на две группы – *советские* (23 февраля, 8 марта, 1 мая, 9 мая, Новый год и новогодние каникулы) и *новые государственные праздники*, к которым мы также отнесли один восстановленный из истории

имперской России (12 июня, 4 ноября и 7 января). Такое разделение дает основание проследить: как, с одной стороны, трансформировалось идеологическое содержание и формы празднования одних официальных дат, и, с другой стороны – как формировались практики новых государственных праздников.

Мы не рассматриваем День Конституции РФ (12 декабря) и День Октябрьской революции 1917 года (7 ноября), поскольку рамки нашего анализа определены с 2005 года по 2014 год, когда эти даты уже потеряли статус официальных нерабочих дней.

§2. Борьба за интерпретации советских государственных праздников и практики их использования (2005 – 2014 гг.)

В данном параграфе будет уделено внимание негосударственным акторам и их стратегиям использования государственных праздников.

Практики использования символического потенциала государственных праздников различны. Можно выделить несколько *стратегий* употребления праздников в качестве инструментов символической политики. Первая стратегия заключается в том, что политические акторы активно задействуют нарративы, символы, ритуалы праздников, предлагаемые властью. Иногда такая стратегия может быть направлена на демонстрацию доверия властвующей элите. В некоторых случаях, подхватывая используемые властью символы, политические акторы стремятся наделить их собственными смыслами, преследуя собственные цели, в целом, однако придерживаясь официальной линии интерпретации.

Другой тип стратегий – это открытая полемика с позицией власти за идеологическое содержание праздников. Политические акторы, придерживаясь ее, предлагают собственные нарративы и практики празднования, частично, либо полностью отрицая официально предлагаемые властью. Цель таких действий – заявить о своих позициях, конкурирующих за видение социальной реальности с другими политическими акторами.

И наконец, игнорирование конкретных праздников, также является символической стратегией.

Стоит отметить, что не всегда одна и та же стратегия может использоваться по отношению ко всем праздникам одними и теми же политическими силами. Изменчивость праздника, а точнее – его отдельных элементов позволяет использовать этот инструмент символической политики конъюнктурно – для обоснования и продвижения тех или иных тактических задач. Теория социального конструктивизма позволяет исходить из того, что лишь практики взаимодействия акторов определяют коллективное

осмысление и применение ими тех или иных стратегий. Иными словами, акторы не просто действуют согласно готовому сценарию, а определяют и оценивают ситуацию.

Выбор стратегии, таким образом, зависит от (1) конкретного праздника, его «символического багажа» (истории, символов, с которыми он связан изначально, либо наделен властью в последующем), (2) идеологических предпочтений акторов, участвующих в производстве идей, их целей и (3) от соотношения их позиций и политического контекста.

Для того чтобы проанализировать *использование* государственных праздников государством и другими политическими акторами мы будем ориентироваться на предложенную в теоретической части работы модель элементов государственных праздников. Выделение нарративов, мифов, целей, символов и форм празднования позволит соотнести позиции политических акторов, а погружение в политический контекст – зачем и как используются праздники применительно к конкретной ситуации.

В центре внимания этого и последующего параграфа – наиболее яркие и заметные практики празднования, а именно – политические акции и заявления по случаю государственных праздников и в день их проведения.

Для анализа мы использовали сайты политических партий и общественных организаций, содержащие поздравительные выступления, а также газетные публикации в передовых периодических изданиях («Российская газета», «Ведомости», «Коммерсант», «Известия» и «Независимая газета»), которые позволили зафиксировать основные публичные практики празднования в праздничные дни в исследуемый период.

Как было отмечено выше, с 2005 года в России продолжают праздноваться (пусть и с измененными названиями) учрежденные в советское время Новогодние каникулы, День защитника Отечества (23 февраля), Международный женский день (8 марта), Праздник весны и труда (1 мая) и День Победы (9 мая). Эта группа праздников была обозначена нами

как «советская». В новой России они перестали быть частью единой государственной пропаганды государственной идеологии. Это отражается на проведении праздничных мероприятий, которые могут проходить на нескольких площадках и по разным замыслам. В то же время праздники стали доступны для формулирования альтернативных идеологий.

1 мая – Праздник весны и труда

Можно констатировать, что праздник 1 мая, ранее отождествлявшийся с «революционной борьбой трудящихся капиталистических стран»³⁵⁶, потерял былое значение. С момента его переименования в 1992 году в «Праздник весны и труда» он официально утратил свою революционную окраску.

В целом, для политических партий, считающих себя оппозиционными, 1 мая – праздник-демонстрация своих политических позиций. В этот день традиционно проходят демонстрации и митинги различных политических сил (от центристов, «Единой России» – до ультралевых/правых – КПРФ, ЛДПР, «Справедливой России», «Яблока», анархо-коммунистического объединения «Автономное действие» с 2002 года, ОДД «Солидарность»).

Одним из главных акторов в борьбе за смыслы и практики празднования 1 мая выступает КПРФ, которая претендует на наследие советской идеологии КПСС, пусть и в ее обновленной версии. В Советском Союзе Первомай был одним из главных праздников, поскольку выражал суть советского метанарратива. Для нынешней КПРФ 1 мая остается значимым праздником, она поддерживает нарратив об исторической «борьбе трудящихся за свои права». Однако «борьбе» не придается революционное значение («Первомай – это великий праздник единения всех, кто умом и талантом создает главные ценности на Земле»³⁵⁷). «Борьба» скорее означает отстаивание роли КПРФ в

³⁵⁶ Первое мая // БСЭ. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Первое%20мая/> (Дата обращения: 23.06.2014.)

³⁵⁷ Зюганов Г.А. С праздником 1 мая! Поздравление от Г.А.Зюганова // КПРФ. – Режим доступа: <http://www.cprfspb.ru/2324.html> (Дата обращения: 24.05.2014.)

качестве системной оппозиции правящему режиму и партии «Единая Россия». Праздник используется для осуждения «ряда ... депутатов от партии власти, чиновников, обманувших надежды населения». Таким образом, сформулированный нарратив праздника позволяет приспособлять идеологию праздника к текущим политическим событиям.

По традиции КПРФ ежегодно проводит митинги и шествия. Конечно, митинги и шествия 2000-х годов качественно отличаются от тех, что проходили в СССР. Эти изменения вызваны не только тем очевидным фактом, что коммунистическая партия оказалась в оппозиции к власти, но также тем, что сами принципы и идеология партии подверглись значительной эволюции. Прежде всего, изменился смысл митингов. Историческое значение 1 мая ушло на второй план, и демонстрироваться стали другие идеи. Так, в 2005 году митинг был продолжением протестной кампании, развернувшейся в связи с монетизацией льгот³⁵⁸, которая повлекла за собой массовые выступления пенсионеров – потенциальной электоральной базы КПРФ, а также подготовкой к празднованию 60-летия Великой Победы.

С КПРФ сотрудничает сеть общественных организаций левого толка. Так, в акции, организованной городским комитетом КПРФ в 2006 году, участвовали Союз советских офицеров, «Движение в поддержку армии» (ДПА), Всероссийский женский союз – «Надежда России», Союз коммунистической молодёжи Российской Федерации (СКМ РФ), «Авангард красной молодёжи» (АКМ), Национал-большевистская партия (НБП, запрещена в 2007 году), Российская коммунистическая партия – КПСС, Большеви́стская платформа в КПСС, Межрегиональное общественное движение «За возрождение отечественной науки», Ассоциация инвалидов и ликвидаторов аварии на ЧАЭС и других ядерных объектах, общероссийская

³⁵⁸ Информация «О предварительных итогах участия региональных отделений КПРФ в празднованиях Первомая 2005 года» // КПРФ. – М., 2005. – 7 мая. – Режим доступа: <http://cprf.info/upload/orgotdel.doc> (Дата обращения: 24.05.2014.)

общественная организация «Российские учёные социалистической ориентации»³⁵⁹.

С созданием политической партии «Справедливая Россия» в 2006 году, которую нередко называют проектом Кремля, у КПРФ появился соперник за символический ресурс 1 мая. «Справедливая Россия» находилась в поиске «своего электората» на социалистическом поле, и некоторые элементы форм празднования были заимствованы у коммунистов – флаги, лозунги.

В 2007 году «Справедливая Россия» вступила в конкуренцию с КПРФ за практики празднования 1 мая. Центральной темой на митингах КПРФ и «Справедливой России» стала оценка действий эстонских властей по демонтажу памятника советским воинам-освободителям. Обе партии осуждали деятельность властей Таллина, однако в остальном их праздничные дискурсы не совпадали. КПРФ использовала излюбленный прием критики власти. Поводом стали массовые фальсификации и нарушения выборного законодательства исполнительными органами власти при проведении выборных кампаний федерального и регионального уровней³⁶⁰ и т.д. В то время как «Справедливая Россия» была более лояльна к действующей власти. Партия рассматривает современное российское государство в целом как эффективное, которое, однако, нуждается в совершенствовании не без участия партии. Эти «сражения» (нерешенные проблемы России) партии еще «только предстоит выиграть»³⁶¹.

В 2010 году первомайский дискурс «Справедливой России» был сосредоточен вокруг очередного повышения тарифов на ЖКХ, борьбу за которые партия назвала «новым социализмом»³⁶². Однако в дальнейшем он

³⁵⁹ О проведении Всероссийской акции посвященной Дню международной солидарности трудящихся 1 мая 2006 года. Справка // КПРФ. – М., 2006. – 3 мая. – Режим доступа: http://kprf.ru/news/party_news/41457.html (Дата обращения: 24.05.2014.)

³⁶⁰ Информация «О предварительных итогах участия региональных отделений КПРФ в празднованиях Первомай 2005 года» // КПРФ. – М., 2005. – 7 мая. – Режим доступа: <http://cprf.info/upload/orgotdel.doc> (Дата обращения: 24.05.2014.)

³⁶¹ «Справедливая Россия» празднует Первомай. – М., 2007. – 1 мая. – Режим доступа: <http://www.novopol.ru/--spravedlivaya-rossiya-prazdnuet-pervomay-text20312.html> (Дата обращения: 24.05.2014.)

³⁶² СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ отметила Первомай // Справедливая Россия. – М., 2010. – 1 мая. – Режим доступа: http://www.srduma.ru/5_32310.htm (Дата обращения: 24.05.2014.)

не был продолжен. В 2013 году лидер партии С. Миронов более общесформулировал цель праздника как выражение «солидарности с людьми труда»³⁶³, что опять же было направлено на конкуренцию за смыслы праздника с КПРФ. Тогда же формы празднования 1 мая «Справедливой Россией» эволюционировали в сторону используемых «партией власти» – проведение концертов-митингов и широких массовых мероприятий (выставка игрушек, мастер-классы по фейс-арту и др.). Однако события на Украине в 2014 году внесли коррективы в празднование 1 мая. «Справедливая Россия» снова вернулась к формам празднования, которые больше характерны для КПРФ и советской культуры, – праздничное шествие и торжественный митинг³⁶⁴.

Российская оппозиция в период с 2005 по 2008 год игнорировала 1 мая для организации уличных акций, так называемых «Маршей несогласных», хотя и рассматривала майские праздники для их проведения. По-видимому, организаторы (коалиция «Другая Россия») не видели в Празднике весны и труда символов, которые совпадали бы с целью «маршей». Куда более близким оказался День Конституции. В 2012 году, когда у оппозиции появился интерес к выходному дню, связанному с праздником, для проведения протестных акций, она получила отказ.

Праздник весны и труда на протяжении 2000-х годов и сегодня широко используется профсоюзными организациями (объединенная Федерация независимых профсоюзов России) при поддержке партии «Единая Россия». С формированием в 2011 году Общероссийского народного фронта, объединившего беспартийных сторонников и представителей различных общественных объединений, разделяющих цели «Единой России», КПРФ получила серьезного конкурента, чьи митинги собирали несколько тысяч

³⁶³ СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ отметила 1 Мая маевкой в центре столицы // Справедливая Россия. – М., 2013. – 1 мая. – Режим доступа: http://www.spravedlivo.ru/5_48486.html (Дата обращения: 24.05.2014.)

³⁶⁴ В Москве прошли первомайская демонстрация и праздничный митинг СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ // Справедливая Россия. – М., 2014. – 1 мая. – Режим доступа: http://www.spravedlivo.ru/5_60297.html (Дата обращения: 24.05.2014.)

сторонников и были поддержаны федеральными и региональными властями³⁶⁵.

Стоит отметить, что официальные представители власти в отличие от КПРФ и профсоюзных объединений долгое время не использовали этот праздник. А именно, как показал мониторинг СМИ, а также обзор сайта президента РФ (<http://www.kremlin.ru>), до 2013 года не существовало каких-либо устоявшихся официальных практик – публичных заявлений, поздравлений или мероприятий по случаю 1 мая. К примеру, 1 мая 2005 году президент В.В. Путин предпочел поздравить православных россиян с праздником Пасхи, а не с Днем весны и труда³⁶⁶.

Целенаправленно за конструирование смыслов и практик празднования Дня весны и труда власть взялась в 2013 году. Впервые в современной России в День весны и труда состоялась встреча президента В.В. Путина с представителями независимых профсоюзов³⁶⁷. На ней президент подчеркнул аполитичность современного 1 мая, указав на то, что «еще в Российской Империи он отмечался как праздник Весны» и «как бы ни менялась форма, сердцевина всегда оставалась: это праздник начала трудовой деятельности крестьян, которые готовились к весеннему севу»³⁶⁸. Власть таким образом избегала оценок праздника, его значения для Советского Союза и делала акцент на его связи с общей историей России.

³⁶⁵ Об этом свидетельствуют многочисленные обзоры СМИ. См., например: «Единая Россия» вышла на демонстрацию 1 мая вместе с профсоюзами // KM.RU. – М., 2011. – 1 мая. – Режим доступа: <http://www.km.ru/v-rossii/2011/05/01/trudovoe-zakonodatelstvo/edinaya-rossiya-vyshla-na-demonstratsiyu-1-maya-vmeste-> (Дата обращения: 23.06.2014.).

³⁶⁶ Владимир Путин поздравил православных россиян с праздником Пасхи // Lenta.ru. - М., 2005. - 1 мая. - Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2005/05/01/putin1> (Дата обращения: 23.06.2014.)

³⁶⁷ С праздником Первомай поздравил всех трудящихся Владимир Путин // Первый канал. – М., 2013. – 1 мая. – Режим доступа: <http://www.1tv.ru/news/social/257755> (Дата обращения: 23.06.2014.); Владимир Путин поздравил россиян с Праздником Весны и Труда // Российская газета. - М., 2014. - 1 мая. - Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/05/01/pozdravlenie-anons.html> (Дата обращения: 23.06.2014.).

³⁶⁸ Владимир Путин поздравил россиян с Праздником Весны и Труда // Российская газета. - М., 2014. - 1 мая. - Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/05/01/pozdravlenie-anons.html> (Дата обращения: 23.06.2014.).

Неофициальное поздравление также в 2013 году впервые было опубликовано в Твиттере премьером Д.А. Медведевым: «С Первомаем! Хороших выходных дней!»³⁶⁹.

Тогда же весной 2013 года появились первые официальные формы празднования, направленные на закрепление заявленного смысла праздника. Указом Президента РФ N 294 «Об установлении звания Героя Труда Российской Федерации» было установлено звание «Герой Труда Российской Федерации» и учреждена одноименная золотая медаль³⁷⁰. Согласно положению, «Звание Героя Труда Российской Федерации присваивается гражданам Российской Федерации, трудовые отличия которых, как правило, ранее были отмечены орденом “За заслуги перед Отечеством”»³⁷¹. Первые церемонии награждения прошли 1 мая 2013 года. В список попали тренер, токарь, шахтер, учитель, врач, механизатор³⁷². Церемония снова прошла в 2014 году³⁷³ и есть все основания полагать, что эта практика сохранится. Кроме того, впервые в 2014 году столичные власти согласовали проведение первомайских демонстраций на Красной площади «в знак большого уважения к московским и российским профсоюзам»³⁷⁴, что может означать, что государство не намерено отказываться от праздника, а поступательно движется по направлению его трансформации.

Таким образом, использование символического ресурса Праздника весны и труда в новой России для всех политических акторов оказалось сопряжено с необходимостью конструирования нового нарратива праздника. В отсутствие официально сконструированной идеологии праздника

³⁶⁹ Цит. по: Дмитрий Медведев поздравил россиян с Первомаем. - М., 2013. - 1 мая. - Режим доступа: <http://www.tatar-inform.ru/news/2013/05/01/358603/> (Дата обращения: 23.06.2014)

³⁷⁰ Указ Президента РФ N 294 «Об установлении звания Героя Труда Российской Федерации». – М., 2013. – Режим доступа: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1:3563024> (Дата обращения: 23.06.2014.)

³⁷¹ Там же.

³⁷² Указ Президента Российской Федерации от 1 мая 2013 года № 427 «О присвоении звания Героя Труда Российской Федерации». – М., 2013. – Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d46036b55404532334.pdf> (Дата обращения: 23.06.2014.)

³⁷³ Указ Президента Российской Федерации от 20 апреля 2014 года № 257 «О присвоении звания Героя Труда Российской Федерации». – М., 2014. – Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d4d87a87d86a051106.pdf> (Дата обращения: 23.06.2014.)

³⁷⁴ Профсоюзам разрешили провести первомайскую демонстрацию на Красной площади // Интерфакс. - М., 2014. - 10 апреля. - Режим доступа: <http://www.interfax-russia.ru/Moscow/main.asp?id=489610> (Дата обращения: 10.05.2014.)

политическим партиям, так или иначе, приходилось выстраивать свои стратегии на основе их соотнесения с позицией КПРФ, которая по инерции продолжала использовать праздник для проведения митингов. Конкуренцию ей составляют, в первую очередь, «Справедливая Россия», конкурирующая за «левый» электорат, и центристская «Единая Россия». Последними к процессу конструирования смыслов и практик празднования подключились официальные представители государства. Власть выбрала стратегию по дальнейшему размыванию политической составляющей праздника и встраивания его в общую историю России. В то же время для части политических сил этот праздник остается лишь поводом для демонстрации своих политических позиций без попыток сформулировать его идеологию.

8 марта – Международный женский день

Сила советской традиции проявляется также в других современных праздничных днях, не связанных напрямую с политическим курсом государства. Идеологически значимый советский праздник 8 марта остается сегодня одним из популярных в современной России³⁷⁵. Как отмечают авторы словаря гендерных терминов, «политическая направленность праздника в дореволюционный период и первое десятилетие советской власти определялась эмансипаторской риторикой женского движения и социалистической идеологией, будучи обусловлена необходимостью привлечения женских масс к активной политической деятельности»³⁷⁶. Изначально в СССР день 8 марта позиционировался как «праздник работниц», «день смотра боевых сил работниц и крестьянок всех стран», «день подсчета пролетарок в рядах борцов за победу трудящихся»³⁷⁷. Однако

³⁷⁵ Важные праздники // Левада-Центр. – М., 2014. – 20 февраля. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/20-02-2014/vazhnye-prazdniki> (Дата обращения: 24.06.2014.)

³⁷⁶ Международный женский день // Ярская-Смирнова Е.Р., Карпова Г.Г. Словарь гендерных терминов. – Режим доступа: <http://www.owl.ru/gender/110.htm/> (Дата обращения: 10.03.2009.)

³⁷⁷ День работницы // Работница. – М., 1926. – №4. – С. 2.

революционный нарратив 8 марта – Международного женского дня был утрачен еще в середине 1980-х годов.

Нельзя сказать, что в современной России практики использования 8 марта носят характер борьбы. Как показывают поздравительные обращения по случаю празднования 8 марта, в современной России – это гендерный праздник. Об этом, в частности, говорят единичные поздравительные выступления лидера «Единой России» Б. Грызлова: 8 марта – «день, ставший символом весны, любви и гармонии»³⁷⁸. В том же духе выдержана риторика поздравительных обращений Г. Зюганова, лидера КПРФ³⁷⁹, а также других парламентских объединений. Празднование 8 марта на уровне официальных лиц не подразумевает каких-либо четких устоявшихся форм празднования, зато сложились публичные неформальные практики поздравления (цветы, конфеты женщинам).

Однако известны случаи, когда праздничные поздравления использовались представителями власти, парламентскими политическими партиями для того, чтобы подчеркнуть значимость расходов на социальную сферу и здравоохранение. Так, к примеру, поздравление председателя Государственной Думы Б. Грызлова с 8 марта в 2009 году содержали в себе программные элементы: «Демографическая программа, материнский капитал, проекты по формированию кадрового резерва, целевая поддержка таких сфер, как образование, здравоохранение, культура, – примеры мер, которые реализуются в рамках долгосрочной стратегии развития России»³⁸⁰.

³⁷⁸ Грызлов Б. Поздравление Председателя Государственной Думы Бориса Грызлова с 8 марта. - М., 2009. - 10 марта. - Режим доступа: http://www.duma.gov.ru/news/274/58732/?sphrase_id=1215961 (Дата обращения: 10.01.2014.)

³⁷⁹ См., например: Зюганов Г.А. Спасибо, любимые! Г.А. Зюганов поздравляет женщин с 8 марта. - М., 2012. - 8 марта. - Режим доступа: http://kprf.ru/rus_soc/103817.html (Дата обращения: 24.04.2014.); Зюганов Г.А. Поздравление Г.А. Зюганова с 8 марта. - М., 2013. - 7 марта. - Режим доступа: <http://www.zyuganov.kprf.ru/news/pozdravlenie-g-a-zyuganova-s-8-marta-dorogie-nashi-lyubimye-zhenshchiny-materi-i-sestry-zheny-i-docheri> (Дата обращения: 24.04.2014.); Зюганов Г. Поздравление Председателя ЦК КПРФ Г.А. Зюганова с Международным женским днём 8 марта // КПРФ. - М., 2014. - 7 марта. - Режим доступа: <http://www.politpros.com/events/3048/> (Дата обращения: 24.04.2014.).

³⁸⁰ Грызлов Б. Поздравление Председателя Государственной Думы Бориса Грызлова с 8 марта. - М., 2009. - 10 марта. - Режим доступа: http://www.duma.gov.ru/news/274/58732/?sphrase_id=1215961 (Дата обращения: 10.03.2009.)

В 2012-2014 годах на общем фоне протестных настроений 8 марта наблюдались единичные леворадикальные феминистские митинги в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге и других городах³⁸¹. Среди требований: «за трудовые и репродуктивные права», «за социальные права и гарантии», «за поддержку материнства и детства», «за гендерное равноправие»³⁸². Организаторами выступают «левые» организации – Левое социалистическое действие (ЛевСД), подразделение международной троцкистской организации «Комитет за рабочий интернационал», анархо-коммунистическое объединение «Автономное действие». Эти организации обозначают себя как оппозицию действующей власти. Однако реальных ресурсов для навязывания символической борьбы у них пока нет.

Одновременно с этим в 2012 и в 2013 годах³⁸³ прошла серия одиночных пикетов в поддержку скандально известной группы Pussy Riot, участниц которой осудили за проведение «панк-молебна» в храме Христа Спасителя 21 февраля 2012г.

Международный женский день, таким образом, не попадает под широкое использование политическими акторами его символических возможностей. Можно констатировать, что его потенциал не использован в полной мере, в том числе, к примеру, для лоббирования программ по защите материнства и детства.

23 февраля – День защитника Отечества

³⁸¹ Митинг в Екатеринбурге 8 марта. – Екатеринбург, 2014. – 8 марта. – Режим доступа: <http://shaumaenigma.livejournal.com/132838.html> (Дата обращения: 24.04.2014.); Болотина Т. Свобода! Равенство! Сестринство! – М., 2014. – 8 марта. – Режим доступа: <http://womensation.org/свобода-равенство-сестринство/> (Дата обращения: 20.05.2014.); Социал-демократы встретили 8 марта шествием. – 2014. – 13 марта. – Режим доступа: <http://levsd.ru/?cat=20> (Дата обращения: 20.05.2014.).

³⁸² Forum GenderQueer. – М., 2013. – Режим доступа: <http://genderfree.net/viewtopic.php?f=38&t=1027> (Дата обращения: 20.05.2014.)

³⁸³ В Новоушкинском сквере и на Калужской площади задержали сторонников «Яблока» и Pussy Riot // Известия. - М., 2012. - 8 марта. - Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/546367> (Дата обращения: 10.01.2014.); Женский день отметили пикетом в поддержку Pussy Riot // РБК. – М., 2013. – 8 марта. – Режим доступа: <http://top.rbc.ru/society/08/03/2013/848415.shtml> (Дата обращения: 20.05.2014.)

Другой «гендерный праздник», как иногда называют День защитника Отечества, в конце 1990-х годов рассматривался рядом политических сил и партий в качестве главного праздника страны³⁸⁴, поскольку именно в армии виделась «опора» и «защита» от угрозы распада страны. Власть не придавала значения сомнительным основаниям праздника (есть мнение, что «23 февраля не имеет никакого отношения к защитникам Отечества» и ни в коей мере не связан с «боями под Псковом и Нарвой»³⁸⁵). История праздника 23 февраля подверглась ремифологизации. Нарратив праздника принял весьма специфическую форму: он повествовал о ратных подвигах русского народа без привязки к изначальному событию, который лег в основу советского праздника. Уже в 2002 году в выступлении на торжественном вечере, посвященном Дню защитника Отечества, не было упоминания о событиях под Псковом и Нарвой³⁸⁶.

В путинской России он превратился в праздник «служения Отчизне», праздник Вооруженных сил, «неотъемлемый элемент величия нашей страны»³⁸⁷, – о чем в своем поздравлении в 2004 году заявил министр обороны С. Иванов.

Утверждение Дня защитника Отечества в качестве официального нерабочего дня в 2002 году сопровождалось возрождением церемонии вручения президентом России В. Путиным знамен видов Вооруженных Сил и других войск, история которых, по данным службы геральдики уходит в допетровские времена³⁸⁸. К тому же времени восходит закрепление практики традиционного возложения венков к Могиле Неизвестного солдата у

³⁸⁴ Стенограмма заседания 20 мая 1998 г. // Государственная дума. - М., 1998. - 20 мая. - Режим доступа: <http://api.duma.gov.ru/api/transcriptFull/1998-05-20> (Дата обращения: 04.04.2014.)

³⁸⁵ Меленберг А. День красного подарка // Время МН. – 2003. – 22 февраля. – Режим доступа: http://www.krotov.info/lib_sec/13_m/mel/enberg.htm (Дата обращения: 04.04.2014.)

³⁸⁶ Путин В.В. Выступление на торжественном вечере, посвященном Дню защитника Отечества // Президент России. – М., 2002. – 22 февраля. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/transcripts/21513> (Дата обращения: 24.05.2014.)

³⁸⁷ Иванов С.Б. Поздравление министра обороны Российской Федерации С.Б. ИВАНОВА с Днем защитника Отечества // Известия. - М., 2004. - 22 февраля. - Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/287263> (Дата обращения: 04.04.2014.)

³⁸⁸ В Кремле идет церемония вручения военных знамен // Коммерсант. - М., 2002. - 21 февраля. - Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/934161> (Дата обращения: 04.04.2014.)

Кремлевской стены, в котором участвуют президент, главы обеих палат парламента, военное руководство, представители других ветвей власти, руководители политических партий³⁸⁹.

Государственный праздник постепенно стал использоваться властью как значимая часть практик чествования ветеранов Великой Отечественной войны и возвеличивания символа Победы. Впервые отсылка к нему прозвучала в выступлении на торжественном вечере, посвящённом Дню защитника Отечества В.В. Путиным в 2008 году, незадолго до конца президентского срока³⁹⁰. Тогда впервые президент связал «жестокие и кровопролитные сражения», символ Победы и «тысячелетнюю историю России».

Трансформация официального нарратива праздника стала заметна в 2009 году с президентством Д.А. Медведева. Праздник стал связываться с ролью и значением Великой Победы. Впервые в День защитника Отечества президент вручил ордена Отечественной войны I и II степеней, Красной Звезды и ордена Славы III степени, медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За взятие Кёнигсберга»³⁹¹. С 2011 года Д.А. Медведев положил новую традицию в День защитника Отечества – вручение грамот о присвоении почётного звания «Город воинской славы», которая еще больше связала нарратив праздника с Великой Победой. Звание «Город герой воинской славы», установленное Федеральным законом 9 мая 2006 года³⁹², присваивается городам РФ, «на территории которых или в непосредственной близости от которых в ходе ожесточенных сражений защитники Отечества

³⁸⁹ Путин возложил цветы к могиле неизвестного солдата // Коммерсант. - М., 2002. - 23 февраля. - Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/934267> (Дата обращения: 04.04.2014.)

³⁹⁰ Путин В.В. Выступление на торжественном вечере, посвящённом Дню защитника Отечества // Президент России. – М., 2008. – 23 февраля. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/transcripts/24857> (Дата обращения: 24.05.2014.)

³⁹¹ В преддверии Дня защитника Отечества в Кремле состоялась церемония вручения государственных наград // Президент России. – М., 2010. – 19 февраля. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/6926> (Дата обращения: 24.05.2014.)

³⁹² Федеральный закон от 9 мая 2006 г. N 68-ФЗ «О почетном звании Российской Федерации “Город воинской славы”». – М., 2006. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/189454/> (Дата обращения: 24.05.2014.)

проявили мужество, стойкость и массовый героизм, в том числе городам Российской Федерации, которым присвоено звание «Город-Герой»»³⁹³.

Примечательно, что оценки случившейся в 2008 году войны с Грузией прозвучали лишь в 2010 году – через полтора года после тех событий.

К значимым победам 1945 года в 2014 году добавились сразу несколько событий из «далекого» прошлого, которые существенно расширяли границы праздника. «Мы гордимся всеми, кто на протяжении веков самоотверженно отстаивал свободу и независимость России: древнерусскими ратниками, ополченцами 1612 года, героями Бородина, солдатами и офицерами Первой мировой войны – всеми, кто боролся на полях грандиозных сражений и воевал на безымянных высотах, кто сберёг Отечество и на деле доказал, что такое быть настоящим, подлинным патриотом своей Родины»³⁹⁴, – заявил В.В. Путин. Таким образом, власть стремилась расширить образ «сильного государства» и «державы», что в целом соответствовало тому, как шел поиск нарратива Дня России (см. об этом в §3).

Сегодня в целом праздник вписывается в обновленную концепцию национальной идентичности и, по словам нынешнего министра обороны С. Шойгу, «олицетворяет героическую историю государства, единство армии и народа, доблесть и патриотизм российского воинства»³⁹⁵.

Парламентские партии с воодушевлением подхватили тему военизации. Широкое понимание Отечества и трактовки его истории породило несколько новых смыслов праздника, его нарративов. Так, для ЛДПР 23 февраля – это «праздник героизма и патриотизма»³⁹⁶ (2007), для ряда представителей «Единой России» – праздник, связанный с «великими победами русского оружия победа на Чудском озере воинов князя Александра Невского, разгром

³⁹³ Там же.

³⁹⁴ Торжественный вечер, посвящённый Дню защитника Отечества // Президент России. – М., 2014. – 20 февраля. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/20293> (Дата обращения: 24.05.2014.)

³⁹⁵ Сергей Шойгу поздравил военнослужащих и ветеранов с Днем защитника Отечества // ИТАР-ТАСС. – М., 2014. – 21 февраля. – Режим доступа: <http://itar-tass.com/politika/990613> (Дата обращения: 04.04.2014.)

³⁹⁶ Стенограмма заседания 21 февраля 2007 г., N 213(927) // Государственная дума. - М., 2007. - 21 февраля. - Режим доступа: <http://transcript.duma.gov.ru/node/748/> (Дата обращения: 04.04.2014.)

врага армией Петра I в Полтавском сражении, великие подвиги российского флота в морских боях. И, конечно же, особое место в этом ряду занимает День Победы в Великой Отечественной войне»³⁹⁷. Для КПРФ 23 февраля является символом, «Днём Советской Армии и Военно-Морского Флота, праздником великой страны, легендарной армии и настоящих побед»³⁹⁸.

Практики массовых манифестаций в День защитника Отечества не получили распространения. Так, в 2006 году внесистемной оппозицией была предпринята неудачная попытка провести 23 февраля акции протеста. Тогда среди участников шествия были замечены представители Союза советских офицеров, КПРФ, «Авангарда красной молодежи» (АКМ), Национал-большевистской партии (НБП), члены партии «Родина», комитета по защите Владимира Квачкова, Союза казаков, активисты Народной националистической партии (ННП), активисты «Яблока», СПС, Объединенного гражданского фронта Г. Каспарова³⁹⁹ и др. Представители различных политических сил требовали каждый своего: кто отставки Ю. Лужкова с поста мэра Москвы, кто отставки министра обороны С. Иванова кто политических требований реформ.

Известно, что ежегодно отдельные митинги проводятся партией КПРФ. Так, в 2007 году темой митинга стало назначение нового министра обороны А. Сердюкова, а в 2011 году – митинг «за защиту армии»⁴⁰⁰.

Отдельно стоит упомянуть практики использования 23 февраля в период проведения президентской предвыборной кампании в 2012 году. Митинги в поддержку своих кандидатов провели КПРФ, «Справедливая Россия» и ЛДПР. Все кандидаты на пост главы государства говорили о необходимости «сильной власти», чему их обязывал дискурс праздника. Главной же темой

³⁹⁷ Стенограмма заседания 22 февраля 2011г // Государственная дума. - М., 2011. - 22 февраля. - Режим доступа: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3386/> (Дата обращения: 04.04.2014.)

³⁹⁸ Стенограмма заседания 22 февраля 2011г // Государственная дума. - М., 2011. - 22 февраля. - Режим доступа: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3386/> (Дата обращения: 04.04.2014.)

³⁹⁹ Савина Е., Лаане Д., Козенко А. Защитники отечества объявили войну евреям // Коммерсант. – М., 2006. – №32, 26 февраля. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/652629> (Дата обращения: 04.04.2014.)

⁴⁰⁰ Собрания, митинги и протестные акции 23 февраля 2011 года // КПРФ. – М., 2011. – 28 февраля. – Режим доступа: <http://kprf.ru/actions/88396.html> (Дата обращения: 24.05.2014.)

обсуждения в публичном пространстве стали шествие и митинг сторонников В.В. Путина. Митинг «Защитим Россию» в «Лужниках» был организован Общероссийским народным фронтом при поддержке предвыборного штаба премьера. По данным московского ГУ МВД, мероприятие собрало 130 тыс. человек⁴⁰¹, что существенно уступало численности аналогичных мероприятий конкурентов. Что, однако, дало основания КПРФ обратиться с жалобой в ЦИК. Основные претензии касались использования В.В. Путиным своего служебного положения (аренда «Лужников», служебного автомобиля и т.д.). Жалоба, тем не менее, была отклонена.

Одновременно 23 февраля 2012 года по стране прошло сразу несколько митингов «За честные выборы»⁴⁰².

В 2011-2013 годах тема армии в контексте упоминания праздника снова стала использоваться как критика деятельности бывшего министра обороны и обоснование военных трат всеми без исключения парламентскими силами⁴⁰³.

В целом использование Дня защитника Отечества в российском контексте позволяет расширить границы тем о «нации», подвигах ее героев и истории России. В официальной риторике праздник служит «связкой» между событиями 1945 года и 1612 года, праздником 9 мая и 4 ноября.

Парламентские партии, для которых распад Советского Союза не был трагедией («Единая Россия», ЛДПР, «Справедливая Россия»), подхватили

⁴⁰¹ Путин приехал на митинг в «Лужники» // Коммерсант. – М., 2012. – 23 февраля. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1879095> (Дата обращения: 24.05.2014.)

⁴⁰² Акции протеста 23 февраля 2012 года прошли по всей стране. Репортажи. – М., 2012. – 24 февраля. – Режим доступа: <http://kprf-kchr.ru/?q=content/%D0%B0%D0%BA%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B0-23-%D1%84%D0%B5%D0%B2%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8F-2012-%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%88%D0%BB%D0%B8-%D0%BF%D0%BE-%D0%B2%D1%81%D0%B5%D0%B9-%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B5-%D1%80%D0%B5%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%D0%B0%D0%B6%D0%B8> (Дата обращения: 04.04.2014.)

⁴⁰³ Стенограмма заседания 22 февраля 2013 г. // Государственная дума. – М., 2013. – 22 февраля. – Режим доступа: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3808/> (Дата обращения: 04.04.2014.); Владимир Путин: наш приоритет — надежная обороноспособность России // Коммерсант. – М., 2013. – 23 февраля. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2134245?isSearch=True> (Дата обращения: 04.04.2014.); День защитника Отечества: С праздником! // Официальный сайт партии "Единая Россия". – М., 2012. – 23 февраля. – Режим доступа: <http://er.ru/news/2012/2/23/den-zashitnika-otechestva-s-prazdnikom/> (Дата обращения: 04.04.2014.) и т.д.

широкий нарратив праздника, предлагаемый властью. Для них – это важная дата, неотъемлемая часть праздничного календаря, которая уже не связана исключительно с событиями 1918 года, что в целом играет в пользу символического курса власти по укоренению смыслов о сильном государстве. Нарратив праздника о становлении советской армии, продвигаемый КПРФ, не противоречит официальной стратегии, а скорее вписывается в нее.

9 мая – День Победы

Как отмечают исследователи, ревизия исторической памяти привела к широкому использованию символа Великой Отечественной войны в качестве центрального эпизода национального нарратива⁴⁰⁴. Ни одна политическая сила сегодня не подвергает сомнению значимость Дня Победы. 9 мая в нашей стране, по мнению ряда исследователей, можно сравнить с «гражданской Пасхой»⁴⁰⁵.

«Реабилитация» памяти о войне была необходима режиму В.В. Путина для того, чтобы восполнить пробел об историческом наследии Советского Союза. В условиях избирательного отношения к значимым событиям прошлого память о событиях 1941-1945 годов остается неоспоримой.

В отсутствии национальной идеи праздник заменил ее прошлыми воспоминаниями. Как отмечает О.Ю. Малинова, память о Великой Отечественной войне (ВОВ) оказалось «удобной» для использования, поскольку «будучи основательно институционализована в предыдущие периоды, в постсоветской России она не стала субъектом

⁴⁰⁴ Копосов Н. Указ. соч. С. 162-168; Миллер А.И. Политические символы и историческая политика // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.- информ. исслед. Отд. полит. науки; Отв. ред.: Малинова О. Ю. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М., 2012. – С. 164-174.

⁴⁰⁵ См., например: Аптекарь П. День Победы в России — больше чем праздник // Ведомости. - М., 2011. - 6 мая. - Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/6777131/den_pobedy_v_rossii_bolshe_chem_prazdnik (Дата обращения: 04.04.2014.)

переопределения»⁴⁰⁶. По мнению Н. Копосова, историческую концепцию нового режима можно выразить в единстве государства и народа, а не насилии государства над народом⁴⁰⁷.

Нарратив праздника использовался для напоминания о национальной идентичности. В разные годы Победа представлялась как главное свойство национального характера, как главный национальный символ. День Победы определялся в официальных поздравительных речах как «день победы добра над злом, свободы – над тиранией»⁴⁰⁸ (2005), день «великого триумфа нашего народа» (2006)⁴⁰⁹, праздник «огромного нравственного значения и объединяющей силы», праздник, «который навеки в судьбе России и в сердце каждого ее гражданина» (2007)⁴¹⁰, праздник, «который всегда был и останется самым народным, самым священным и который уже навеки стал символом нашего национального единства»⁴¹¹ (2008), «день Освобождения»⁴¹² (2009), «доблести и славы нашего народа»⁴¹³ (2011), день «славы и триумфа нашего народа»⁴¹⁴ (2012), «день национального триумфа»,

⁴⁰⁶ Малинова О.Ю. Политическое использование символа Великой Отечественной войны в постсоветской России. С. 172.

⁴⁰⁷ Копосов Н. Указ. соч. С. 164.

⁴⁰⁸ Путин В.В. Выступление на Военном параде в честь 60-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // Президент России. – М., 2005. – 9 мая. – Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2005/05/09/1100_type63374type82634type122346_87819.shtml (Дата обращения 18.11.2012.)

⁴⁰⁹ Путин В.В. Выступление на военном параде в честь 61-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // Президент России. – М., 2006. – 9 мая. – Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2006/05/105473.shtml> (Дата обращения: 09.05.2014.)

⁴¹⁰ Путин В.В. Выступление на военном параде в честь 62-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // Президент России. – М., 2007. – 9 мая. – Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/05/09/1127_type63374type82634type122346_127658.shtml (Дата обращения: 09.05.2014.)

⁴¹¹ Медведев Д.А. Выступление на Военном параде в честь 63-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // Президент России. – М., 2008. – 9 мая. – Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/transcripts/30> (Дата обращения: 09.05.2014.)

⁴¹² Медведев Д.А. Выступление на военном параде в честь 64-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // Президент России. – М., 2009. – 9 мая. – Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2009/05/09/1012_type82634type122346_216060.shtml (Дата обращения: 09.05.2014.)

⁴¹³ Медведев Д.А. Выступление на военном параде, посвящённом 66-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне // Президент России. – М., 2011. – 9 мая. – Режим доступа: <http://президент.рф/выступления/11196> (Дата обращения: 09.05.2014.)

⁴¹⁴ Путин В.В. Выступление на военном параде в ознаменование 67-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // Президент России. – М., 2012. – 9 мая. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/15271> (Дата обращения: 09.05.2014.)

который «был, есть и будет нашим главным праздником»⁴¹⁵ (2014). Праздник, таким образом, направлен на конструирование новой национальной идентичности, основу которой составляет память о большой и «могучей стране»⁴¹⁶.

О.Ю. Малинова отмечает, что «И Путин, и Медведев продолжили ельцинскую тему Дня Победы как праздник национального единства, спланивающего россиян, независимо от поколенческих и идеологических различий»⁴¹⁷. Она выделяет 12 основных фреймов репрезентации памяти о Великой Отечественной войне в официальных поздравительных выступлениях глав государства. Это говорит о том, что использование темы Победы привело к расширению «ее символического репертуара за счет появления новых смысловых функций», связанных «с артикуляцией ключевых тем “дискурса о нации” – национальной идентичности, автономии и единства, а также с возможностью репрезентовать Россию как “равную” и “подобную” “Западу”»⁴¹⁸.

Остановимся на основных вехах использования символического ресурса Дня Победы. В преддверии празднования 60-летия Победы в 2005 году на первый план вышло внешнеполитическое значение 9 мая и его роль в маркировании границ Нас и Других. Поводом послужило приглашение В.В. Путина главам европейских государств на празднование 60-летия Победы в Москве. После чего в СМИ разразилась дискуссия, получившая название «войн памяти». Как отмечает И.Б. Торбаков, распад Восточного блока, расширение Евросоюза с дальнейшим включением в его состав стран Балтии привели к неизбежным переменам в отношении оценки Второй мировой

⁴¹⁵ Путин В.В. Выступление на Военном параде в честь 69-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // Президент России. - М., 2014. - 9 мая. - Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/20989> (Дата обращения: 09.05.2014.)

⁴¹⁶ Медведев Д.А. Выступление на военном параде в честь 64-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // Президент России. - М., 2009. - 9 мая. - Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2009/05/09/1012_type82634type122346_216060.shtml (Дата обращения: 09.05.2014.)

⁴¹⁷ Малинова О.Ю. Политическое использование символа Великой Отечественной войны в постсоветской России: Эволюция дискурса властвующей элиты // Прошлый век / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед., Отд. полит. науки.; Ред. колл.: Миллер А.И., гл. ред., и др. – М., 2013. – Вып. 1. – С. 174.

⁴¹⁸ Там же. С. 180-181.

войны и послевоенной эпохи⁴¹⁹. По мере переосмысливания темы войны как катастрофы (подчас необходимой для усиления собственной идентичности) серьезной атаке подверглись два «особенно важных для России тезиса: триумфальной победе антифашистских сил над нацистским злом и освобождении Восточной Европы Красной армией»⁴²⁰.

В открытом письме, опубликованном в конце 2004 года, члены Европарламента заявили, что этот праздник является «одобрением советской оккупации и преступлений тоталитарного коммунизма». В заявлении также утверждалось, что Россия «продолжает уклоняться от признания ответственности за преступления, совершенные Советским Союзом против человечности в соседних странах»⁴²¹.

Российским правящим элитам было необходимо выдвинуть контраргументы, которые бы не смогли бы снизить статус государства на международной арене. В итоге это лишь привело к дальнейшим «войнам памяти». Незадолго до празднования юбилея Победы В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию назвал распад СССР «крупнейшей геополитической катастрофой века»⁴²². Такая оценка событий противоречило ельцинскому пониманию событий 1990-х как закономерных и необратимых. Однако давало В.В. Путину шанс возродить в массовом сознании миф о великой стране.

В 2005 году В.В. Путину хоть и удалось добиться участия в праздничных мероприятиях лидеров Европы и президента США Дж. Буша, но послужило началом обострения с Западом и привело к дальнейшей активизации использования символа Победы.

⁴¹⁹ Торбаков И.Б. «Непредсказуемое» или «неопределенное» прошлое? Международные отношения и российская историческая политика. С. 102.

⁴²⁰ Там же. С. 104.

⁴²¹ Цит. по: Сорокина Н. Наступление на День Победы // Российская газета. – М., 2004. – 1 декабря. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2004/12/01/den-pobedy.html> (Дата обращения: 17.12.2014.)

⁴²² Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. – М., 2005. – 25 апреля. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2005/04/25/poslanie-text.html> (Дата обращения: 17.12.2014.)

Как отмечает А.И. Миллер, в этих обстоятельствах изобретение георгиевской ленточки было весьма удачным ходом. Учрежденная в 2005 году журналистами РИА «Новости», с 2006 года она стала широко использоваться как неофициальный символ⁴²³. «Цвета ленты — чёрный и оранжевый — означают “дым и пламень” и являются знаком личной доблести солдата, проявленной им в бою», – указывается на сайте в защиту ленты⁴²⁴. Как отмечает А.И. Миллер, ленточка «”освежала” символику Дня Победы, фокусировала ее на воинской доблести, т.е. самой бесспорной части военного мифа, и была приемлема для более широкого круга людей, чем традиционные символы Победы, связанные с советским временем»⁴²⁵. Известно, что Георгиевская ленточка получила распространение далеко за пределами России, став символом «русского мира»⁴²⁶. Как отмечает А.И. Миллер, изобретение Георгиевской ленточки фактически спасло миф Победы на фоне обострения отношений России со странами-соседями.

Конкурентами властвующей элите в борьбе за символическое наполнение Дня Победы можно считать как левые, так и правые движения. К ним также можно отнести КПРФ, которая стремилась продвигать альтернативные смыслы. Для партии 9 мая – священный праздник, символами которого несомненно являются Сталин, КПСС и советский народ. В 2005 году, в юбилейный год Победы шествия левых организаций (НБП, АКМ «Родины» и «Яблока») не состоялись. По причине значимости мероприятий их разогнали представители ГУВД⁴²⁷.

В 2006 году к КПРФ присоединились леворадикальные молодежные организации и нацболы. Однако это не привело к успешному сотрудничеству. Во многом это связано с тем, что разные политические

⁴²³ Притом, что федеральные и региональные власти ежегодно выделяют средства на ее распространение.

⁴²⁴ Сайт в защиту Георгиевской ленты. – Режим доступа: <http://www.za-lentu.ru/> (Дата обращения: 10.05.2014.)

⁴²⁵ Миллер А.И. Политические символы и историческая политика. С. 165.

⁴²⁶ Акция «Георгиевская ленточка» проходит далеко за пределами России // СТОЛИЦА FM. – М., 2014. – 6 мая. – Режим доступа <http://stolica.fm/read/13700/> (Дата обращения: 09.05.2014.) и др.

⁴²⁷ Сайдукова Р., Ууков М. Праздничные аресты // Независимая газета. – М., 2005. – 11 мая. – http://www.ng.ru/events/2005-05-11/6_aresty.html (Дата обращения: 24.05.2014.)

акторы усматривали в 9 мае разные смыслы. Так, например, «Яблоко» стремится показать, что скрывающейся за великим праздником власти «совершенно не нужна правда о войне»⁴²⁸. В то время как коммунисты из года в год возмущаются тем, что президенты в своих праздничных речах ни слова не упоминают о «решающем вкладе» в дело Великой Победы компартии СССР и вождя Сталина.

Война как часть национальной истории стала использоваться Д.А. Медведевым в 2008 году, когда он только-только вступил в должность президента РФ. И в дальнейшем получила развитие после военного конфликта в августе 2008 года. Но как кульминационная точка национального прошлого война стала рассматриваться в 2010-2011 годах («эта война сделала нас сильной нацией»⁴²⁹, «люди, прошедшие войну, за короткое время подняли страну из руин... первыми прорвались в космос»⁴³⁰). Причем нарратив Победы при Медведеве еще более отчетливо прозвучал не только как борьба между добром и злом, но и как борьба между свободой и тиранией, демократией и тоталитаризмом.

2010 год можно считать очередной поворотной точкой в праздновании Дня Победы. В предъюбилейный 2009 год, когда международное сообщество в лице Парламентской ассамблеи ОБСЕ снова осудило сталинизм, поставив его в один ряд с нацизмом, Д.А. Медведев предпринял ответные шаги. Он подписал указ «О Комиссии при президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России»⁴³¹. Предполагалось, что новый орган будет обобщать и анализировать всю

⁴²⁸ Явлинский Г.А. День Победы - день памяти, скорби и молитвы // Сайт политической партии «Яблоко». – М., 2005. – 5 мая. – Режим доступа: http://www.yabloko.ru/Press/Docs/2005/0506_pobeda.html (Дата обращения: 24.05.2014.)

⁴²⁹ Медведев Д.А. Выступление Президента России на параде, посвящённом 65-летию Победы в Великой Отечественной войне // Президент России. - М., 2010. - 9 мая. - Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/7685> (Дата обращения: 09.05.2014.)

⁴³⁰ Медведев Д.А. Выступление на военном параде, посвящённом 66-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне // Президент России. - М., 2011. - 9 мая. - Режим доступа: <http://президент.рф/выступления/11196> (Дата обращения: 09.05.2014.)

⁴³¹ Указ Президента РФ от 15.05.2009 N 549 «О комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» // Президент России. – М., 2009. – Режим доступа: <http://document.kremlin.ru/page.aspx?1128040> (Дата обращения: 24.05.2014.)

информацию о фальсификации исторических фактов и событий, «направленных на умаление международного престижа» страны, и разрабатывать стратегию противодействия попыткам фальсификации.

О необходимости защитить историю страны от фальсификаций Д.А. Медведев объявил еще 27 января 2009 года на заседании оргкомитета «Победа», созданного к 65-й годовщине Победы. Он заявил, что не может обойти тему, которую поднимают ветераны,— «искажение правды о войне, правды о неоспоримом и решающем вкладе, который внесли Красная армия и Советский Союз в разгром фашизма и освобождение Европы, правды о последующем влиянии Победы на развитие мировых исторических процессов». «И здесь наша задача — активно противостоять такого рода ложным трактовкам истории. Это, если хотите, наш гражданский долг»,— подчеркнул президент. Борьба с такого рода явлениями Медведев предложил путем подготовки «максимального количества современных кинофильмов, документальных фильмов, изданием крупных, полноформатных исторических исследований»⁴³². Таким образом, тема войны оказалась центральной в патриотическом воспитании молодежи, а также все чаще становилась поводом для напоминания роли русского народа для Европы.

Юбилейное празднование Дня Победы в 2010 года запомнилось новыми практиками и регламентами. Помимо амнистии, приуроченной к юбилеям Победы, власть предпринимала попытки вмешиваться в формы празднования Дня Победы, дабы «очистить» праздник от других неподобающих практик. Так, губернатор Петербурга Валентина Матвиенко поручила комитету по законности и главам районов проверить обоснованность развлекательных мероприятий ночных клубов, назначенных на 9 мая: «Ряд клубов приглашают на “зажигательные вечеринки” и шоу со стриптизом, планируют

⁴³² Городецкая Н., Граник И., Таратута Ю., Хамраев В. России гарантировано прошлое // Коммерсант. – М., 2009. – 20 мая. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1172771> (Дата обращения: 24.05.2014.)

устроить маскарад с переодеванием в военную форму времен войны <...> Такие вечеринки — циничный вызов <...> всему обществу»⁴³³.

В том же 2010 году в Москве при подготовке празднования 9 мая имели место общественные и политические дискуссии относительно целесообразности использования портретов Сталина⁴³⁴. Эту инициативу поддержали в КПРФ, для которой невозможно отделить Победу от деятельности компартии и лично вождя Сталина. Других позиций придерживаются ЛДПР и «Справедливая Россия». Так, председатель ЛДПР заявил, что 9 мая мы должны чествовать тех, кто сражался за Родину, кто пожертвовал всем ради удачного исхода войны. «Вывешивайте портреты участников войны, героев войны. Портреты Сталина на улицах города висеть не должны», – резюмировал он⁴³⁵. «Справедливая Россия» же более критично относится к деятельности И. Сталина, припоминая изначальные планы по покорению им Европы. В то время как центристская «Единая Россия» выбрала тактику замалчивания.

Расставить точки над «i» позволило опубликованное 7 мая 2010 года интервью Д.А. Медведева газете «Известия»⁴³⁶. Согласно позиции президента, роль Сталина в победе в Великой Отечественной войне была «очень серьезной», хотя Медведев считает, что войну «выиграл наш народ». В целом, по мнению Медведева, у Сталина «были и слабые решения, и очень сильные решения, в том числе в военный период. Этого тоже вычёркивать нельзя». Медведев, отметил, что «Сталин совершил массу преступлений против своего народа... И несмотря на то, что он много работал, несмотря на то, что под его руководством страна добилась успехов, то, что было сделано применительно к собственным людям, не может быть прощено».

⁴³³ Домброва Е. Победный запрет // Ведомости. - М., 2010. - № 78 (2596), 30 апреля. - Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2010/04/30/233053> (Дата обращения: 09.05.2014.)

⁴³⁴ Гликин М. Вещь недели: Плакаты без Сталина // Ведомости. - М., 2010. - 30 апреля. - Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2010/04/30/233058> (Дата обращения: 09.05.2014.)

⁴³⁵ На плакатах ко Дню Победы должны быть герои войны // ЛДПР. – М., 2010. – 26 февраля. – Режим доступа: http://ldpr.pf/events/The_posters_Victory_Day_to_be_war_heroes/ (Дата обращения: 04.11.2014.)

⁴³⁶ Дмитрий Медведев: «Нам не надо стесняться рассказывать правду о войне - ту правду, которую мы выстрадали» // Известия. – М., 2010. – 7 мая. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/361448> (Дата обращения: 09.05.2014.)

Таким образом, позиция Д.А. Медведева оказалась еще более избирательной к оценке событий национального прошлого. Он признавал неоднозначность событий, что «позволяло более гибко решать проблему преемственности/прерывности по отношению к прошлому»⁴³⁷.

Использование Дня Победы в качестве инструмента символической политики проходило не только по пути попыток наделения праздника новыми смыслами, но также по альтернативному использованию самой даты – для проведения акций протеста внесистемной российской оппозиции. Так, в 2012 году с 9 мая у памятника казахскому поэту Абаю Кунанбаеву, был организован протестный лагерь «ОккупайАбай», названный так по аналогии с протестным движением Occupy Wall Street в США⁴³⁸. Начало организацию акции, однако, связывают с инаугурацией В.В. Путина, которая состоялась накануне – 8 мая.

С возвращением на пост президента В.В. Путина стало очевидно, что стратегия «умалчивания» будет продолжена. 70-летие Победы, празднование которой пройдет в 2015 году, планируется провести с беспрецедентным размахом. По замыслу организаторов, годовщина должна послужить «очередным поводом для консолидации общества, укрепления российской идентичности и патриотических настроений, а парад Победы — для демонстрации военной мощи страны»⁴³⁹. Однако одно дело – воспринимать себя как великую державу, и совсем другое – быть признанной в качестве таковой на международном уровне.

Таким образом, в условиях отсутствия единого понимания прошлого 9 мая оказалось уникальным ресурсом символической политики государства. Значимость символа Победы никем не подвергается сомнению, и память о Великой Отечественной войне может служить основанием для построения

⁴³⁷ Малинова О.Ю. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России. С. 126.

⁴³⁸ Волков Д. «ОккупайАбай» – уличный протестный лагерь в Москве в мае 2012 года глазами его участников // Вестник общественного мнения. – М., 2014. – № 1–2 (117). – С. 155-197.

⁴³⁹ Нагорных И. От губернаторов ждут Победы любой ценой // Коммерсант. – М., 2014. – 10 ноября. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2607236> (Дата обращения: 24.12.2014.)

коллективной идентичности. «Миф о войне» в постсоветской России стал не только предметом решения сиюминутных внешнеполитических задач власти, но и разделяемым и воспроизводимым представлением о нации.

Однако анализ стратегий политических партий показывает, что умалчивание оценок значения советской эпохи и других ее символов влечет оспаривание такого нарратива праздника, что, однако, не ставит под сомнение сам праздник.

Новогодние каникулы

Официальные традиции празднования нового года и новогодних каникул связаны с практиками обращений президентов на кануне наступления Нового года.

История новогодних обращений президента РФ к гражданам также начинается в Советском Союзе. Как отмечает В. Ослопова, в России «начало этому положил формальный глава Советского государства М. Калинин, который первый раз от имени государства обратился по радио к своим согражданам 31 декабря 1935 г. Но не ко всем, а только к покорителям Арктики. Он же 31 декабря 1941 г. поздравлял в прямом эфире по радио уже весь советский народ»⁴⁴⁰. В дальнейшем эта практика закрепились среди руководства высших органов СССР в качестве инструмента внедрения в массовое сознание идей и символов, необходимых для достижения идеологического доминирования.

В современной России новогодние обращения президента не играют такой функции, как в СССР, а скорее ориентированы на формулирование общей идеи единения, которая проходит «красной нитью» через ряд других государственных праздников и, по мнению О.Б. Подвинцева, составляет

⁴⁴⁰ Ослопова В.О. Новогоднее обращение главы государства к народу как жанр политического дискурса // Вестник Томского университета. — Томск, 2009. — №329. — С. 19-20.

«основу идеологического багажа существующего в настоящее время в России режима»⁴⁴¹.

Идея единения (или единства) в поздравительных речах президентов нередко оказывается сопряженной с семейными традициями: «А все, чего мы добились, – это не просто подарок судьбы, потому что весь год мы упорно трудились. Трудились и для себя, и для благополучия своих семей»⁴⁴² (Путин, 2003); «Новый год – любимый семейный праздник. Сегодня мы думаем о самых близких людях – о наших родителях, которым желаем прежде всего здоровья»⁴⁴³ (Медведев, 2009). Благодаря отсылке к семейным ценностям, проводится параллель между государством и обществом как единой семьей.

Кроме того, в отличие от других типов официальных выступлений, носящих информативный характер (например, заявления), в новогодних поздравлениях коммуникативный аспект замещает информативность. Новогодние выступления несут важную символическую нагрузку, поскольку представляют собой обращения к обществу с оценкой уже принятых решений, реализованных программ.

Власть умело использует новогодние поздравления, подводя итоги и формулируя цели на ближайшие годы. Так, например, поздравление, записанное в 2009 году, это было посвящено подготовке к 65-летию Победы⁴⁴⁴. Однако впервые обращение в канун 2014 года не содержало наставление о большом проекте, который Россия должна была реализовать в 2014 году – Зимних Олимпийских играх. Оно также было снято не у стен Кремля, а снято в прямом эфире в Хабаровске на новогоднем вечере, который не выглядел праздничным. Как выяснилось позже, обращение уже

⁴⁴¹ Подвинцев О.Б. Идеологический багаж российской власти в преддверии реформирования правящего тандема // Вестник Пермского университета. Серия: «Политология». – Пермь, 2011. – Вып. 4(16). – С. 22.

⁴⁴² Путин В.В. Новогоднее обращение к гражданам России // Президент России. - М., 2003. - 31 декабря. - Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2003/12/31/2355_type82634type122346_57937.shtml (Дата обращения: 23.08.2014.)

⁴⁴³ Медведев Д.А. Новогоднее обращение к гражданам России // Президент России. - М., 2009 - 31 декабря. - Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/6557> (Дата обращения: 23.08.2014.)

⁴⁴⁴ Там же.

было записано, но из-за террористических актов в Волгограде накануне праздников было переписано. В новом варианте оно звучало как угроза террористам «до полного их уничтожения».

Символическая борьба вокруг Нового года и новогодних каникул имела место лишь по длительности празднования. Так, лидер фракции ЛДПР В. Жириновский в 2012 и 2013 годах последовательно выступал – за то, чтобы радикально сократить каникулы до 1 дня⁴⁴⁵.

В качестве отступления отметим, что определенные дискуссии относительно обоснованности празднования Нового года возникают в мусульманских республиках. В ортодоксальном исламе принято только два праздника, которые следует отмечать. Так, в декабре 2010 года сотрудники правоохранительных органов города Хасавюрта в Дагестане задержали студента Исламского университета А. Ахмеднабиева, который распространял буклеты с просьбой не праздновать Новый год. Священнослужители в Дагестане также призывали мусульман не отмечать начало нового года, так как это светский праздник. Однако такие дискуссии решаются на уровне договоренностей местных властей и муфтията⁴⁴⁶. Для современных элит в мусульманских регионах празднование Нового года – это одно из проявлений светского характера республики.

Эволюция использования советского наследия позволяет многое сказать о приоритетах развития нации. Государство не всегда, обладая, безусловно, на то ресурсами, способно умело адаптировать смыслы и формы

⁴⁴⁵ Жириновский предложил сократить новогодние каникулы до одного дня // КМ.RU. - М., 2012. - 13 января. - Режим доступа: <http://www.km.ru/v-rossii/2012/01/13/prezidentskie-vybory-2012-goda/zhirinovskii-predlozhit-sokratit-novogodnie-kanik> (Дата обращения: 09.05.2014.); В.Жириновский: Нужно отменить каникулы и выйти на работу 2 января // РБК. - М., 2013. - 23 декабря. - Режим доступа: <http://top.rbc.ru/economics/23/12/2013/896411.shtml> (Дата обращения: 09.05.2014.)

⁴⁴⁶ См.: Магомедов А. В Дагестане сторонники и противники Нового года вновь спорят о необходимости торжеств // Кавказский узел. – 2012. – 24 декабря. – Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/217748/> (Дата обращения: 24.05.2014.)

празднования советских праздников. Часть праздников остаются без официально установленных практик празднования. К ним можно отнести уже окончательно потерявший политическую окраску 8 марта и лишившийся революционного нарратива 1 мая. Что, однако, не означает, «смерть» праздников, а открывает другим политическим акторам возможность самим интерпретировать нарративы.

Такая борьба за смыслы праздников может носить идеологический характер. Как, например, в случае с 1 мая и попыткой конкуренции на этом поле «Справедливой России» с КПРФ, которая, опираясь на свой идеологический багаж, претендует на отстаивание советских практик празднования. Либо не носить идеологической окраской, а служить инструментом мобилизации сторонников власти («Единая Россия»).

Особый интерес власти сегодня представляют те праздники, что имеют историю военных побед – День Победы, День защитника Отечества. В одном случае – власть намеренно работала над изменением идеи и нарратива праздника (23 февраля). В другом – использовала коллективную память о Войне. День Победы является фактически единственным праздником, обладающим системой ценностных представлений, способной задавать способ интерпретации прошлого и настоящего в масштабах нации.

Использование символического потенциала государственных праздников политическими партиями либеральной направленности очень ограничено, что связано тем, что не видит в них ценностей «новой» России. Внесистемная оппозиция использует лишь выходные, связанные с праздниками.

Таким образом, использование советской группы государственных праздников в современной России происходит избирательно. Власть, а вслед за ней другие политические силы пытаются расширять границы смыслового поля праздников. Причина заключается в избирательном отношении к прошлому: ни один политический актер (за исключением ряда случаев «Справедливой России», которая в ряде случаев выстраивает собственную

стратегию с ориентацией на позицию государства) не готов подвергнуть его переоценке.

§3. Борьба за интерпретации новых государственных праздников и практики их использования (2005 – 2014 гг.)

Не столь длительная история существования новых государственных праздников повлияла на практики их использования как со стороны представителей власти, так и других политических акторов. В отличие от предыдущей группы праздников, чьи нарративы и формы празднования ранее подчинялись единым канонам советской идеологии, формирование новых праздников в России шло в условиях плюрализма интерпретаций и практик использования прошлого и настоящего России. Именно новые государственные праздники стали поводом для наиболее активных дискуссий о национальной идентичности, оснований общности и будущего России.

12 июня – День России

От Б.Н. Ельцина В.В. Путину перешел весь багаж нерешенных проблем с прошлым России и ее символов. Было вполне очевидно, что В.В. Путину придется работать с символическим и идеологическим содержанием Дня принятия декларации о государственном суверенитете и интегрировать его в непростое наследие. В период своего президентства Б.Н. Ельцин и его команда выбрали путь противопоставления «новой» и «старой» России. И цель праздника 12 июня тогдашний президент видел в том, чтобы сплотить общество вокруг новой даты, создав для нее свой нарратив, который бы кардинально отличался от советского. Однако выбранная стратегия не решала задачи: советское наследие для большей части населения было слишком значимо, чтобы бесповоротно отказаться от него, а предлагаемые ориентиры слишком неочевидны.

Логика использования праздника В.В. Путиным и его администрацией сложилась постепенно. Еще до вступления в силу поправок в Трудовой

кодекс в 2005 году власть предприняла несколько попыток по укоренению практик празднования 12 июня. Постараемся проследить, как происходило формирование новых и изменение уже существующих практик празднования.

В первые годы президентства В.В. Путин и его команда искали новые форматы празднования Дня принятия декларации о государственном суверенитете. Это касается не только поиска удобного нарратива праздника, но и форм его празднования.

В целом официальная риторика строилась на разрыве с советским прошлым, а события начала 1990-х оценивались как фундамент для построения нового государства. В 2000 году во время своего первого вручения государственных премий в статусе президента В.В. Путин объявил 12 июня днем «рождения новой российской государственности». Уже тогда основой для построения государственности он назвал «тысячелетнюю культуру», «вековые устои» и «глубочайшие культурные традиции»⁴⁴⁷. Непосредственно речь президента на торжественном приеме была посвящена оценке событий начала 1990-х годов и их значении: они представляли «нелегкий, подчас даже горький, но все-таки опыт»⁴⁴⁸. Главным символом нового праздника оставалась декларация о государственном суверенитете, принятие которой «стало событием, завершившим эпоху»⁴⁴⁹.

Примерно в том же ключе строились официальные речи главы государства по случаю празднования Дня принятия декларации о государственном суверенитете двух последующих лет. В 2001 году «укрепление государственности» объяснялось необходимостью «укрепления власти», так как «источником многих нерешенных проблем является слабое и

⁴⁴⁷ Путин В.В. Выступление на церемонии вручения государственных премий в области литературы и искусства за 1999 год // Президент России. – М., 2000. – 12 июня. – Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2000/06/12/0001_type122346_125348.shtml (Дата посещения: 06.04.2010.)

⁴⁴⁸ Путин В.В. Выступление на торжественном приеме по случаю Дня принятия Декларации о государственном суверенитете России // Президент России. – М., 2000. – 12 июня – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/21465> (Дата посещения: 04.11.2014.)

⁴⁴⁹ Там же.

неорганизованное государство»⁴⁵⁰. Здесь же впервые упоминаются две главные ценности, которые проходят через весь путинский дискурс Дня России, – свобода и демократия. «Свобода граждан» понималась как фундамент для построения современного российского общества, заложенного еще в 1990-е годы. Ее составляющими являются, по мнению главы государства, «гражданские свободы, демократический избирательный процесс и права народа образовывать независимые объединения»⁴⁵¹. Т.е. все то, чего так или иначе в полной мере отсутствовало в период существования Советского Союза.

Поиском новых ракурсов праздника можно считать появление новых форм празднования. Так, в 2001 году помимо торжественного приема по случаю празднования Дня принятия декларации президент провел встречу с представителями общественных неполитических организаций, представителями гражданского общества, которое «способно и должно разделить с властью и ответственность за социально-экономические и политические процессы»⁴⁵². Однако больше такие приемы 12 июня не проводились. Вполне вероятно, что представители НКО не были теми людьми, с которыми В.В. Путин, бывший сотрудник спецслужб, привык работать и в ком видел опору нового режима.

В 2002 году впервые в поздравительных обращениях по случаю празднования Дня России появляются притязания на статус сильного и значимого на мировой арене государства (в дальнейшем для определения этого феномена в дискурсе В.В. Путина используются понятия «держава» и «империя»), «какой будет Россия и что она сделает для мира и для своего

⁴⁵⁰ Путин В.В. Выступление на встрече с представителями общественных неполитических организаций // Президент России. – М., 2001. – 12 июня. – Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2001/06/12/0003_type63374type63376type82634_28558.shtml (Дата посещения: 06.04.2010.)

⁴⁵¹ Там же.

⁴⁵² Путин В.В. Выступление на встрече с представителями общественных неполитических организаций // Президент России. – М., 2001. – 12 июня – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/21259> (Дата посещения: 04.11.2014.)

народа в XXI веке»⁴⁵³. С этого же года праздник официально стал носить название Дня России и, по выражению В.В. Путина стал символом единения⁴⁵⁴.

Нарратив «новой» России, который власть пыталась использовать в 2000-2002 годах, однако, был не совсем удачным, и работать с ним оказалось непросто. Говоря о тяжелых испытаниях, через которые пришлось пройти государству, Путину приходилось считаться с тем, что спустя 10 лет после принятия Декларации о государственном суверенитете в обществе сохранялось непростое отношение к празднику и событиям, которые с ним были связаны. Так, по данным ФОМ, для абсолютного большинства россиян в 2002 году этот день либо совершенно ничего не означал (32%), либо являлся просто дополнительным выходным (30%), еще для 12% – стал «годовщиной трагедии для нашей страны»⁴⁵⁵.

Анализ президентских выступлений по случаю празднования позволяет заметить, что к 2003 году ситуация изменилась. В качестве принципа построения нового нарратива стала использоваться «тысячелетняя история». «В этот день мы чествуем нашу Родину – страну с тысячелетней историей и уникальным наследием. Страну, соединившую на огромном пространстве множество народов, территорий, культур»⁴⁵⁶, – заявил на торжественном приеме В.В. Путин. Такое понимание истории праздника вписывало декларацию о государственном суверенитете в общий ход тысячелетних событий, а официальные публичные формы празднования помогали включить наследие тысячелетней истории и культуры в современные реалии. На этом основании президент получил возможность не только давать оценку

⁴⁵³ Путин В.В. Выступление на приеме по случаю Дня России // Президент России. – М., 2002. – 12 июня. – Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2002/06/12/0001_type82634type122346_28953.shtml (Дата посещения: 04.04.2010.)

⁴⁵⁴ Там же.

⁴⁵⁵ 12 июня - день независимости России: Опрос населения // ФОМ. – М., 2002. – 6 июня. – Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/map/az/0-9/429_1993/dd022227 (Дата посещения: 04.11.2014.)

⁴⁵⁶ Путин В.В. Выступление на торжествах по случаю Дня России // Президент России. – М., 2003. – 12 июня – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/22023> (Дата посещения: 04.11.2014.)

событиям начала 1990-х годов, но и смотреть на них как на закономерный этап развития государственности.

Так, в 2004 году в выступлениях главы государства подчеркивалось, что страна уже «достигла значимые рубежи», как то – «объединение и укрепление страны», «подъем ее экономического потенциала», «укрепление международных позиций»⁴⁵⁷.

В такой логике построения нарратива и формами празднования в виде церемонии вручения государственных наград в области науки и искусства День России подошел к рубежу 2004-2005 годов. В дальнейшем нарратив хотя и приобретал незначительные вариации, но в целом оставался в заданных рамках. Расширенная трактовка истории праздника, однако, создавала определенные ограничения для непротиворечивого использования символов, с которыми он связан. Власть избегала прямых отсылок к конкретным символам вплоть до 2009 года.

В 2005 году впервые и лишь однажды символом праздника была названа Конституция РФ, «одна из самых демократических», которая «означает... неразрывное единство таких ценностей, как демократия, гражданственность, патриотизм»⁴⁵⁸. В том же году выступление президента на приеме по случаю празднования Дня России можно считать прологом к осуществлению так называемых приоритетных национальных проектов «Здоровье», «Образование», «Жилье» и «Развитие АПК». В нем В.В. Путин обозначил «задачи качественно иного уровня»: «это глубокая модернизация экономики, качественный поворот в отношении науки и системы образования, это формирование рынка доступного жилья, комплексное обновление производственной и транспортной инфраструктуры»⁴⁵⁹. Сама же программа

⁴⁵⁷ Путин В.В. Выступление на торжествах, посвященных Дню России // Президент России. – М., 2004. – 12 июня. – Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2004/06/12/1433_type63374type122346_72691.shtml. (Дата посещения: 05.04.2010.)

⁴⁵⁸ Путин В.В. Вступительное слово на церемонии вручения Государственных премий Российской Федерации в области науки и технологий, литературы и искусства // Президент России. – М., 2005. – 12 июня. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/23019> (Дата посещения: 04.11.2014.)

⁴⁵⁹ Путин В.В. Выступление на приеме по случаю празднования Дня России // Президент России. – М., 2005. – 12 июня. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/23021> (Дата посещения: 04.11.2014.)

приоритетных национальных проектов была сформулирована позже – 5 сентября 2005 года в обращении к правительству, парламенту и руководителям регионов⁴⁶⁰. В дальнейшем нацпроекты стали инструментом социальной политики, который государство использовало для решения тех задач, которые оказались непосильны в 1990-е годы, а государственный праздник – первой публичной попыткой апробации новых приоритетов развития государства.

Однако в период празднования в 2005 году политические акторы были не готовы к тому, чтобы воспринимать поздравительное выступление президента как программный документ. Как показал обзор официальных сайтов парламентских партий и стенограмм заседаний Госдумы, в 2005 году День России не представлял собой предмет бурных дискуссий и не служил инструментом для продвижения каких-либо новых идей.

Долгое время партия «Единая Россия» не претендовала на выстраивание собственной идеологии праздника, отличной от президентской, о чем свидетельствует отсутствие праздничных поздравлений на сайте партии и в стенограммах предпраздничных заседаний Госдумы. Создание в 2005 году «правого крыла», объявившего о внедрении в партию идеологии «обновленного либерализма»⁴⁶¹, фактически означало некий консенсус элит и поддержку правящего курса и второго президентского срока В.В. Путина.

Отдельные выступления и подходы к прессе председателя госдумы Б. Грызлова, как например в 2006 году, подтверждают, что партия не ставила перед собой цель сформулировать нарратив праздника, а скорее и поддержать заданный курс на «дальнейшее динамичное и эффективное развитие, основанное на общественном согласии и единой стратегии»⁴⁶².

⁴⁶⁰ Путин В.В. Выступление на встрече с членами Правительства, руководством Федерального Собрания и членами президиума Государственного совета // Президент России. – М., 2005. – 5 сентября. – Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2005/09/05/1531_type63374type63378type82634_93296.shtml (Дата посещения: 04.11.2014.)

⁴⁶¹ Правое крыло «Единой России» решило вернуть стране либеральные ценности // Lenta.Ru. – М., 2005. – 19 апреля. – Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2005/04/19/libedro/> (Дата посещения: 04.11.2014.)

⁴⁶² Борис Грызлов поздравил россиян с Днем России // РИА «Новости». – М., 2006. – 12 июня. – Режим доступа:

Стратегия, выбранная технологами «Единой России», позволяла опираться на путинский нарратив «тысячелетней истории». Однако сложность и абстрактность предложенного нарратива, отсутствие практик коммеморации этой традиции, необходимость их изобретения стали препятствием для его воспроизводства. В силу этого в «Единой России» сделали выбор на ранее продвигаемом нарративе «новой России», который подразумевал начало новой эпохи. Практически во всех поздравлениях День России – день рождения новой государственности⁴⁶³. Его значение – в «принятии Декларации о государственном суверенитете Российской Федерации», «начале отсчета становления новой российской государственности, формирования демократического общества»⁴⁶⁴. Для партии к 2006 году он стал «главным праздником, объединяющим всех жителей нашей страны»⁴⁶⁵.

Таким образом, используя нарратив «новой России» «Единая Россия» старалась избегать упоминания того, что было до советского прошлого. Однако это существенно сужало понимание национальной идентичности, ограничивая ее только современным этапом. В этой связи поздравительные речи и выступления вплоть до 2012 года либо совсем отсутствовали, либо в них практически не было упоминания о символах праздника.

Как и в случае с другими проектами партия «Единая Россия» на практике скорее играла роль «приводного ремня» администрации президента в парламенте и в регионах. Так, начиная с 2002 года, когда 12 июня приобрел статус нерабочего дня, «Единая Россия» стала активно использовать его для проведения так называемых «перекрывающихся» праздников, а именно –

<http://ria.ru/politics/20060612/49348366.html#14161624926344&message=resize&relto=login&action=removeClass&value=registration> (Дата посещения: 04.11.2014.)

⁴⁶³ День рождения в День России // Официальный сайт политической партии «Единая Россия». – М., 2005. – 14 июня. – Режим доступа: <http://er.ru/text.shtml?2/9256> (Дата посещения: 10.04.2011).

⁴⁶⁴ День России — это праздник всех, кому дорога Родина // Официальный сайт политической партии «Единая Россия». – М., 2006. – 13 июня. – Режим доступа: <http://er.ru/text.shtml?1/8807> (Дата посещения: 10.04.2011).

⁴⁶⁵ Велопробег в честь праздника // Официальный сайт политической партии «Единая Россия». – М., 2006. – 13 июня. – Режим доступа: <http://er.ru/text.shtml?1/7974> (Дата посещения: 10.04.2011.)

дней города⁴⁶⁶. Значимость партии во время праздничных торжеств усиливается во многом благодаря принадлежности к ней губернаторов и мэров, а также большинство региональных и местных legislatures. Однако праздничный дискурс «Единой России», как и формы празднования в регионах из-за множественности поздравляющих субъектов разрознены и не имеют целью трансляцию единых смыслов.

Другие политические акторы подошли к 2005 году без четкого представления и сформулированных практик празднования Дня России. Причиной этого можно считать общую тенденцию – деидеологизированность среды, в которой оказались политические партии постсоветской России⁴⁶⁷. Большинство политиков руководствовалось стремлением к должности, зарабатыванием политических очков, а не реализацией программных заявлений.

Попытки публичного идеологического наполнения праздника в 2005-2006 годах со стороны других политических акторов были, хоть и представляли отдельные случаи. В частности это касается парламентских партий ЛДПР, КПРФ и непарламенского «Яблока».

Отправной точкой в формулировании идеологии праздника служило отношение к советскому прошлому и событиям начала 1990-х годов. Немаловажную роль также играли ресурсы и статус партии или объединения.

Партия «Яблоко», будучи представленной в Думе в самом начале 2000-х годов, не прибегала к использованию символического ресурса 12 июня. Напротив потеряв свои места в парламенте, партия стала уделять больше внимания празднику для того, чтобы заявить о своих идеологических позициях. Выходной день 12 июня стало использовать как площадку для выражения протеста властям. В частности известно, что в 2004 году

⁴⁶⁶ Каждый год день России совпадает с празднованием дней города в таких городах, как Пермь, Великий Новгород, Новочеркасск, Дмитровград, Ижевск, Киров, Кемерово, Красноярск, Пенза, Саранск, Сыктывкар, Тамбов, Уфа, Ульяновск, Ханты-Мансийск и др.

⁴⁶⁷ Пшизова С.Н. За спиной партийных вождей: спин-доктор у руля // Политические партии и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах / Под ред. Ю.Г. Коргунока, Е.Ю. Мелешкиной, Г.М. Михалевой. – М.: КМК, 2010. – С. 15-16.

«Яблоко» совместно с представителями Ленинградского областного комитета РКРП, общероссийской ассоциации «ГОЛОС», общественными организациями «Молодая Европа», «Гражданский контроль», «Молодежное правозащитное движение», «Федерация социалистической молодёжи» в Санкт-Петербурге провела акцию протеста против нового закона «О референдуме РФ»⁴⁶⁸. В 2005 году партия называла День России пусть и противоречивым событием, но днем «провозглашения новой России», «свободной от советского прошлого»⁴⁶⁹. В дальнейшем лидеры политической партии долгое время (вплоть до нового этапа в символической политике власти) не использовали символический ресурс Дня России. Это можно объяснить снижением активности «Яблока», идейным кризисом и разрозненностью внутри партии.

В тот же период – 2005-2006 годах – стала оформляться позиция парламентской ЛДПР, которая в дальнейшем претендовала на статус арбитра. В.В. Жириновский на заседании Госдумы в 2005 году назвал День России катастрофой: «Наверное, все-таки на будущее надо подумать и определить другой день, потому что 7 ноября и 12 июня связаны с крушением двух великих государств – Российской Империи и Советского Союза. Это не вдохновляет. Обычно праздник – это когда что-то рождается. Может быть, 4 апреля – выход в космос или 9 мая хотя бы...»⁴⁷⁰. В дальнейшем в 2006 году другим членом партии Л. Бажиной было заявлено, что история Россия не ограничивается 15 годами: «России более тысячи лет, это великая держава с богатейшей историей»⁴⁷¹. Это говорило о стратегии

⁴⁶⁸ В День России в Петербурге прошел митинг против нового закона о референдуме // Сайт Российской Объединенной демократической партии «Яблоко». – М., 2004. – 17 июня. – Режим доступа: <http://www.yabloko.ru/Press/2004/0406171.html> (Дата посещения: 08.01.2011).

⁴⁶⁹ 15-летие провозглашения Декларации независимости России: что это сегодня? // Сайт партии «Яблоко». – М., 2005. – 12 июня. – Режим доступа: http://www.yabloko.ru/Publ/2005/2005_06/050614_echo_yashin.html (Дата посещения: 04.11.2014.)

⁴⁷⁰ Стенограмма заседания 10 июня 2005 г., N 105(819) // Государственная дума. – М., 2005. – 10 июня. – Режим доступа: <http://transcript.duma.gov.ru/node/1064/> (Дата посещения: 19.10.2014.)

⁴⁷¹ Стенограмма заседания 14 июня 2006 г., N 170(884) // Государственная дума. – М., 2006. – 14 июня. – Режим доступа: <http://transcript.duma.gov.ru/node/877/> (Дата посещения: 19.10.2014.)

поиска иных оснований главного праздника России, что в целом совпадало с пониманием властью метанарратива.

В отличие от других политических акторов за прошедшие 15 лет КПРФ сформулировала собственный нарратив Дня России как «дня крупнейшей геополитической катастрофы». Как парламентской оппозиции КПРФ каждый год было необходимо подтверждать этот статус, для чего как нельзя кстати подходил этот праздник. Лидерам партии не составляло труда связать события 12 июня с тем, что «страна растеряла все стратегические завоевания советского периода на международной арене, утратила былой авторитет сверхдержавы и превратилась фактически в сырьевой придаток Запада»⁴⁷². Еще с начала 1990-х годов партия прибегала к практикам пикетов, которые, однако, не всегда были многочисленными.

Однако КПРФ нельзя назвать мощной политической силой, которая смогла бы составить конкуренцию за практики празднования Дня России. Широкое освещение в СМИ организованных властью и «Единой Россией» праздничных мероприятий позволяли добиваться нивелирования пикетов КПРФ.

И вместе с тем символический потенциал 12 июня позволял включаться в борьбу другим политическим акторам. Параллельно официальным мероприятиям российская оппозиция провела так называемый «гражданский» непартийный митинг «Я свободен!», стартовавший 12 июня 2005 года, в День России⁴⁷³. Его организаторами выступили радиостанция «Эхо Москвы» и молодежные движения «ОБОРОНА» и «ДА!». На митинге численностью более 2 тыс. человек были замечены активисты либеральных непарламентских партий, в том числе «Яблока». Поводом для организации митинга стало решение суда о виновности М.Б. Ходорковского, бывшего

⁴⁷² Волкова Э.Н. Протест в обществе будет нарастать // Рязанское областное отделение КПРФ. – Рязань, 2005. – 12 июня. – Режим доступа: http://www.kprf.ryazan.ru/2005/20050617_01.htm (Дата посещения: 19.10.2014.)

⁴⁷³ Я свободен!: О нас. – М., 2006. – 15 июня. – Режим доступа: <http://web.archive.org/web/20070701183353/www.yasvoboden.ru/index.php?s=content&p=about> (Дата посещения: 19.10.2014.)

главы нефтяной компании «ЮКОС», в мошенничестве. Дата проведения митинга – 12 июня – была выбрана не случайно, поскольку именно этот день, по мнению организаторов, объединяет людей в их приверженности «демократическим взглядам и убежденность в том, что Россия и ее народ достоин жить в нормальной, цивилизованной, свободной стране»⁴⁷⁴. Митинг был проведен пять раз в течение года. Последний прошел 12 июня 2006 года.

В 2006-2007 годах в символической политике власти наметился тактический поворот. Это выразилось во временной потере интереса к потенциалу Дня России и выходе на повестку дня задачи по символическому наполнению нового государственного праздника – Дня народного единства. Он больше подходил для реализации метанарратива «тысячелетней истории». Об этом же свидетельствует отказ от официальных выступлений на приеме в День России в 2006-2007 годах. С того же момента в выступлениях на церемонии награждения государственной премией 12 июня В.В. Путин перестает использовать символы «эпохи 1990-х», таких как, например, декларация о государственном суверенитете, конституция.

В это же период активизировались дискуссии вокруг Дня России и практик его использования другими политическими акторами, в том числе парламентскими партиями и общественными организациями. Критическое отношение к событиям «девяностых» и Дню России, который связан с ними, постепенно нарастало на фоне их адаптации к национальной истории. Как было показано во втором параграфе, отбор советского наследия, который лег в основу официальной символической политики В.В. Путина, проходил избирательно. Его целью было показать, что Россия – это состоявшаяся мировая держава.

Заданный властью вектор поставил перед парламентскими партиями вопрос о состоятельности событий главного государственного праздника. О том, что «через пять-шесть лет праздник, конечно, будет изменён и передвинут, потому что День России праздновать, отсчитывая от 90-го года, -

⁴⁷⁴ Там же.

это постыдно, антиисторично и позорно по сути»⁴⁷⁵, было заявлено в 2007 году членом фракции «Справедливая Россия» – «Родина» Н. Павловым. Партию «Справедливая Россия» нередко рассматривают как проект Кремля, «левую» оппозицию консервативной «Единой России». Идеи формирования оппозиционной политической партии были высказаны еще в марте 2006 года на встрече главного идеолога страны замглавы президентской администрации В. Суркова и председателя партии «Жизнь» С. Миронова. Учитывая этот факт, можно предположить, что в лице парламентской оппозиции власть искала возможности переформулирования нарратива праздника и расширения границ национальной идентичности.

Попытки изобрести новую традицию неоднозначного праздника были предприняты «Единой Россией» и «Молодой гвардией» в 2007 году. По их инициативе стартовала акция «российский триколор»: с 8 июня вплоть до самого праздника гражданам раздавали ленточки цветов национального флага. Тем самым организаторы призывали «каждого гражданина России продемонстрировать свою причастность к судьбе нашей великой страны и присоединится к рождению новой национальной традиции»⁴⁷⁶. Цвета позволяли сфокусировать внимание на национальном символе, а именно – государственном флаге, который, по данным ВЦИОМ, в 2007 году в целом вызывал положительный отклик (48% – гордость, восхищение, 24% – симпатию)⁴⁷⁷.

Изобретая этот символ, младогвардейцы удачно использовали уже существующий опыт георгиевской ленты, которая была придумана в РИА «Новости» в 2005 году. Георгиевская ленточка стала неотъемлемым символом Победы и «Русского мира» в соседних странах. Однако в отличие от георгиевской ленты «российский триколор» оказался не столь успешен.

⁴⁷⁵ Стенограмма заседания 08 июня 2007 г., № 234(948) // Государственная дума. – М., 2007. – 8 июня. – Режим доступа: <http://transcript.duma.gov.ru/node/686/> (Дата посещения: 19.10.2014.)

⁴⁷⁶ Всероссийская акция «Российский триколор» стартует 8 июня // Псковская лента новостей. – Псков, 2007. – Режим доступа: <http://pln-pskov.ru/news/42340.html> (Дата посещения: 19.10.2014.)

⁴⁷⁷ Пресс-выпуск №2653. «Символы России: знаем и гордимся!» // ВЦИОМ. – М., 2014. – 20 августа. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114943> (Дата посещения: 17.11.2014.)

Во-первых, цвета российского флага не несли в себе того набора смыслов, которым обладал символ Победы. Лента с цветами флага также использовалась при праздновании 22 августа и скорее в целом имела отношение к демократическим ценностям, заложенным новым режимом в 1990-е годы. Во-вторых, «российский триколор» стали раздавать позже, на волне популярности черно-оранжевой ленты. В-третьих, распространение георгиевской ленты проходило за рубежом и использовалось в качестве национального символа. Раздача же трехцветной ленты так и осталась в пределах ответственности «Молодой гвардии».

Тем не менее, это не помешало в дальнейшем использовать «российский триколор» при проведении праздничных мероприятий в День России. Однако массовость таких мероприятий значительно уступает георгиевской ленте.

Президентство Д.А. Медведева пробудило интерес к Дню России. Как и его предшественник, Д.А. Медведев придерживался нарратива «тысячелетней истории» при формулировании истории праздника (истоки становления «новой демократической России», которой «уже 18 лет», – в «истории нашей страны» (2008); «у России великая, вековая история» (2009); «символизирует 1000-летнюю российскую государственность» (2010)⁴⁷⁸; «исторический выбор народа – свободное, демократическое развитие» (2011)⁴⁷⁹). Тем не менее, это не мешало ему вписывать символы эпохи начала 1990-х годов в праздник «тысячелетней государственности» в отличие от В.В. Путина, который избегал этого: первые парламентские выборы (2009), Декларации о государственном суверенитете (2010), Б.Н. Ельцина и институт президентства (2011).

⁴⁷⁸ Медведев Д.А. Выступление на государственном приеме по случаю национального праздника – Дня России // Президент России. – М., 2010. – 12 июня. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/8030> (Дата посещения: 17.11.2014.)

⁴⁷⁹ Медведев Д.А. Выступление на государственном приеме по случаю национального праздника – Дня России // Президент России. – М., 2011. – 12 июня. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/11544> (Дата посещения: 17.11.2014.)

В 2008 году качестве оснований для идентичности Д.А. Медведев употребил категорию «Русский мир»⁴⁸⁰. Однако было очевидно, что с учетом истории праздника, отсылавшей к 1990-х годам, которые проходили не без этнополитических конфликтов, ее использование было не совсем корректно. И в дальнейшем произошел отказ от ее использования в дискурсе Дня России. Вместо этого Д.А. Медведев говорил о заслугах «российского народа». Это позволяло избежать нерешенных вопросов национальной идентичности в символической политике государства.

Другая особенность президентства Д.А. Медведева – это то, что поздравительные выступления по случаю празднования Дня России приобрели черты программных выступлений. Впервые о курсе на модернизацию, с которой связывают период президентства Д.А. Медведева, официально было заявлено в сентябре 2009 года в статье «Россия, вперед!»⁴⁸¹. В поздравительных выступлениях по случаю празднования Дня России тема модернизации впервые появилась в 2009 году и относилась к технологической стороне, необходимостью «проводить качественные изменения в различных сферах нашей жизни»⁴⁸². В дальнейшем Медведев заговорил о модернизации «экономики и развитии нашей общественной жизни» (2010)⁴⁸³, «модернизации нашего общества, которая невозможна без современных, инициативных и, конечно, очень талантливых людей» (2011)⁴⁸⁴. «Модернизация», таким образом, стала «удобным словом» для определения задач развития государства.

⁴⁸⁰ Медведев Д.А. Выступление на торжественном приеме по случаю празднования Дня России // Президент России. – М., 2008. – 12 июня. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/410> (Дата посещения: 17.11.2014.)

⁴⁸¹ Медведев Д.А. Россия, вперед! // Президент России. – М., 2009. – 10 сентября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/5413> (Дата посещения: 17.11.2014.)

⁴⁸² Медведев Д.А. Выступление на торжественном приеме по случаю празднования Дня России // Президент России. – М., 2009. – 12 июня. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/4427> (Дата посещения: 17.11.2014.)

⁴⁸³ Медведев Д.А. Выступление на церемонии вручения Государственных премий Российской Федерации // Президент России. – М., 2010. – 12 июня. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/8028> (Дата посещения: 17.11.2014.)

⁴⁸⁴ Медведев Д.А. Выступление на церемонии вручения Государственных премий Российской Федерации // Президент России. – М., 2011. – 12 июня. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/11542> (Дата посещения: 17.11.2014.)

Вполне закономерно, что либерализация, новые вызовы на международной арене породили дискуссии о статусе России и ее идентичности. Для других политических акторов президентство Д.А. Медведева стало возможностью включиться в борьбу за смыслы Дня России. Однако на практике таких попыток оказалось немного. Часть из них строилась на предложениях о переносе дня празднования государственного праздника.

Тогда же, в 2009 году, укрепилась позиция ЛДПР. Как и КПРФ, ЛДПР видела в празднике негативное «ельцинское наследие»⁴⁸⁵. Осознавая ценностный вакуум («кризис национальной идеи»), который образовался за последние несколько лет из-за чехарды с новыми государственными праздниками, лидер партии В. Жириновский предлагал «примирить три России: монархическую, советскую и новую демократическую. Дать оценку переворотам 1917 и 1991 годов, а также тем ошибкам, которые были допущены в последние 20 лет», - заявил на пленарном заседании 11 июня 2010 года Владимир Жириновский⁴⁸⁶. В качестве замены он предлагал «вспомнить целый ряд знаменательных дат» – 17 октября, в память о «Манифесте о совершенствовании государственного управления», подписанном в 1905 году Николаем II, а также 21 сентября, годовщину Куликовской битвы, отмечаемой Русской православной церковью⁴⁸⁷.

Похоже, что нет и не было единства в «Справедливой России». Для кого-то День России оставался праздником «неразвитого парламентаризма» и «ложных целей» (2010). Для федерального руководства вслед за «Единой Россией» День России был главным государственным праздником, который

⁴⁸⁵ День рождения России // Официальный сайт «Либерально-демократической партии России». – М., 2009. – 10 июля. – Режим доступа: http://www.ldpr.ru/ldpr_talks/analytics/birthday_russia (Дата посещения:23.04.2011.)

⁴⁸⁶ Простим нашим предкам политические ошибки! // Официальный сайт «Либерально-демократической партии России». – М., 2010. – 11 июня. – Режим доступа: http://www.ldpr.ru/events/Forgive_our_ancestors_political_mistakes (Дата посещения:23.04.2011.)

⁴⁸⁷ День рождения России // Официальный сайт «Либерально-демократической партии России». – М., 2009. – 10 июня. – Режим доступа: http://www.ldpr.ru/ldpr_talks/analytics/birthday_russia (Дата посещения:23.04.2011.)

каждый год, начиная с 2007 года, партии отмечала праздничными пикетами. Однако внятного нарратива праздника нам так и не удалось обозначить.

О безальтернативной ликвидации праздника по традиции как в период президентства Д.А. Медведева, так и в последующем заявляли в КПРФ. Основания для отрицания праздника – это его сомнительные истоки, его непопулярность среди населения⁴⁸⁸.

Для несистемной оппозиции День России скорее воплощал надежды на лучшее будущее. Нарратив праздника нередко формулируется как «рождение новой России». Поэтому праздник, например, для либерал-консерваторов «Правого дела», еще до «перезагрузки» партии, был назван «первым и важным шагом к демократии и свободе от семидесятилетнего тоталитарного, коммунистического нароста на теле и душе России»⁴⁸⁹. Такое понимание, в первую очередь характерно для региональных отделений партии.

Однако каждый год «Правое дело» транслирует разные смыслы праздника. В 2011 году в партии 12 июня называют символом борьбы за свободу против внутренних государственных ограничений – «за сохранение прямых выборов мэров городов, за свободу СМИ, свободу собраний, политическую конкуренцию, против усиления влияния спецслужб»⁴⁹⁰, борьбы с вертикалью власти. В 2012 году праздник был объявлен «днем независимости страны»⁴⁹¹.

Нельзя сказать, что в 2012 году с наступлением нового этапа в символической политике государства наметились изменения по использованию Дня России. Отметим лишь несколько тенденций.

⁴⁸⁸ См., например: Обухов С.П. «День победы» Бориса Николаевича над Михаилом Сергеевичем, именуемый теперь «Днем России» // Сайт Коммунистической партии Российской Федерации. – М., 2008. – 12 июня. – Режим доступа: http://kprf.ru/rus_soc/57755.html (Дата посещения: 20.04.2011).

⁴⁸⁹ В Липецке прошел общегородской митинг, посвященный Дню России // Официальный сайт политической партии «Правое дело». – Липецк, 2009. – 12 июня. – Режим доступа: <http://www.pravoedelo.ru/news/v-lipetske-proshel-obshchegorodskoi-miting-posvyashchennyi-dnyu-rossii> (Дата посещения: 23.04.2011.)

⁴⁹⁰ Там же.

⁴⁹¹ Поздравление партии «ПРАВОЕ ДЕЛО» с Днем России // Правое дело. – М., 2012. – 12 июня. – Режим доступа: <http://old.pravoedelo.ru/news/pozdravlenie-partii-«pravoe-delo»-s-dnem-rossii> (Дата посещения: 08.09.2014).

Впервые в 2012 году День России в поздравительных выступлениях В.В. Путина стал именоваться как «общенациональный праздник»⁴⁹². Его задача – в том, чтобы «сохранять преемственность национальных, духовных традиций, понимать их значимость для решения задач сегодняшнего дня»⁴⁹³. События 1990-х годов расцениваются не как «событие, завершившее эпоху», а как «резкий и крутой поворот», «поворот к новой жизни». А праздник – является «символом общей судьбы народа России, который веками умел жить в мире и согласии»⁴⁹⁴. «Тысячелетняя история» пусть и не ушла из оборота президента, но в отношении к празднику отошла на второй план.

Попытки переформулировать нарратив праздника со стороны уже правящей партии отчетливо прозвучали в 2013 году. Член партии «Единая Россия» Е. Федоров и возглавляемый им и до той поры неизвестный парламентский клуб «Российский суверенитет» предложил перенести День России с 12 июня на другую, более памятную для страны дату⁴⁹⁵. Такой датой рассматривались 28 июля, день крещения Руси, или 21 сентября, День основания российской государственности. По мнению парламентариев, эти даты обладают большим потенциалом и имеют смысл для государственного строительства. «Такой праздник, как День России, должен быть связан с гораздо более глубинной историей России, а не с событиями 20-летней давности», – согласен с такой инициативой председатель комитета Госдумы по образованию В. Никонов⁴⁹⁶. Однако данная инициатива не нашла поддержки в Госдуме.

Третья особенность нового этапа заключается в активизации использования государственных праздников оппозицией и, в частности, 12 июня для проведения альтернативных маршей. На волне подъема

⁴⁹² Путин В.В. Выступление на приёме в честь Дня России // Президент России. - М., 2012. - 12 июня. - Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/15629> (Дата посещения: 24.06.2013.)

⁴⁹³ Там же.

⁴⁹⁴ Путин В.В. Выступление на приёме в честь Дня России // Президент России. - М., 2013. - 12 июня. - Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/18325> (Дата посещения: 24.06.2013.)

⁴⁹⁵ Малай Е. День России предлагают перенести на другую дату // Известия. - М., 2013. - 10 июля. - Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/553280> (Дата посещения: 16.09.2014.)

⁴⁹⁶ Там же.

протестного движения выходные дни рассматривались как возможность консолидации левой и правой оппозиции. Сами же принципы, заложенные в празднике и его символах (Конституции, декларации, свободных и демократических выборах), вполне соответствовали заявленным требованиям организаторов. В оргкомитет акции вошли представители «Яблока», «Другой России», «Парнаса», «Солидарности», «Наблюдателей Петербурга» и других организаций. Марш 12 июня 2012 года организаторы объявили продолжением «Марша миллионов», который прошел 6 мая, и назвали «Днем России без Путина»⁴⁹⁷. Цель акции состояла в выражении протеста против инаугурации В.В. Путина. По официальным данным в Москве в нем приняли участие около 18 тыс. человек, по данным организаторов – около 200 тыс.

Его продолжением можно считать организованный в 2013 году в День России «Марш за вашу и нашу свободу!»⁴⁹⁸, который стал оппозиционной акцией в поддержку активистов, подвергающихся преследованиям со стороны властей.

Таким образом, очевидное стремление властвующей элиты уйти от противоречивых событий 1990-х годов путем формулирования нарратива «тысячелетней истории» не совсем оказалось удачным. Он оставил «белые пятна» в формировании узловых точек национальной идентичности, восполнить которые пока не удастся ни одному из политических акторов.

В то же время можно утверждать, что предложенные властью формы празднования в целом превратились в традицию и находят поддержку среди широких масс.

4 ноября – День народного единства

⁴⁹⁷ «День России без Путина» собрал 5 тысяч участников // Яблоко. – М., 2012. – 12 июня. – Режим доступа: http://www.yabloko.ru/regnews/Spb/2012/06/13_0 (Дата посещения: 17.11.2014.)

⁴⁹⁸ Партия «ЯБЛОКО» в День России участвовала в «Марше за вашу и нашу свободу!» // Яблоко. – М., 2013. – 12 июня. – Режим доступа: <http://www.yabloko.ru/regnews/Moscow/2013/06/12> (Дата посещения: 17.11.2014.)

Учреждение Дня народного единства можно считать попыткой задействовать в официальной символической политике более давнее прошлое России и одновременно заменить новым праздником другую значимую дату – День согласия и примирения (7 ноября).

Очевидно, что власть нуждалась в нивелировании значения советских символов и формировании иной национальной идентичности на основе новых памятных дат. Однако учреждение новых практик празднования новой даты было сопряжено с рисками слишком широкой и абстрактной идеи, которая могла быть не воспринята обществом.

Уже на первом торжественном вечере в 2005 году, посвященном 4 ноября, В.В. Путиным было заявлено, что именно с этой даты «началось становление державы – великой и суверенной»⁴⁹⁹. Сформулированный властью нарратив праздника гласил, что «Почти четыре века назад, в начале ноября 1612 года, земское ополчение Минина и Пожарского освободило Москву от иноземных захватчиков. Был положен конец Смутному времени в России, конец междоусобице и распрям, разобщенности и связанному со всем этим упадку»⁵⁰⁰. Для современной России праздник должен был стать праздником «всего гражданского общества», подтверждающий «физическое и духовное здоровье нации»⁵⁰¹. Причем его учреждение не было навязано «по принуждению сверху», он возник «по зову сердца».

Через год, однако, к теме становления державы добавились новые смыслы и ценности, которые должны были подкрепить значимость праздника, что в условиях его институционализации сказалось не лучшим образом. В 2005 году – это гражданская солидарность, взаимопомощь и

⁴⁹⁹ Путин В.В. Выступление на торжественном приеме, посвященном Дню народного единства // Президент России. – М., 2005. – 4 ноября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/23252> (Дата обращения: 14.08.2014.)

⁵⁰⁰ Там же.

⁵⁰¹ Там же.

благотворительная деятельность⁵⁰², в то время как в 2006 году – вековым традициям патриотизма, согласия и сплоченности народа⁵⁰³.

Власти не скупились на приписывание празднику дополнительных смыслов, которые должны были подкрепить его значимость.

Первые торжественные приемы в 2005-2007 годах при В.В. Путине проходили в формате беседы с соотечественниками. Использование такого формата встреч свидетельствует о попытках конструирования более широкой общности, чем нация. В дальнейшем при президентстве Медведева в оборот была введена категория «Русский мир», которое было определено как явление, которое «не имеет границ», «не подвержено политической конъюнктуре, а иногда, по сути, политической цензуре»⁵⁰⁴. Данная категория была шире понятия «соотечественники» и позволяла ориентироваться на историческую и культурную идентификацию. Такой ракурс был связан с новыми тенденциями в символической политике власти и сопряжен с определением границ и критериев принадлежности к макрополитическому сообществу⁵⁰⁵.

По наблюдениям бывшего руководителя московского филиала Фонда Макартуров И. Зевелева, категория «Русский мир» стала вводиться в поле общественных дискуссий в 2007 году. Он отмечает, что эта категория «с ее мощными философско-мировоззренческими коннотациями гораздо шире, чем понятие “соотечественники”. Представление о соотечественниках опирается на законы и юридические нормы, в то время как русский мир – нечто, находящееся преимущественно в области самосознания»⁵⁰⁶. Несмотря на свою широту, категория оказалась узкой для внутреннего дискурса о

⁵⁰² Там же.

⁵⁰³ Путин В.В. Выступление на государственном приеме, посвященном Дню народного единства // Президент России. – М., 2006. – 4 ноября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/23882> (Дата обращения: 14.08.2014.)

⁵⁰⁴ Медведев Д.А. Выступление на торжественном приеме, посвященном Дню народного единства // Президент России. – М., 2008. – 4 ноября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/1966/print> (Дата обращения: 08.04.2010.)

⁵⁰⁵ См. подробнее: Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России: Монография / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед., Отд. полит. науки. – М., 2013. – С. 220-222.

⁵⁰⁶ Зевелев И. Границы русского мира // Россия в глобальной политике. – М., 2014. – Т. 12, №2. – С. 40.

национальной идентичности. Активизацию ее использования И. Зевелев связывает с началом большого наднационального проекта, о котором российская власть заговорила в 2008 году. Он был посвящен формулированию целей новой внешней политики России, претендующей на статус мировой державы, «в терминах, выходящих за рамки государственных интересов»⁵⁰⁷.

О том, что категория «Русский мир» плохо ложилась на внутреннеполитический дискурс, также подтверждается нашими исследованиями⁵⁰⁸. В 2008 году в официальном дискурсе Дня народного единства, опирающегося на концепт «Русского мира», происходит смена стратегии репрезентации нации. Ранее она была ориентирована на внутреннее сообщество, и День народного единства постулировался как «праздник всего гражданского общества»⁵⁰⁹. В дальнейшем в 2010 году вектор меняется на внешнеполитический: цель праздника состояла в том, чтобы объединить представителей неправительственных организаций, национально-культурных и религиозных объединений страны, которые «участвуют в создании правильного искреннего имиджа нашей страны», «укреплению связей между Россией и другими государствами», «развитию конструктивного диалога России с ее зарубежными партнерами»⁵¹⁰.

Вплоть до 2009 года власть прибегала только к официальным приемам в день 4 ноября, что существенно сужало возможности укоренения праздника и внимания к нему. Однако с 2009 года в Государственном Кремлевском дворце также стала проводиться церемония вручения государственных наград, на подобие той, что проходит в День России. Государственных

⁵⁰⁷ Там же. С. 41.

⁵⁰⁸ См.: Ефремова В.Н. Новые государственные праздники России и их осмысление в официальном политическом дискурсе // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – Пермь, 2011. – № 3 (15). – С. 53-65.

⁵⁰⁹ Стенограмма заседания 13 февраля 2004 г. N 7(721) // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. – М., 2004. – Режим доступа: <http://transcript.duma.gov.ru/node/1367/> (Дата обращения: 25.10.2014.)

⁵¹⁰ Медведев Д.А. Выступление на торжественном приеме по случаю празднования Дня народного единства // Президент России. – М., 2010. – Режим доступа: <http://президент.рф/новости/9425> (Дата обращения: 03.03.2011.)

премий и наград (Орден Дружбы и Орден Почета, учрежденные в 1994 году) удостоиваются иностранцы, внесшие вклад в укрепление дружбы, сотрудничества и развития культурных связей с Россией. Цель такого шага – «сделать их сопричастными к жизни современной России»⁵¹¹.

В то же время изобретение праздника не шло целенаправленно, что сказалось на отсутствии устоявшихся публичных форм празднования. В разные годы в День народного единства водили хоровод, проходили крестные ходы, возлагали венки к памятнику Минина и Пожарского в Нижнем Новгороде, пекли пироги, надували мыльные пузыри и т.д.

Политические акторы с разной степенью энтузиазма отнеслись к новому празднику. За пять лет с момента начала его празднования, однако, появились попытки сформулировать альтернативную идеологию праздника.

Вполне ожидаемо, что в первые годы после учреждения праздника наиболее близка официальной позиции оказалась «Единая Россия». В честь Дня народного единства в 2005 г. членами думской фракции партии, придерживающимися либерально-консервативных взглядов, был образован клуб «4 ноября». Политический клуб является «закрытым», однако, в его ряды входят представители разных объединений – как депутаты и члены ЕР, так и других политических партий, представителей общественности и бизнеса. Среди них – член федерального политсовета партии «Правое дело» Б. Надеждин, президент банка «Российская финансовая корпорация», министр экономики России в 1992—1993 годах А. Нечаев, председатель комитета по конституционному законодательству и государственному строительству Госдумы от «Единой России» В. Плигин. По словам заместителя руководителя Института общественного проектирования, члена «4 ноября» Михаила Рогожникова, деятельность клуба состоит в «генерировании смыслов и ценностей»⁵¹², которые использует в своем

⁵¹¹ Медведев Д.А. Выступление на церемонии вручения государственных наград иностранным гражданам за большой вклад в укрепление дружбы и сотрудничества с Россией // Президент России. – М., 2009. – 4 ноября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/5909/print> (Дата обращения: 08.04.2010.)

⁵¹² Интервью с М.В. Рогожниковым (17 марта 2011 года). – Из личного архива автора.

дискурсе «Единая Россия». «4 ноября ассоциируется с началом некой новой эпохи – смуты или не смуты, но, во всяком случае, сильных потрясений», а также является «соединением традиционных ценностей и модернизационных»⁵¹³. В связи с чем, «имеет смысл праздновать что-то, что было 400 лет назад»⁵¹⁴ – развитие и становление политических практик. Однако не было понятно, каким образом связать эпохи и как превратить праздник в традицию. Это требовало дополнительных усилий и общественных обсуждений, в результате чего со временем деятельность клуба «4 ноября» стала носить формальный характер.

Проведение первых празднований Дня народного единства «Единой Россией» проходило без четкого осознания того, что собственно такое «единство». В партии считали, что тема общегражданского мира, согласия и единства актуальна для России всегда. «Наши предки, которые не смотря на национальные и религиозные различия, веками жили рядом в мире и добрососедстве и объединялись против общего врага, должны служить примером нашим современникам. Мощь России – в единстве ее граждан»⁵¹⁵.

Тема «единства» оказалась актуальной в преддверии президентских выборов 2008 года. После того, как В.В. Путин стал председателем «Единой России», но при этом он так и не вступил в партию, День народного единства приобрел новый смысл. Слоганом праздника стал девиз «Вместе – за одно!». Быть «Вместе – за одно!» стало означать то, что пришел «конец смутному времени. Россия, наконец, объединилась»⁵¹⁶, а вместе с этим был положен конец неопределенности в управлении государства.

Большинство парламентских партий («Единая Россия», ЛДПР, «Справедливая Россия») были не способны предложить внятный нарратив

⁵¹³ Там же.

⁵¹⁴ Там же.

⁵¹⁵ Мероприятия партии «Единая Россия» в День народного единства // Официальный сайт политической партии «Единая Россия». – М., 2012. – 2 ноября. – Режим доступа: <http://er.ru/news/92881/> (Дата обращения: 10.12.2014.)

⁵¹⁶ Вместе – за одно! 4 ноября Россия празднует день народного единства // Официальный сайт политической партии «Единая Россия». – М., 2008. – Режим доступа: <http://er.ru/text.shtml?16/6562,110721> (Дата обращения: 10.01.2011.)

праздника, поэтому выбирали стратегию по избирательному поддержанию предлагаемых властью символов, смыслов. Ввиду отсутствия традиций празднования партии прибегали к митингам. Очевидно, что смена политической конъюнктуры не оказала существенного влияния на изменение коммуникативных практик: применительно ко Дню народного единства митинги воспринимались как модификация ноябрьских демонстраций по случаю празднования годовщины Октябрьской революции. Иначе говоря, отрицание политического дискурса без изменения содержания ритуальных практик празднования оказалось бы неэффективным.

Основополагающим моментом в различии позиций политических акторов относительно Дня народного единства стало отношение к советскому прошлому. И это было связано, в первую очередь, с самим механизмом учреждения праздника – «на замену» 7 ноября.

Единственным основанием для принятия праздника 4 ноября в 2006 году партия «Яблоко» видела «в том, чтобы попытаться помешать празднованию 7 ноября как Годовщины Октябрьской социалистической революции и попытаться вытравить из сознания людей всё, что было связано с советской властью, как следствие с этой революцией»⁵¹⁷. Поэтому 4 ноября, для «Яблока» – это в том числе церковный праздник, день Казанской иконы Божией матери. В остальном партия не прибегала к использованию Дня народного единства.

«Справедливая Россия», как и «Единая Россия», избегала оценок прошлого. Для нее «единство» приобрело значение сплоченности всего народа вне зависимости от происхождения, вероисповедания и положения в обществе⁵¹⁸.

⁵¹⁷ День народного единства: патриотический праздник или просто выходной? // Сайт Челябинского отделения Российской Объединенной демократической партии «Яблоко». – Челябинск, 2006. – 4 ноября. – Режим доступа: <http://www.chel.yabloko.ru/actually/index.phtml?id=557> (Дата обращения: 08.01.2011.)

⁵¹⁸ Председатель Совета Федерации, лидер партии «Справедливая Россия» Сергей Миронов поздравил россиян с Днем народного единства. – М., 2006. – 4 ноября. – Режим доступа: <http://www.niann.ru/?id=306940> (Дата обращения: 21.04.2011.)

Как и с Днем России, ЛДПР заняла по отношению ко Дню народного единства компромиссную позицию, однако для этого потребовалось около пяти лет. В партии заявляли, что 4 ноября важен для страны, поскольку ставил вопрос о современном статусе российского народа. В 2010 году ЛДПР намерена была сделать День народного единства «главным государственным праздником страны»⁵¹⁹. Притом, что периодически партия заявляла о том, что «4 ноября не прижился» и «празднуется натужно»⁵²⁰. Однако конкретного плана по институционализации праздника ЛДПР за это время так и не предложила.

Совершенно иная аргументация – у противников Дня народного единства. Наиболее последовательно, начиная с 2005 года, праздник День народного единства отрицала партия КПРФ, что связано с переименованием, а потом и лишением статуса выходного 7 ноября – Годовщины Великой Октябрьской революции.

Для коммунистов, продолжающих выходить на митинги 7 ноября, День народного единства – «мертворожденный»⁵²¹ праздник. Учреждение Дня народного единства расценивается как перенос праздника, «стремление противопоставить Компартию и Церковь и, тем самым, усилить разобщённость Русского народа»⁵²². Таким образом, «низвержение» главного коммунистического праздника давало основание КПРФ претендовать на роль главной оппозиционной силы и бороться за обладание символической властью.

⁵¹⁹ Этот день очень важен для страны // Официальный сайт «Либерально-демократической партии России». – М., 2010. – 4 ноября. – Режим доступа: http://www.ldpr.ru/events/LDPR_for_a_unification_of_Russia (Дата обращения: 08.01.2011.); ЛДПР провела митинг, посвященный Дню народного единства // Официальный сайт «Либерально-демократической партии России». – М., 2008. – 4 ноября. – Режим доступа: http://www.ldpr.ru/events/Day_of_National_Unity (Дата обращения: 08.01.2011.)

⁵²⁰ День рождения России // Официальный сайт «Либерально-демократической партии России». – М., 2009. – 10 июля. – Режим доступа: http://www.ldpr.ru/ldpr_talks/analytics/birthday_russia (Дата обращения: 23.04.2011).

⁵²¹ День народного единства и актуальные страницы истории // Сайт Коммунистической партии Российской Федерации. – М., 2010. – 2 ноября. – Режим доступа: http://kprf.ru/rus_soc/84211.html (Дата обращения: 20.04.2011).

⁵²² Там же.

Партия «Правое дело», является идеологическим преемником СПС, в 2009 году (единожды за всю историю праздника) заняла категоричную позицию относительно Дня народного единства. 4 ноября для ее руководителей – «неудачная попытка заполнить идеологическую пустоту»⁵²³, образовавшуюся после распада Советского Союза, еще не сформулированных новых установок. 4 ноября для «Правого дела» – «символ отчуждения власти от граждан, знак остановившегося времени»⁵²⁴. Поэтому от этого праздника стоит отказаться – «продемонстрировать политическую волю к изменениям». В то же время «Правое дело» против восстановления в качестве государственного 7 ноября – Годовщины Великой октябрьской революции, который для России является «днем национальной трагедии»⁵²⁵.

Основная же борьба вокруг Дня народного единства развернулась на уровне *общественных и околополитических организаций* и была связана с конкуренцией властного и националистического смыслов и практик празднования.

Уже в первый год празднования – в 2005 г. был проведен так называемый «Русский марш», чтобы отстаивать «русскую нацию и национализм»⁵²⁶. «Русские марши» стали конкурирующим источником, идеологическим «полюсом» продуцирования смыслов Дня народного единства. К числу основоположников «Русского марша» (изначально – «Правого марша») относятся «Евразийский союз молодёжи», «Движение против нелегальной иммиграции» (ДПНИ), национально-патриотический фронт «Память», движение «Русский порядок» и другие. Одной из центральных смыслов дискурса власти является идея «внутреннего единства». Однако в праворадикальном дискурсе она трансформировалась и

⁵²³ 4 ноября – неудачная попытка заполнить идеологическую пустоту (3 ноября 2009 года) // Сайт политической партии «Правое дело». – М., 2009. – 3 ноября. – Режим доступа: <http://test.pravoedelo.ru/node/7055> (Дата обращения: 24.12.2010.)

⁵²⁴ 4 ноября – неудачная попытка заполнить идеологическую пустоту (3 ноября 2009 года) // Сайт политической партии «Правое дело». – М., 2009. – 3 ноября. – Режим доступа: <http://test.pravoedelo.ru/node/7055> (Дата обращения: 24.12.2010.)

⁵²⁵ Там же.

⁵²⁶ Козенко А. «Правый марш» дал задний ход // Коммерсант. – М., 2005. - 9 ноября, № 210 (3294). – С. 8.

получила ярко выраженный этнонационалистический крен: «освобождение России от оккупантов»⁵²⁷, «единство и готовность к борьбе за национальные интересы русского народа»⁵²⁸.

«Русский марш» стремится опровергнуть смыслы, приписываемые празднику 4 ноября властью: «Из государства Россия превращается в нацию, не ограниченную историческими рамками конкретного государственного устройства, а значит, не имеющую общегосударственных ценностей и идеалов, кроме “единства”»⁵²⁹. День народного единства – это «стремление <...> дистанцироваться от символического наследия 1990-х гг.»⁵³⁰, «символ путинского золотого века»⁵³¹, «надуманный праздник правящей боярщины»⁵³², «смутный праздник»⁵³³.

Нельзя сказать, что «Русский марш» представлял собой однородное движение. Помимо националистов в колонне марширующих, например, в 2005 году также присутствовали евразийцы и активисты Союза православных граждан с иконами в руках⁵³⁴.

Уже в 2006 г., во вторую годовщину празднования, четыре депутата Госдумы (Д. Рогозин, В. Алкснис, Н. Курьянович и А. Савельев), входящие в в общественный совет «Русского марша» наряду с представителями националистических движений, таких как Движение против нелегальной иммиграции, недовольные запрещением проведения националистических акций, заключили, что власти «не удалось превратить День народного во всенародное торжество», а его учреждение является путинским планом «взбаламутить страну фальшивой угрозой русского фашизма»⁵³⁵.

⁵²⁷ Савина Е. День националистического единства // Коммерсант. – М., 2005. – 7 ноября, № 208/П (3292). – С. 6.

⁵²⁸ Савина Е. «Русскому маршу» дали ход // Коммерсант. – М., 2008. – 6 ноября, № 201 (4018). – С. 7.

⁵²⁹ Русский праздник // Коммерсант. – М., 2006. – 3 ноября, № 207 (3538). – С. 8.

⁵³⁰ Там же.

⁵³¹ Приглашение в путинский золотой век // Власть. – М., 2007. – 12 ноября, № 44 (748). – С. 9.

⁵³² Там же.

⁵³³ Бородина А. Телелидеры // Коммерсант. – М., 2007. – 8 ноября, № 205 (3781). – С. 6.

⁵³⁴ Савина Е. День националистического единства // Коммерсант. – М., 2005. – 7 ноября, № 208/П (3292). – С. 6.

⁵³⁵ Савина Е. «Русский марш» доводят до президента // Коммерсант. – М., 2006. – 11 ноября, № 211 (3542). – С. 3.

Конкуренцию «Русскому маршу» должно было составить молодежное движение «Наши». В 2006 году его активисты провели альтернативный националистическому движению Форум гражданских инициатив, на который в Ярославль были привезены студенты из разных регионов страны⁵³⁶. В дальнейшем движение неоднократно меняло форматы мероприятий, что говорит о поиске наиболее подходящей формы, которая бы органично вписывалась в предлагаемое смысловое поле, смогли бы составить адекватную конкуренцию праворадикальным практикам празднования⁵³⁷.

В целом, 2006-2007 гг. можно считать периодом наибольшего идейного доминирования националистического дискурса. Несмотря на неоднородность состава участников, «Русские марши» использовали практически схожие профашистские лозунги: «Вся власть славянам!», «В России – русский порядок!»⁵³⁸, «Русскому народу – русскую власть», «Россия для русских!»⁵³⁹.

Власть не сразу смогла найти адекватный ответ нарастающему смысловому доминированию экстремистских идей. Активное вмешательство в борьбу за смыслы со стороны Кремля началось в 2009 г., когда движение «Наши» буквально попыталось отнять у националистов «Русский марш». Излюбленный ими лозунг «Россия для русских» был перевернут «нашистами» с национального на гражданский лад как «Русские – все, у кого есть российский паспорт»⁵⁴⁰. В дальнейшем в Москве стали проводиться два «Русских марша» – националистический (локализованный на юго-восточной окраине города) и сторонников движения «Наши», который проводится в центре и сопровождается концертами популярных артистов эстрады.

⁵³⁶ Владимирова Н. Праздник в чуме // Коммерсант. – М., 2006. - 7 ноября, № 207/В (3538). – С. 5

⁵³⁷ Известно, что одной из тактик пропаганды властного дискурса было вбрасывание поздравительных листовок партии «Единая Россия» среди участников националистического «Русского марша».

⁵³⁸ Тяжлов И. «Русский марш» с препятствиями // Коммерсант. – М., 2006. - 7 ноября, № 207/В (3538). – С. 3.

⁵³⁹ Козенко А., Ухова М. Националисты готовят пешие порядки // Коммерсант. – М., 2007. – 5 ноября, № 182 (3758). – С. 5.

⁵⁴⁰ Козенко А. «Русские марши» пойдут друг на друга // Коммерсант. – М., 2009. – 5 октября, № 184/П (4239). – С. 4.

Осенью 2011 году на фоне предстоящих парламентских и президентских выборов интерес СМИ к празднику заметно упал, но ряд наблюдателей констатировали, что «российские официальные праздники все равно проигрывают “Русским маршам”»⁵⁴¹. Вместе с тем, именно в этот год стало еще более очевидно, что символ «единства» проигрывает другим более значимым национальным символам, в частности – символу Победы. И праздник стал связываться с героическими победами русского народа. Сегодня – день 4 ноября, мы собрались здесь, на Поклонной горе, в Парке Победы. Для нас это символично: мы связываем победу 1612 года, когда выгнали иноземцев из Кремля, победу 1812 года, в Первой Отечественной войне, и Великую победу в 1945 году. Это победы единого российского народа»⁵⁴², – заявил тогдашний спикер Госдумы Б. Грызлов.

Новый этап в символической политике государства после переизбрании В.В. Путина в том числе ознаменовался пересмотром смыслов и практик празднования Дня народного единства.

2012-2013 год можно считать апробацией нового подхода власти. В 2012 году В.В. Путин фактически переформулировал нарратив праздника с «освобождения...» на то, что «четыреста лет назад был положен конец Смутному времени и слабости государства»⁵⁴³. Что в практическом контексте фактически означало вызов политическим оппонентам и борьбе с протестным движением, которая расценивалась как «болезнь». На торжественном приеме 2013 года было подчеркнуто, что «Смутное время – это трудная, трагическая страница в российской истории», и лишь «народное единство не раз помогало защитить свою свободу и национальную

⁵⁴¹ Черных А., Козенко А. «Русский марш» обернулся хороводом // Коммерсант. - М., 2011. – 7 ноября, № 207. – С. 3.

⁵⁴² «Единая Россия» поздравила россиян с Днем народного единства // Официальный сайт ВОО «Молодая Гвардия Единой России». – М., 2011. – 4 ноября. – Режим доступа: <http://www.molgvardia.ru/nextday/2011/11/04/36880> (Дата обращения: 24.05.2014.)

⁵⁴³ Путин В.В. Выступление на приёме по случаю Дня народного единства // Президент России. – М., 2012. – 4 ноября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/16752> (Дата обращения: 24.05.2014.)

независимость, преодолеть лихолетье, добиваться поистине мировых триумфов»⁵⁴⁴.

Однако работа над идеологией Дня народного единства со стороны официальных лиц государства не помогла снизить массовость «Русского марша». По оценке одного из организаторов акции «Русский марш»-2013, лидера объединения «Русские» Д. Дёмушкина, шествие стало самым многочисленным за девять лет его проведения и собрало более 20 тыс. участников⁵⁴⁵.

Ситуация кардинальным образом изменилась в 2014 году. Праздник оказался как нельзя более удобен для формирования и поддержания чувства сопричастности и сопереживания, а также сплочения перед лицом внешней угрозы. В речи В.В. Путина было особенно подчеркнуто, что Россия выучила уроки истории, «угрозы не заставят нас отказаться от своих ценностей и идеалов»⁵⁴⁶. И как хранительница «Русского мира» она претендовала на защиту национальных интересов русской культуры и ценностей за пределами своих географических границ.

Апофеозом праздника можно считать единственную согласованную властями Москвы акцию под названием «Мы вместе», которая собрала 75 тыс. человек. Впервые в одном шествии приняли участие представители всех четырех парламентских партий. Перед участниками митинга выступили секретарь генсовета «Единой России», вице-спикер Госдумы С. Неверов, лидеры КПРФ Г. Зюганов, ЛДПР В. Жириновский, «Справедливой России» С. Миронов. В своих выступлениях лидеры партий подчеркивали важность единства всех жителей России. Многие участники акции надели георгиевские ленточки. В то время как еще год назад КПРФ выступило с инициативой

⁵⁴⁴ Путин В.В. Выступление на торжественном приеме по случаю Дня народного единства // Президент России. – М., 2013. – 4 ноября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/19562> (Дата обращения: 24.05.2014.)

⁵⁴⁵ «Русский марш»-2013 стал самым успешным за девять лет // Новый регион. – М., 2013. – 5 ноября. – Режим доступа: http://nr2.com.ua/News/world_and_russia/%C2%ABrusskij-marsh%C2%BB-2013-stal-samym-uspeshnym-za-devyat-let-49856.html (Дата обращения: 16.09.2014.)

⁵⁴⁶ Прием по случаю Дня народного единства // Президент России. – М., 2014. – 4 ноября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/46916> (Дата обращения: 04.11.2014.)

отмены празднования 4 ноября – Дня народного единства «в связи с резким расслоением общества»⁵⁴⁷.

Другое важное символическое завоевание власти – это раскол среди организаторов самого «Русского марша». Традиционный «Русский марш» в Люблино собрал, по разным оценкам, от 1,5 тыс. до 3 тыс. человек. Среди них были как обычные ультраправые, так и националисты, симпатизирующие Новороссии, а также ярые сторонники официальной позиции Киева, который силовыми методами стремился навести порядок на территории проблемных областей.

Другая колонна, стартовавшая в Щукино, была менее массовой. Ее содержанием стала акция в поддержку Новороссии. Ожидалось, что участие в ней примет экс-министр обороны «Донецкой народной республики» И. Стрелков, но он в последний момент отказался от этой идеи, заявив, что мероприятие имеет слишком откровенный антиправительственный настрой⁵⁴⁸.

Таким образом, потенциал Дня народного единства, задумывавшийся властью в качестве инструмента восполнения памяти о событиях 400-летней давности, который мог бы подтверждать метанарратив о «тысячелетней истории», оказался задействован не в полной мере. Одни из причин – это отсутствие проработанной идеологии праздника, устоявшихся форм празднования, а также живой памяти о событиях того периода. Что вполне ожидаемо породило дискуссию о необходимости праздника и его основаниях со стороны других политических акторов.

7 января – Рождество Христово

⁵⁴⁷ Отмена празднования 4 ноября – «Дня народного единства» // Коммунистическая партия Российской Федерации. – М., 2013. – 10 ноября. – Режим доступа: <http://ni.kprf.ru/n/870/> (Дата обращения: 24.05.2014.)

⁵⁴⁸ Тяжлов И. Москва отметила День народного единства // Коммерсант. – М., 2014. – 4 ноября. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2603433> (Дата обращения: 08.11.2014.)

Рождество Христово по отношению к другим государственным праздникам находится в особом положении. Без преувеличения и натяжки его можно считать «восстановленным», поскольку обряд его празднования благодаря христианским канонам сохранился практически в том виде, как это было столетие назад. В то время как День народного единства, который власти пытаются выдать за «восстановленный» праздник в чистом виде является изобретенной традицией – сознательным переносом и заменой одной праздничной даты на другую. Другая особенность Рождества Христова состоит в том, что хотя он и праздновался в дореволюционной России, но к событиям ее истории не относится. Единственным праздником с дореволюционной историей, по мнению нынешней власти, является День народного единства.

Поскольку Рождество как праздник имеет свою историю, перед официальными представителями государства не стояло задачи по формулированию нарратива. Однако это не исключало возможности в поздравительных обращениях упоминать этот нарратив, а также использовать другие элементы праздника. Анализ материалов сайта президента (<http://kremlin.ru>) позволяет утверждать, что к 2005 году устоялись официальные практики празднования 7 января. К ним относятся поздравление президентом всех православных христиан, его участие в рождественской службе, а также отдельное поздравление Патриарха Московского и всея Руси.

Идеологический вакуум, который образовался с момента крушения СССР и не был заполнен в период Б.Н. Ельцина, стал причиной поиска в православии базы для легитимации политического курса. Как отмечает М. Безбородов, со времени прихода к власти В.В. Путина, который нуждался в идеологическом обосновании проводимой политики «с опорой на исторический, культурный и религиозный базис», церковь стала «активно

предлагать государству свою социально-политическую доктрину»⁵⁴⁹. Православная церковь, ее традиции для Путина являются гарантом тех самых «духовных скреп», на которых должна строиться идентичность современной России. Это прослеживается в путинской идее Рождества. Она состоит в укреплении «традиционных нравственных ценностей» (2005), объединение «вокруг традиционных ценностей», укрепление «моральных устоев и согласия в обществе» (2007) и т.д.

Однако в период с 2005 по 2014 год некоторые изменения в подходе к празднованию Рождества все же были, и касаются они, в первую очередь, отношения В.В. Путина и Д.А. Медведева к роли православной церкви в государстве. Так, например, было заметно, что В.В. Путин считает Патриарха Алексия II и православную церковь своим союзником в укреплении традиционных нравственных ценностей⁵⁵⁰. По мнению В.В. Путина, ценности Рождества, традиционные православные ценности «играют особую роль в истории России, питают нашу национальную культуру»⁵⁵¹. А возобновление традиции празднования Рождества «стало зримым символом духовного возрождения России»⁵⁵². В свою очередь Д.А. Медведев в период своего президентства хоть и утверждал, что церковь «будет способствовать дальнейшему духовному возрождению и обновлению России»⁵⁵³, но отводил не главную политическую роль: в день 7 января он вместе со своей женой посещал детские дома и интернаты, подчеркивая значимость церкви «в помощи нуждающимся».

⁵⁴⁹ Безбородов М.И. Русская православная церковь в современной России. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. – С. 57.

⁵⁵⁰ Встреча с Патриархом Московским и всея Руси Алексием II // Президент России. – М., 2005. – 7 января. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/transcripts/22771> (Дата обращения: 18.11.2014.)

⁵⁵¹ Владимир Путин поздравил православных христиан, всех граждан России с Рождеством Христовым // Президент России. – М., 2008. – 7 января. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/43613> (Дата обращения: 18.11.2014.)

⁵⁵² Владимир Путин поздравил Патриарха Московского и всея Руси Алексия II с Рождеством Христовым // Президент России. – М., 2008. – 7 января. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/43614> (Дата обращения: 18.11.2014.)

⁵⁵³ Дмитрий Медведев поздравил православных христиан, всех граждан России с Рождеством Христовым // Президент России. – М., 2009. – 7 января. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/2768> (Дата обращения: 18.11.2014.)

Проблема Рождества в том, что праздник уже содержит в себе потенциал конфликтности. Фактически Рождество – единственный религиозный праздник, отмечаемый на государственном уровне повсеместно. Этот факт неоднократно привлекал внимание представителей других конфессий⁵⁵⁴, которые заявляли о явном «перекосе» и необоснованном внимании к православию.

К слову, в сентябре 2011 года к парадоксальной ситуации привел иск в Верховный суд РФ жителя Уфы С. Дулова, который посчитал праздники Курбан-байрам и Ураза-Байрам, получившие в республике статус выходных дней, незаконными. А именно – нарушение его «право на труд по дискриминационным религиозным основаниям»⁵⁵⁵.

На скандал с праздниками тут же отреагировали «единоросы», которые составляют в Госдуме конституционное большинство. Вице-спикер Госдумы О. Морозов и глава думского комитета по гражданскому законодательству П. Крашенинников в сентябре 2011 года внесли на рассмотрение законопроект, позволяющий субъектам федерации устанавливать на своей территории дополнительные выходные, если это связано с праздниками, которые жители региона отмечают согласно «народным и историческим традициям»⁵⁵⁶. После чего в статье 112 Трудового кодекса появилось примечание о возможностях региональных властей утверждать дополнительные выходные дни, связанные с религиозными праздниками. «Партия власти поняла, что решение Верховного суда ущемить права мусульман – крайняя форма цинизма, когда праздники одной конфессии являются государственными, а другой не разрешают праздновать даже на местном уровне», – заявил сопредседатель Совета муфтиев России Н. Аширов⁵⁵⁷.

⁵⁵⁴ Представители религиозных организаций находятся вне зоны нашего внимания по причине того, что мы не считаем их в чистом виде политическими акторами, однако они и являются полноправными участниками символической политики.

⁵⁵⁵ Павлова Н., Коробов П., Воронов А. Верховный суд пошел на жертвоприношение // Коммерсант. – М., 2011. – 28 сентября. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1783361?isSearch=True> (Дата обращения: 17.11.2014.)

⁵⁵⁶ Хамраев В. «Единая Россия» устроила мусульманам праздники // Коммерсант. – М., 2011. – 27 сентября. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/Doc/1781815> (Дата обращения: 17.11.2014.)

⁵⁵⁷ Там же.

Другие политические акторы не всегда освещают свое участие в праздничных мероприятиях в Рождество и не пытаются сформулировать альтернативную идеологию праздника. На заседаниях Госдумы с 2005 года депутатами ни одной из политических партий ни разу не поднимался вопрос о значимости и статусе Рождества, не говоря уже о том, что праздник мог бы подвергаться сомнению.

Даже председатель партии КПРФ в 2011 году Г. Зюганов открыто разместил на официальном сайте партии поздравление своих сторонников с Рождеством. В нем он назвал Рождество Христово еще одним напоминанием, «благовест о том, что, всем нам нужно объединить усилия. И опираясь на многовековые народные традиции, устремляясь к идеалам труда, социальной справедливости и братства, мы сможем добиться для всех и каждого достойной жизни, мира и счастья»⁵⁵⁸. Ценностная нагрузка данного заявления практически полностью не соответствовала духу коммунистической идеологии, но соотносилась с теми изменениями, которые произошли в партии после распада СССР. Такой шаг Г. Зюганова можно также считать имиджевым, поскольку уже на 2012 год были намечены президентские выборы, а коммунистической партии было необходимо привлечь и заинтересовать электорат.

Таким образом, сохранение Рождества Христова в числе государственных праздников, несомненно, по-иному ставит вопрос о национальной идентичности и ценностях. На фоне других новых государственных праздников, ценности и нарративы которых угадываются с трудом, Рождество и христианские ценности вполне претендуют на статус символического ресурса «глубоких исторических корней» и традиций.

⁵⁵⁸ Г.А.Зюганов: Поздравляю с Рождеством Христовым – одним из самых любимых народных праздников // Коммунистическая партия Российской Федерации. – М., 2011. – 7 января. – Режим доступа: http://kprf.ru/rus_soc/86451.html (Дата обращения: 18.11.2014.)

В отличие от советской группы праздников, ассоциирующихся напрямую с наследием предыдущего режима, День России и День народного единства могли бы стать хорошим инструментами для продвижения видения национальной истории, отношения к прошлому и для попыток формулирования национальной идентичности. Именно они являются непосредственным идеологическим «продуктом» новой России.

Однако нельзя считать «изобретение» новых государственных праздников в полной мере удачным. В случае Дня России власть выбрала тактику умалчивания трудных моментов новой истории России. Предложенный ею метанарратив «тысячелетней истории» пока с трудом вписывается в интерпретацию праздника.

Плохо проработанные основания Дня народного единства являются свидетельством нерешенных за 20 лет основ национальной идентичности. Власть в лице В.В. Путина на новом этапе сделала ставку на «духовные скрепы», явно коррелирующие с православными ценностями, ища в них то, что могло бы обеспечить «единение» государства и граждан. В «духовных скрепах», с которыми в том числе связан праздник Рождество Христово, власть видит основу консервативной российской идентичности (Русского мира), угрозой которой все чаще стал представлять Запад.

2014 год показал, что обращение к «тысячелетней истории» России может стать удобным в контексте использования ресурса Дня народного единства. Праздник послужил удобным инструментом для демонстрации достижений режима В.В. Путина в связи с событиями на Украине и присоединением Крыма на фоне постепенного снижения общественного доверия к «Русским маршам».

В условиях отсутствия понимания идеи Дня народного единства, большинство парламентских партий выбирают стратегию ориентации на предлагаемые властью нарративы праздника. Их практики празднования пока не носят системный характер.

Заключение

Исследование праздников как инструментов символической политики позволяет обратить внимание на то, как меняются ценностные ориентиры общества, каким образом происходила конкуренция идей и как могут использоваться политические технологии. Настоящее диссертационное исследование может рассматриваться как пример применения такого подхода. Мы попытались, во-первых, проанализировать политические функции государственных праздников и оценить их потенциал на примере российского случая; во-вторых, проследить, как разные политические акторы, обладающие возможностью учреждения и ликвидации государственных праздников, а также те, кто лишен прямого участия в этих процессах, используют праздники для продвижения собственного видения реальности в борьбе за власть.

Ключом к пониманию того, как конструируются и продвигаются смыслы, какие практики празднования становятся востребованными, каким образом происходит эволюция политических курсов, может стать изучение политики как символических актов. Что в своих исследованиях достаточно убедительно показал М. Эдельман. Символическая политика как категория, которая задает модель описания и анализа политической реальности, не предлагает готовых «рецептов» проведения исследования. Однако ее применение при анализе практик использования государственных праздников дает свои возможности: видеть новое измерение в политических процессах и применять разные политические теории, не отдавая предпочтения конкретным методам исследования. В своем исследовании мы опирались на работы О.Ю. Малиновой, которая показала, что изучение символической политики не должно сводиться к целенаправленной деятельности политических элит «в расчете на манипуляцию сознания

масс»⁵⁵⁹, а предполагает включение в поле исследования других политических акторов.

Роль государственных праздников в символической политике определяется их функциями. Помимо присущих как и всем другим праздникам функций *коммуникации, социализации и воспитания*, государственные праздники также обладают специфическими функциями: легитимации, конструирования идентичности и образа «значимого Другого», формирования видения социальной реальности, актуализации потребностей. Данные функции могут рассматриваться как в контексте *symbolic policy* (политического управления), так и *symbolic politics* как конкуренции идей.

Представленный в диссертации анализ дает возможность рассматривать праздники как «нестабильные символы». Такой угол зрения позволяет «разложить» праздники на отдельные элементы, каждый из которых обладает потенциалом к изменениям. По сути, в этом и заключается главное свойство праздников, которое делает их удобными инструментами символической политики. Для исследователя такой подход позволяет найти ответ, почему одни праздники успешно трансформируют свое содержание и меняют нарратив, а другие становятся предметом ожесточенных споров. Рамки символической политики не ограничивали нас исследованием только дискурсивных практик, которые мы обозначили как идеология праздника, а также дали возможность сосредоточиться на эволюции форм празднования.

Логика анализа современных российских государственных праздников строилась на том, чтобы показать, как в отношении одной группы праздников происходило постепенное вытеснение идеологически неудобных смыслов, а другая группа – оказалась в ситуации изобретения символов и нарративов, связанных с российской историей в приемлемом демократическом ключе.

В целом *трансформация государственных праздников в России*, начиная с 1990-х годов и до настоящего времени, подчинялась общим

⁵⁵⁹ Малинова О.Ю. Символическая политика: Контурь проблемного поля. С. 10.

закономерностям изменения этапов символической политики государства. Однако праздники нельзя считать признаками будущих изменений, они, скорее, «маркеры» того, что уже произошло в символической политике.

Так, первые два этапа, которые пришлись на президентство Б.Н. Ельцина, подчинялись логике оправдания курса на радикальную трансформацию политического порядка с постепенным вводом новых символов и праздников. Однако ситуативность решений по отношению к праздникам в долгосрочной перспективе не могла однозначно сыграть при реализации тактических и стратегических задач. В конечном итоге, нерешенные проблемы президентства Б.Н. Ельцина стали причиной пересмотра праздничного календаря при В.В. Путине. Однако нельзя сказать, что символическая политика «нулевых» приобрела системность. Во многом она строилась на решении сиюминутных задач.

Как показал анализ, включение политических акторов в *символическую борьбу за смыслы и практики* государственных праздников происходит наиболее активно там, где государство не способно предложить внятные нарративы и формы празднования. В первую очередь, это касается Дня России и Дня народного единства, которые учреждались в «новой» России.

Новые праздники – День России и День народного единства – могли бы стать хорошим инструментами для продвижения видения национальной истории, отношения к прошлому и формулирования оснований национальной идентичности, поскольку именно они связаны с новым этапом в развитии государства.

Как показал наш анализ, в случае с 12 июня, власть была не готова к оценке неоднозначных событий начала 1990-х годов, которые с одной стороны ознаменовали крах империи, а с другой – открыли дорогу к демократическим достижениям. Это выразилось во временной потере интереса к потенциалу Дня России и актуализации задачи по символическому наполнению нового государственного праздника – Дня народного единства.

Большинство политических партий подошли к 2005 году без четкого представления о практиках празднования Дня России. Попытки идеологического наполнения праздника в 2005-2006 годах все же были, хоть и представляли отдельные случаи. В частности это касается позиций парламентских партий ЛДПР, КПРФ и непарламенского «Яблока». В конечном счете, память о распаде Советского Союза и установлении нового режима была и остается основной темой дискуссий относительно Дня России. В этом плане в отличие от других политических акторов, которые признают, что День России хоть и противоречивый, но главный праздник в стране, за прошедшие 15 лет КПРФ сформулировала собственный нарратив Дня России как «дня крупнейшей геополитической катастрофы».

Попытка связать новейшую, советскую и дореволюционную историю России путем изобретения Дня народного единства, который больше подходил для реализации метанарратива «тысячелетней истории», не оказалась столь удачной. Противоречивые основания праздника, отсутствие «живой» памяти о событиях того периода стали поводом для критики со стороны политических акторов. Парламентские партии, за исключением КПРФ, хоть и признавали праздник, но так и не смогли наполнить его идеологическим содержанием.

Основная борьба за смыслы и формы празднования Дня народного единства развернулась на уровне общественных и околополитических организаций, таких как, например, «Русский марш», которые каждый год с 2006 года составляли серьезную конкуренцию официальному нарративу. Однако 2014 год показал, что изменение внешнеполитического контекста стало причиной запроса общества на «единение», для демонстрации которого власть удачно использовала День народного единства.

Использование символического наследия Советского Союза в части государственных праздников в современной России происходит избирательно. Спустя более чем 20 лет именно советские праздники продолжают нести основной символический багаж современной власти.

Однако их идеологическое наполнение существенно изменено. Власть, а вслед за ней другие политические силы пытаются расширять границы смыслового поля праздников. В большей части к символическому ресурсу «советской» группы праздников политическая власть прибегает тогда, когда необходимо подчеркнуть образ «сильного» государства, «великой державы». Неверным будет утверждение, что таким образом власть испытывает «ностальгию» по советскому режиму, речь скорее идет об опоре на живую память россиян. Особенно охотно используются праздники, связанные с героическими подвигами народа (9 мая, 23 февраля): военная тематика позволяет отвлечься от внутренних проблем и удовлетворить запрос на позитивную трансляцию смыслов. Здесь политические партии за незначительным исключением выбирают стратегию поддержки власти за наделение нарративов и символов праздников.

Последовательно стратегию открытой конкуренции с нарративами власти выбирает КПРФ, претендующая на сохранение оригинальных практик празднования советских «красных дней календаря». Однако и она идет на значительное расширение диапазона смыслов в борьбе за своих сторонников. Помимо КПРФ, официальный нарратив праздника подвергает критике партия «Яблоко», которая стремится показать несостоятельность позиции власти и замалчивание «правды о войне».

Деполитизируя часть советских праздников (1 мая, 8 мая), власть открывает возможности для других политических акторов. Однако предложить новый нарратив праздника политическим партиям оказывается не под силу. Конкуренция, в которую включилась «Справедливая Россия» по поводу символов Праздника весны и труда, скорее носит характер сознательного вытеснения памяти советских практик празднования.

В особом положении находится «Единая Россия», которая как «партия власти» призвана поддержать практики празднования, предлагаемые Кремлем. В результате чего партия редко прибегает к формулированию

идеологии праздников, а использует их для сбора своих сторонников и поддержания лояльности.

В большинстве случаев у оппозиционных сил, не участвующих в парламентском обсуждении, просто нет ресурсов – ни интеллектуальных, ни организационных для формулирования и продвижения альтернативных нарративов, смыслов праздников. Поэтому они не систематически используют выходные дни, связанные с праздниками для проведения отдельных акций протеста.

В целом использование государственных праздников в современной России политическими акторами носит конъюнктурный, а не системный характер. Политические акторы выбирают *стратегии*, основываясь, с одной стороны, на своем статусе и ресурсах, которыми они обладают, с другой – на том, какие очки они смогут заработать, и лишь в последнюю очередь – идеологическими ориентациями. Политические партии, а также несистемные акторы в этих условиях вряд ли могут серьезно конкурировать за смыслы праздников, влиять на направления символической политики и интерпретации национальной идентичности на серьезном уровне. В результате, основная работа по работе с символическим ресурсом праздников ложится на власть.

Список источников и литературы

1. Источники:

1.1. Нормативные документы:

1. Закон РФ от 25.09.1992 N 3543-1 «О внесении изменений и дополнений в Кодекс законов о труде РСФСР». – М., 1992. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1043/ (Дата обращения: 15.04.2014.)
2. Кодекс законов о труде Российской Федерации (КЗоТ РФ) (утв. ВС РСФСР 09.12.1971). – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/kzot/> (Дата обращения: 11.09.2014.)
3. Постановление Верховного Совета РФ от 11 июня 1992 года «О праздничном дне 12 июня» N 2981-I (ВВСР 92-25). – М., 1992. – Режим доступа: http://www.innovbusiness.ru/pravo/DocumShow_DocumID_40882.html (Дата обращения: 15.11.2009.)
4. Постановление Съезда народных депутатов РСФСР от 25 мая 1991 г. «Об объявлении 12 июня нерабочим днем». – М., 1991. – Режим доступа: <http://iv.garant.ru/SESSION/PDA/linkProxy?subjectId=6315305&linkType=65537> (Дата обращения: 19.10.2014.)
5. Постановлению Верховного Совета РСФСР от 27.12.1990 N 2981-I «Об объявлении 7 января (Рождества Христова) нерабочим днём». – М., 1990. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=2895> (Дата обращения: 07.05.2013.)
6. Распоряжение Президента Российской Федерации от 5 июня 1992 г. N 282-рп. – М., 1992. – Режим доступа:

- <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=204323>
(Дата обращения: 19.10.2014.)
7. Указ Президента Российской Федерации № 1296 от 16 ноября 2006 г. «О внесении изменений в акты президента Российской Федерации по вопросам государственного премирования достижений в области науки и техники, образования и культуры» // Президент России. – М., 2006. – Режим доступа: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?888196> (Дата обращения: 04.11.2014.)
 8. Указ Президента Российской Федерации от 1 мая 2013 года № 427 «О присвоении звания Героя Труда Российской Федерации». – М., 2013. – Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d46036b55404532334.pdf>
(Дата обращения: 23.06.2014.)
 9. Указ Президента Российской Федерации от 10 ноября 1993 г. N 1889 «О Государственных премиях Российской Федерации в области литературы и искусства». – М., 1993. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=204784;fld=134;from=218166-8;rnd=0.6306248975268953> (Дата обращения: 19.10.2014.)
 10. Указ Президента Российской Федерации от 15.04.1996 № 561 «О Знамени Победы». – М., 1996. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=260573>
(Дата обращения: 09.12.2014.)
 11. Указ Президента Российской Федерации от 2 июня 1994 года № 1113 «О государственном празднике Российской Федерации» // Президент России. – М., 1994. – Режим доступа: <http://document.kremlin.ru/page.aspx?1204181> (Дата обращения: 19.10.2014.)
 12. Указ Президента Российской Федерации от 20 апреля 2014 года № 257 «О присвоении звания Героя Труда Российской Федерации». – М.,

2014. – Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d4d87a87d86a051106.pdf> (Дата обращения: 23.06.2014.)
13. Указ Президента Российской Федерации от 21 июня 2004 г. N 785 «О совершенствовании системы государственного премирования за достижения в области науки и техники, образования и культуры» // Российская газета. – М., 2004. – 23 июня. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2004/06/23/premii-dok.html> (Дата обращения: 25.10.2014.)
14. Указ Президента РСФСР от 6 ноября 1991 г. N 169 «О деятельности КПСС и КП РСФСР». – М., 1991. – Режим доступа: <http://iv.garant.ru/SESSION/PDA/linkProxy?subjectId=1583202&linkType=65537> (Дата обращения: 18.10.2014.)
15. Указ Президента РФ N 294 «Об установлении звания Героя Труда Российской Федерации». – М., 2013. – Режим доступа: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;3563024> (Дата обращения: 23.06.2014.)
16. Указ Президента РФ от 07.11.1996 N 1537 «О дне согласия и примирения» // Президент России. – М., 1996. – Режим доступа: <http://document.kremlin.ru/page.aspx?1204000> (Дата обращения: 13.04.2014.)
17. Указ Президента РФ от 09.12.1994 N 2167 «О нерабочем дне 12 декабря». – М., 1994. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5150/ (Дата обращения: 20.10.2014.)
18. Указ Президента РФ от 15.05.2009 N 549 «О комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» // Президент России. – М., 2009. – Режим доступа: <http://document.kremlin.ru/page.aspx?1128040> (Дата обращения: 24.05.2014.)

19. Указ Президента РФ от 19 сентября 1994 г. N 1926 «О дне Конституции Российской Федерации». – М., 1994. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/102182/> (Дата обращения: 20.10.2014.)
20. Указ Президента РФ от 21.06.2007 N 796 «О создании фонда “Русский мир”» // Президент России. – М., 2007. – Режим доступа: <http://document.kremlin.ru/page.aspx?1095311> (Дата обращения: 01.05.2014.)
21. Указ Президента РФ от 7 февраля 1995 г. N 99 «О дополнительных мерах по подготовке к празднованию памятных дат Великой Отечественной войны 1941-1945 годов». – М., 1995. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/10103941/#ixzz3GziK5НАК> (Дата обращения: 23.10.2014.)
22. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об объявлении 1 января нерабочим днём» // Известия. – М., 1947. – 24 декабря, №302 (9524). – С. 1.
23. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об объявлении 9 мая нерабочим днём» // Труд. – М., 1965. – 28 апреля, №99 (13488). – С. 1.
24. Федеральный закон от 13 марта 1995 г. N 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России». – М., 1995. – Режим доступа: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_42584.html (Дата обращения: 21.10.2014.)
25. Федеральный закон от 13 марта 1995 г. N 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России». – М., 1995. – Режим доступа: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_42584.html (Дата обращения: 21.10.2014.)
26. Федеральный закон от 15.04.2006 N 48-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России». – М., 2006. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=59595> (Дата обращения: 01.05.2014.)

27. Федеральный закон от 21 июля 2005 г. N 98-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О днях воинской славы (победных днях) России”». – М., 2005. – Режим доступа: http://base.garant.ru/188404/#block_30#ixzz3H006gkYF (Дата обращения: 23.10.2014.)
28. Федеральный закон от 24 октября 2007 г. N 231-ФЗ «О внесении изменения в статью 1.1 Федерального закона “О днях воинской славы и памятных датах России”». – М., 2007. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/192057/> (Дата обращения: 20.10.2014.)
29. Федеральный закон от 29 декабря 2004 N 201-ФЗ «О внесении изменений в статью 112 Трудового кодекса Российской Федерации». – М., 2004. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50993/#p23 (Дата обращения: 23.10.2014.)
30. Федеральный закон от 29.12.2004 N 200-ФЗ «О внесении изменений в статью 1 Федерального закона «О днях воинской славы (победных днях) России»». – М., 2004. – Режим доступа: <http://www.bestpravo.ru/federalnoje/ew-zakony/a7g.htm> (Дата обращения: 21.10.2014.)
31. Федеральный закон от 9 мая 2006 г. N 68-ФЗ «О почетном звании Российской Федерации “Город воинской славы”». – М., 2006. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/189454/> (Дата обращения: 24.05.2014.)

1.2. Выступления и официальные заявления президентов Российской Федерации:

32. Ельцин Б.Н. Нам предстоит создать основы новой жизни: Выступление Б.Н. Ельцина по телевидению // Российская газета. – №290 (336), 31 декабря. – С. 1.

33. Ельцин Б.Н. Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: «Об укреплении Российского Государства». – М., 1994. – Режим доступа: <http://www.intelros.ru/?newsid=58> (Дата обращения: 15.04.2014.)
34. Ельцин Б.Н. Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: «Россия за которую мы в ответе». – М., 1996. – Режим доступа: http://yeltsin-archive.ru/load_file.php?filename=/upload/iblock/317/pp_1996.doc (Дата обращения: 22.10.2014.)
35. Медведев Д.А. Выступление на Военном параде в честь 63-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // Президент России. - М., 2008. - 9 мая. - Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/transcripts/30> (Дата обращения: 09.05.2014.)
36. Медведев Д.А. Выступление на военном параде в честь 64-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // Президент России. - М., 2009. - 9 мая. - Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2009/05/09/1012_type82634type122346_216060.shtml (Дата обращения: 09.05.2014.)
37. Медведев Д.А. Выступление на военном параде, посвящённом 66-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне // Президент России. - М., 2011. - 9 мая. - Режим доступа: <http://президент.рф/выступления/11196> (Дата обращения: 09.05.2014.)
38. Медведев Д.А. Выступление на государственном приёме по случаю национального праздника – Дня России // Президент России. – М., 2010. – 12 июня. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/8030> (Дата посещения: 17.11.2014.)
39. Медведев Д.А. Выступление на государственном приёме по случаю национального праздника – Дня России // Президент России. – М., 2011. – 12 июня. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/11544> (Дата посещения: 17.11.2014.)

- 40.Медведев Д.А. Выступление на торжественном приёме по случаю празднования Дня России // Президент России. – М., 2008. – 12 июня. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/410> Дата посещения: 17.11.2014.)
- 41.Медведев Д.А. Выступление на торжественном приёме по случаю празднования Дня России // Президент России. – М., 2009. – 12 июня. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/4427> (Дата посещения: 17.11.2014.)
- 42.Медведев Д.А. Выступление на торжественном приёме по случаю празднования Дня народного единства // Президент России. – М., 2010. – Режим доступа: <http://президент.рф/новости/9425> (Дата обращения: 03.03.2011.)
- 43.Медведев Д.А. Выступление на торжественном приеме, посвящённом Дню народного единства // Президент России. – М., 2008. – 4 ноября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/1966/print> (Дата обращения: 08.04.2010.)
- 44.Медведев Д.А. Выступление на церемонии вручения государственных наград иностранным гражданам за большой вклад в укрепление дружбы и сотрудничества с Россией // Президент России. – М., 2009. – 4 ноября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/5909/print> (Дата обращения: 08.04.2010.)
- 45.Медведев Д.А. Выступление на церемонии вручения Государственных премий Российской Федерации // Президент России. – М., 2010. – 12 июня. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/8028> (Дата посещения: 17.11.2014.)
- 46.Медведев Д.А. Выступление на церемонии вручения Государственных премий Российской Федерации // Президент России. – М., 2011. – 12 июня. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/11542> (Дата посещения: 17.11.2014.)

- 47.Медведев Д.А. Выступление Президента России на параде, посвящённом 65-летию Победы в Великой Отечественной войне // Президент России. - М., 2010. - 9 мая. - Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/7685> (Дата обращения: 09.05.2014.)
- 48.Медведев Д.А. Новогоднее обращение к гражданам России // Президент России. - М., 2009 - 31 декабря. - Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/6557> (Дата обращения: 23.08.2014.)
- 49.Медведев Д.А. Россия, вперёд! // Президент России. – М., 2009. – 10 сентября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/5413> (Дата посещения: 17.11.2014.)
- 50.Путин В.В. Вступительное слово на церемонии вручения Государственных премий Российской Федерации в области науки и технологий, литературы и искусства // Президент России. – М., 2005. – 12 июня. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/23019> (Дата посещения: 04.11.2014.)
- 51.Путин В.В. Выступление на военном параде в ознаменование 67-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // Президент России. - М., 2012. - 9 мая. - Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/15271> (Дата обращения: 09.05.2014.)
- 52.Путин В.В. Выступление на Военном параде в честь 60-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // Президент России. – М., 2005. – 9 мая. – Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2005/05/09/1100_type63374type82634type122346_87819.shtml (Дата обращения 18.11.2012.)
- 53.Путин В.В. Выступление на военном параде в честь 61-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // Президент России. - М., 2006. - 9 мая. - Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2006/05/105473.shtml> (Дата обращения: 09.05.2014.)

54. Путин В.В. Выступление на военном параде в честь 62-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // Президент России. - М., 2007. - 9 мая. - Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/05/09/1127_type63374type82634type122346_127658.shtml (Дата обращения: 09.05.2014.)
55. Путин В.В. Выступление на Военном параде в честь 69-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // Президент России. - М., 2014. - 9 мая. - Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/20989> (Дата обращения: 09.05.2014.)
56. Путин В.В. Выступление на встрече с представителями общественных неполитических организаций // Президент России. – М., 2001. – 12 июня – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/21259> (Дата посещения: 04.11.2014.)
57. Путин В.В. Выступление на встрече с членами Правительства, руководством Федерального Собрания и членами президиума Государственного совета // Президент России. – М., 2005. – 5 сентября. – Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2005/09/05/1531_type63374type63378type82634_93296.shtml (Дата посещения: 04.11.2014.)
58. Путин В.В. Выступление на государственном приеме, посвященном Дню народного единства // Президент России. – М., 2006. – 4 ноября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/23882> (Дата обращения: 14.08.2014.)
59. Путин В.В. Выступление на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» // президент России. – М., 2013. – 19 сентября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/19243> (Дата обращения: 11.09.2014.)
60. Путин В.В. Выступление на приёме по случаю Дня народного единства // Президент России. – М., 2012. – 4 ноября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/16752> (Дата обращения: 24.05.2014.)

61. Путин В.В. Выступление на приеме по случаю Дня России // Президент России. – М., 2002. – 12 июня. – Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2002/06/12/0001_type82634type122346_28953.shtml (Дата посещения: 04.04.2010.)
62. Путин В.В. Выступление на приеме по случаю празднования Дня России // Президент России. – М., 2005. – 12 июня. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/23021> (Дата посещения: 04.11.2014.)
63. Путин В.В. Выступление на торжествах по случаю Дня России // Президент России. – М., 2003. – 12 июня – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/22023> (Дата посещения: 04.11.2014.)
64. Путин В.В. Выступление на торжествах, посвященных Дню России // Президент России. – М., 2004. – 12 июня. – Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2004/06/12/1433_type63374type122346_72691.shtml. (Дата посещения: 05.04.2010.)
65. Путин В.В. Выступление на торжественном вечере, посвященном Дню защитника Отечества // Президент России. – М., 2002. – 22 февраля. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/transcripts/21513> (Дата обращения: 24.05.2014.)
66. Путин В.В. Выступление на торжественном вечере, посвященном Дню защитника Отечества // Президент России. – М., 2014. – 20 февраля. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/20293> (Дата обращения: 01.05.2014.)
67. Путин В.В. Выступление на торжественном вечере, посвященном Дню защитника Отечества // Президент России. – М., 2008. – 23 февраля. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/transcripts/24857> (Дата обращения: 24.05.2014.)
68. Путин В.В. Выступление на торжественном приеме по случаю Дня народного единства // Президент России. – М., 2013. – 4 ноября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/19562> (Дата обращения: 24.05.2014.)

69. Путин В.В. Выступление на торжественном приеме по случаю Дня принятия Декларации о государственном суверенитете России // Президент России. – М., 2000. – 12 июня – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/21465> (Дата посещения: 04.11.2014.)
70. Путин В.В. Выступление на торжественном приеме, посвященном Дню народного единства // Президент России. – М., 2005. – 4 ноября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/23252> (Дата обращения: 14.08.2014.)
71. Путин В.В. Выступление на торжественном собрании, посвященном 225-летию Центрального духовного управления мусульман России // Президент России. – Уфа, 2013. – 22 октября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/19473> (Дата обращения: 01.05.2014.)
72. Путин В.В. Выступление на церемонии вручения государственных премий в области литературы и искусства за 1999 год // Президент России. – М., 2000. – 12 июня. – Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2000/06/12/0001_type122346_125348.shtml (Дата посещения: 06.04.2010.)
73. Путин В.В. Новогоднее обращение к гражданам России // Президент России. – М., 2003. – 31 декабря. – Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2003/12/31/2355_type82634type122346_57937.shtml (Дата обращения: 23.08.2014.)
74. Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. – М., 2012. – 12 декабря. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/17118> (Дата обращения: 25.10.2014.)
75. Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. – М., 2005. – 25 апреля. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2005/04/25/poslanie-text.html> (Дата обращения: 17.12.2014.)

76. Путин В.В. Выступление на приёме в честь Дня России // Президент России. - М., 2012. - 12 июня. - Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/15629> (Дата посещения: 24.06.2013.)
77. Путин В.В. Выступление на приёме в честь Дня России // Президент России. - М., 2013. - 12 июня. - Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/18325> (Дата посещения: 24.06.2013.)

1.3. Материалы сайта Президента РФ:

78. В преддверии Дня защитника Отечества в Кремле состоялась церемония вручения государственных наград // Президент России. - М., 2010. - 19 февраля. - Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/6926> (Дата обращения: 24.05.2014.)
79. Владимир Путин поздравил православных христиан, всех граждан России с Рождеством Христовым // Президент России. - М., 2008. - 7 января. - Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/43613> (Дата обращения: 18.11.2014.)
80. Встреча с Патриархом Московским и всея Руси Алексием II // Президент России. - М., 2005. - 7 января. - Режим доступа: <http://kremlin.ru/transcripts/22771> (Дата обращения: 18.11.2014.)
81. Дмитрий Медведев поздравил православных христиан, всех граждан России с Рождеством Христовым // Президент России. - М., 2009. - 7 января. - Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/2768> (Дата обращения: 18.11.2014.)
82. Приём по случаю Дня народного единства // Президент России. - М., 2014. - 4 ноября. - Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/46916> (Дата обращения: 04.11.2014.)
83. Торжественный вечер, посвящённый Дню защитника Отечества // Президент России. - М., 2014. - 20 февраля. - Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/20293> (Дата обращения: 24.05.2014.)

1.4. Поздравительные обращения председателей Госдумы:

84. Грызлов Б. Поздравление Председателя Государственной Думы Бориса Грызлова с 8 марта. - М., 2009. - 10 марта. - Режим доступа: http://www.duma.gov.ru/news/274/58732/?sphrase_id=1215961 (Дата обращения: 10.01.2014.)

1.5. Стенограммы заседаний органов власти:

85. Стенограмма заседания 20 мая 1998 г. // Государственная дума. - М., 1998. - 20 мая. - Режим доступа: <http://api.duma.gov.ru/api/transcriptFull/1998-05-20> (Дата обращения: 04.04.2014.)

86. Стенограмма заседания 13 февраля 2004 г. N 7(721) // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. - М., 2004. - Режим доступа: <http://transcript.duma.gov.ru/node/1367/> (Дата обращения: 25.10.2014.)

87. Стенограмма заседания 23 ноября 2004 г. № 61(775) // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. - М., 2004. - 23 ноября - Режим доступа: <http://transcript.duma.gov.ru/node/1197/#sel=> (Дата обращения: 14.12.2011.)

88. Стенограмма заседания 10 июня 2005 г., N 105(819) // Государственная дума. - М., 2005. - 10 июня. - Режим доступа: <http://transcript.duma.gov.ru/node/1064/> (Дата посещения: 19.10.2014.)

89. Стенограмма заседания 14 июня 2006 г., N 170(884) // Государственная дума. - М., 2006. - 14 июня. - Режим доступа: <http://transcript.duma.gov.ru/node/877/> (Дата посещения: 19.10.2014.)

90. Стенограмма заседания 21 февраля 2007 г., N 213(927) // Государственная дума. - М., 2007. - 21 февраля. - Режим доступа: <http://transcript.duma.gov.ru/node/748/> (Дата обращения: 04.04.2014.)
91. Стенограмма заседания 08 июня 2007 г., N 234(948) // Государственная дума. - М., 2007. - 8 июня. - Режим доступа: <http://transcript.duma.gov.ru/node/686/> (Дата посещения: 19.10.2014.)
92. Стенограмма заседания 22 февраля 2011г // Государственная дума. - М., 2011. - 22 февраля. - Режим доступа: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3386/> (Дата обращения: 04.04.2014.)
93. Стенограмма заседания 22 февраля 2013 г. // Государственная дума. - М., 2013. - 22 февраля. - Режим доступа: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3808/> (Дата обращения: 04.04.2014.)

1.6. Опросы общественного мнения:

94. Пресс-выпуск №2653. «Символы России: знаем и гордимся!» // ВЦИОМ. - М., 2014. - 20 августа. - Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114943> (Дата посещения: 17.11.2014.)
95. Какой же «главный» праздник у России? // Левада-центр. - М., 2006. - 9 июня. - Режим доступа: <http://www.levada.ru/09-06-2006/kakoi-zhe-glavnyi-prazdnik-u-rossii> (Дата обращения: 03.12.2014.)
96. Важные праздники // Левада-Центр. - М., 2014. - 20 февраля. - Режим доступа: <http://www.levada.ru/20-02-2014/vazhnye-prazdniki> (Дата обращения: 24.06.2014.)
97. 12 июня - день независимости России: Опрос населения // ФОМ. - М., 2002. - 6 июня. - Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/map/az/0-9/429_1993/dd022227 (Дата посещения: 04.11.2014.)

98. Что мы праздновали 12 июня? // ВЦИОМ. – М., 2006. – 16 июня. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=266&uid=2744> (Дата обращения: 03.12.2014.)

1.7. Интервью:

99. Интервью с М.В. Рогожниковым. – М., 2011. – 17 марта. – Из личного архива автора.

1.8. Материалы политических партий и общественных объединений:

100. «День России без Путина» собрал 5 тысяч участников // Яблоко. – М., 2012. – 12 июня. – Режим доступа: http://www.yabloko.ru/regnews/Spb/2012/06/13_0 (Дата посещения: 17.11.2014.)

101. «Единая Россия» поздравила россиян с Днем народного единства // Официальный сайт ВОО «Молодая Гвардия Единой России». – М., 2011. – 4 ноября. – Режим доступа: <http://www.molgvardia.ru/nextday/2011/11/04/36880> (Дата обращения: 24.05.2014.)

102. «Справедливая Россия» празднует Первомай. – М., 2007. – 1 мая. – Режим доступа: <http://www.novopol.ru/--spravedlivaya-rossiya-prazdnuet-pervomay-text20312.html> (Дата обращения: 24.05.2014.)

103. 15-летие провозглашения Декларации независимости России: что это сегодня? // Сайт партии «Яблоко». – М., 2005. – 12 июня. – Режим доступа: http://www.yabloko.ru/Publ/2005/2005_06/050614_echo_yashin.html (Дата посещения: 04.11.2014.)

104. 4 ноября – неудачная попытка заполнить идеологическую пустоту (3 ноября 2009 года) // Сайт политической партии «Правое дело». – М., 2009. – 3 ноября. – Режим доступа: <http://test.pravoedelo.ru/node/7055> (Дата обращения: 24.12.2010.)
105. Forum GenderQueer. – М., 2013. – Режим доступа: <http://genderfree.net/viewtopic.php?f=38&t=1027> (Дата обращения: 20.05.2014.)
106. Акции протеста 23 февраля 2012 года прошли по всей стране. Репортажи. – М., 2012. – 24 февраля. – Режим доступа: <http://kprf-kchr.ru/?q=content/%D0%B0%D0%BA%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B0-23-%D1%84%D0%B5%D0%B2%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8F-2012-%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%88%D0%BB%D0%B8-%D0%BF%D0%BE-%D0%B2%D1%81%D0%B5%D0%B9-%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B5-%D1%80%D0%B5%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%D0%B0%D0%B6%D0%B8> (Дата обращения: 04.04.2014.)
107. Болотина Т. Свобода! Равенство! Сестринство! – М., 2014. – 8 марта. – Режим доступа: <http://womenation.org/свобода-равенство-сестринство/> (Дата обращения: 20.05.2014.);
108. В День России в Петербурге прошел митинг против нового закона о референдуме // Сайт Российской Объединенной демократической партии «Яблоко». – М., 2004. – 17 июня. – Режим доступа: <http://www.yabloko.ru/Press/2004/0406171.html> (Дата посещения: 08.01.2011).
109. В Липецке прошел общегородской митинг, посвящённый Дню России // Официальный сайт политической партии «Правое дело». – Липецк, 2009. – 12 июня. – Режим доступа:

- <http://www.pravoedelo.ru/news/v-lipetske-proshel-obshchegorodskoi-miting-posvyashchennyi-dnyu-rossii> (Дата посещения:23.04.2011.)
110. В Москве прошли Первомайская демонстрация и праздничный митинг СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ // Справедливая Россия. – М., 2014. – 1 мая. – Режим доступа: http://www.spravedlivo.ru/5_60297.html (Дата обращения: 24.05.2014.)
111. Велопробег в честь праздника // Официальный сайт политической партии «Единая Россия». – М., 2006. – 13 июня. – Режим доступа: <http://er.ru/text.shtml?1/7974> (Дата посещения: 10.04.2011.)
112. Вместе – за одно! 4 ноября Россия празднует день народного единства // Официальный сайт политической партии «Единая Россия». – М., 2008. – Режим доступа: <http://er.ru/text.shtml?16/6562,110721> (Дата обращения: 10.01.2011.)
113. Волкова Э.Н. Протест в обществе будет нарастать // Рязанское областное отделение КПРФ. – Рязань, 2005. – 12 июня. – Режим доступа: http://www.kprf.ryazan.ru/2005/20050617_01.htm (Дата посещения: 19.10.2014.)
114. Г.А.Зюганов: Поздравляю с Рождеством Христовым – одним из самых любимых народных праздников // Коммунистическая партия Российской Федерации. – М., 2011. – 7 января. – Режим доступа: http://kprf.ru/rus_soc/86451.html (Дата обращения: 18.11.2014.)
115. День защитника Отечества: С праздником! // Официальный сайт партии «Единая Россия». - М., 2012. - 23 февраля. - Режим доступа: <http://er.ru/news/2012/2/23/den-zashitnika-otechestva-s-prazdnikom/> (Дата обращения: 04.04.2014.)
116. День народного единства и актуальные страницы истории // Сайт Коммунистической партии Российской Федерации . – М., 2010. – 2 ноября. – Режим доступа: http://kprf.ru/rus_soc/84211.html (Дата обращения: 20.04.2011).

117. День народного единства: патриотический праздник или просто выходной? // Сайт Челябинского отделения Российской Объединенной демократической партии «Яблоко». – Челябинск, 2006. – 4 ноября. – Режим доступа: <http://www.chel.yabloko.ru/actually/index.phtml?id=557> (Дата обращения: 08.01.2011.)
118. День рождения в День России // Официальный сайт политической партии «Единая Россия». – М., 2005. – 14 июня. – Режим доступа: <http://er.ru/text.shtml?2/9256> (Дата посещения: 10.04.2011).
119. День рождения России // Официальный сайт «Либерально-демократической партии России». – М., 2009. – 10 июля. – Режим доступа: http://www.ldpr.ru/ldpr_talks/analytics/birthday_russia (Дата обращения: 23.04.2011).
120. День рождения России // Официальный сайт «Либерально-демократической партии России». – М., 2009. – 10 июня. – Режим доступа: http://www.ldpr.ru/ldpr_talks/analytics/birthday_russia (Дата посещения: 23.04.2011.)
121. День России — это праздник всех, кому дорога Родина // Официальный сайт политической партии «Единая Россия». – М., 2006. – 13 июня. – Режим доступа: <http://er.ru/text.shtml?1/8807> (Дата посещения: 10.04.2011).
122. Зюганов Г. Поздравление Председателя ЦК КПРФ Г.А.Зюганова с Международным женским днём 8 марта // КПРФ. - М., 2014. - 7 марта. - Режим доступа: <http://www.politpros.com/events/3048/> (Дата обращения: 24.04.2014.).
123. Зюганов Г.А. Поздравление Г.А. Зюганова с 8 марта. - М., 2013. - 7 марта. - Режим доступа: <http://www.zyuganov.kprf.ru/news/pozdravlenie-g-a-zyuganova-s-8-marta-dorogie-nashi-lyubimye-zhenshchiny-materi-i-sestry-zheny-i-docheri> (Дата обращения: 24.04.2014.);

124. Зюганов Г.А. С праздником 1 мая! Поздравление от Г.А.Зюганова // КПРФ. – Режим доступа: <http://www.cprfspb.ru/2324.html> (Дата обращения: 24.05.2014.)
125. Зюганов Г.А. Спасибо, любимые! Г.А. Зюганов поздравляет женщин с 8 марта. - М., 2012. - 8 марта. - Режим доступа: http://kprf.ru/rus_soc/103817.html (Дата обращения: 24.04.2014.)
126. Информация «О предварительных итогах участия региональных отделений КПРФ в празднованиях Первомая 2005 года» // КПРФ. – М., 2005. – 7 мая. – Режим доступа: <http://cprf.info/upload/orgotdel.doc> (Дата обращения: 24.05.2014.)
127. ЛДПР провела митинг, посвященный Дню народного единства // Официальный сайт «Либерально-демократической партии России». – М., 2008. – 4 ноября. – Режим доступа: http://www.ldpr.ru/events/Day_of_National_Unity (Дата обращения: 08.01.2011.)
128. Мероприятия партии «Единая Россия» в День народного единства // Официальный сайт политической партии «Единая Россия». – М., 2012. – 2 ноября. – Режим доступа: <http://er.ru/news/92881/> (Дата обращения: 10.12.2014.)
129. На плакатах ко Дню Победы должны быть герои войны // ЛДПР. – М., 2010. – 26 февраля. – Режим доступа: http://лдпр.рф/events/The_posters_Victory_Day_to_be_war_heroes/ (Дата обращения: 04.11.2014.)
130. Национальная идентичность и будущее России: Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». – М., 2014. – 74 с. – Режим доступа: http://vid1.rian.ru/ig/valdai/doklad_identichnost_RUS_ISBN.pdf (Дата обращения: 11.09.2014.)
131. О проведении Всероссийской акции посвященной Дню международной солидарности трудящихся 1 мая 2006 года. Справка //

- КПРФ. – М., 2006. – 3 мая. – Режим доступа: http://kprf.ru/news/party_news/41457.html (Дата обращения: 24.05.2014.)
132. Обухов С.П. «День победы» Бориса Николаевича над Михаилом Сергеевичем, именуемый теперь «Днем России» // Сайт Коммунистической партии Российской Федерации. – М., 2008. – 12 июня. – Режим доступа: http://kprf.ru/rus_soc/57755.html (Дата посещения: 20.04.2011).
133. Отмена празднования 4 ноября – «Дня народного единства» // Коммунистическая партия Российской Федерации. – М., 2013. – 10 ноября. – Режим доступа: <http://ni.kprf.ru/n/870/> (Дата обращения: 24.05.2014.)
134. Партия «ЯБЛОКО» в День России участвовала в «Марше за вашу и нашу свободу!» // Яблоко. – М., 2013. – 12 июня. – Режим доступа: <http://www.yabloko.ru/regnews/Moscow/2013/06/12> (Дата посещения: 17.11.2014.)
135. Поздравление партии «ПРАВОЕ ДЕЛО» с Днем России // Правое дело. – М., 2012. – 12 июня. – Режим доступа: <http://old.pravoedelo.ru/news/pozdravlenie-partii-«pravoe-delo»-s-dnem-rossii> (Дата посещения: 08.09.2014).
136. Простим нашим предкам политические ошибки! // Официальный сайт «Либерально-демократической партии России». – М., 2010. – 11 июня. – Режим доступа: http://www.ldpr.ru/events/Forgive_our_ancestors_political_mistakes (Дата посещения: 23.04.2011.)
137. Сайт в защиту Георгиевской ленты. – Режим доступа: <http://www.za-lentu.ru/> (Дата обращения: 10.05.2014.)
138. Собrania, митинги и протестные акции 23 февраля 2011 года // КПРФ. – М., 2011. – 28 февраля. – Режим доступа: <http://kprf.ru/actions/88396.html> (Дата обращения: 24.05.2014.)

139. Социал-демократы встретили 8 марта шествием. – 2014. – 13 марта. – Режим доступа: <http://levsd.ru/?cat=20> (Дата обращения: 20.05.2014.).
140. СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ отметила 1 Мая маевкой в центре столицы // Справедливая Россия. – М., 2013. – 1 мая. – Режим доступа: http://www.spravedlivo.ru/5_48486.html (Дата обращения: 24.05.2014.)
141. СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ отметила Первомай // Справедливая Россия. – М., 2010. – 1 мая. – Режим доступа: http://www.srduma.ru/5_32310.htm (Дата обращения: 24.05.2014.)
142. Этот день очень важен для страны // Официальный сайт «Либерально-демократической партии России». – М., 2010. – 4 ноября. – Режим доступа: http://www.ldpr.ru/events/LDPR_for_a_unification_of_Russia (Дата обращения: 08.01.2011.)
143. Я свободен!: О нас. – М., 2006. – 15 июня. – Режим доступа: <http://web.archive.org/web/20070701183353/www.yasvoboden.ru/index.php?s=content&p=about> (Дата посещения: 19.10.2014.)
144. Явлинский Г.А. День Победы - день памяти, скорби и молитвы // Сайт политической партии «Яблоко». – М., 2005. – 5 мая. – Режим доступа: http://www.yabloko.ru/Press/Docs/2005/0506_pobeda.html (Дата обращения: 24.05.2014.)

1.9. Мемуары:

145. Ельцин Б.Н. Президентский марафон: Размышления, воспоминания, впечатления. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. – Режим доступа: <http://www.lib.ru/MEMUARY/ELCIN/marafon.txt> (Дата обращения: 23.10.2014.)

1.10. Публикации в СМИ:

146. «Единая Россия» вышла на демонстрацию 1 мая вместе с профсоюзами // КМ.RU. – М., 2011. – 1 мая. – Режим доступа: <http://www.km.ru/v-rossii/2011/05/01/trudovoe-zakonodatelstvo/edinaya-rossiya-vyshla-na-demonstratsiyu-1-maya-vmeste-> (Дата обращения: 23.06.2014.).
147. «Русский марш»-2013 стал самым успешным за девять лет // Новый регион. – М., 2013. – 5 ноября. – Режим доступа: http://nr2.com.ua/News/world_and_russia/%C2%ABrusckij-marsh%C2%BB-2013-stal-samym-uspeshnym-za-devjat-let-49856.html (Дата обращения: 16.09.2014.)
148. 1993: Спецпроект // Коммерсант. – М., 2013. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2309642> (Дата обращения: 20.10.2014.)
149. Акция «Георгиевская ленточка» проходит далеко за пределами России // СТОЛИЦА FM. – М., 2014. – 6 мая. – Режим доступа <http://stolica.fm/read/13700/> (Дата обращения: 09.05.2014.) и др.
150. Аптекарь П. День Победы в России — больше чем праздник // Ведомости. - М., 2011. - 6 мая. - Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/6777131/den_pobedy_v_rossii_bolshe_chem_prazdnik (Дата обращения: 04.04.2014.)
151. Борис Грызлов поздравил россиян с Днем России // РИА «Новости». – М., 2006. – 12 июня. – Режим доступа: <http://ria.ru/politics/20060612/49348366.html#14161624926344&message=resize&relto=login&action=removeClass&value=registration> (Дата посещения: 04.11.2014.)
152. Бородина А. Телелидеры // Коммерсант. – М., 2007. - 8 ноября, № 205 (3781). – С. 6.
153. В Кремле идет церемония вручения военных знамен // Коммерсант. - М., 2002. - 21 февраля. - Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/934161> (Дата обращения: 04.04.2014.)

154. В Новопушкинском сквере и на Калужской площади задержали сторонников «Яблока» и Pussy Riot // Известия. - М., 2012. - 8 марта. - Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/546367> (Дата обращения: 10.01.2014.)
155. В.Жириновский: Нужно отменить каникулы и выйти на работу 2 января // РБК. - М., 2013. - 23 декабря. - Режим доступа: <http://top.rbc.ru/economics/23/12/2013/896411.shtml> (Дата обращения: 09.05.2014.)
156. Вишневский Б. Какой праздник был 7 ноября? – М., 2001. – Режим доступа: http://www.russia-today.ru/old/archive/2001/no_22/22_talks_2.htm (Дата обращения: 23.10.2014.)
157. Владимир Путин поздравил православных россиян с праздником Пасхи // Lenta.ru. - М., 2005. - 1 мая. - Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2005/05/01/putin1> (Дата обращения: 23.06.2014.)
158. Владимир Путин поздравил россиян с Праздником Весны и Труда // Российская газета. - М., 2014. - 1 мая. - Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/05/01/pozdravlenie-anons.html> (Дата обращения: 23.06.2014.)
159. Владимир Путин: наш приоритет — надежная обороноспособность России // Коммерсант. - М., 2013. - 23 февраля. - Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2134245?isSearch=True> (Дата обращения: 04.04.2014.)
160. Владимирова Н. Праздник в чуме // Коммерсант. – М., 2006. - 7 ноября, № 207/В (3538). – С. 5
161. Всероссийская акция «Российский триколор» стартует 8 июня // Псковская лента новостей. – Псков, 2007. – Режим доступа: <http://pln-pskov.ru/news/42340.html> (Дата посещения: 19.10.2014.)
162. Гликин М. Вещь недели: Плакаты без Сталина // Ведомости. - М., 2010. - 30 апреля. - Режим доступа:

- <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2010/04/30/233058> (Дата обращения: 09.05.2014.)
163. Городецкая Н., Граник И., Таратута Ю., Хамраев В. России гарантировано прошлое // Коммерсант. – М., 2009. – 20 мая. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1172771> (Дата обращения: 24.05.2014.)
164. День работницы // Работница. – М., 1926. – №4. – С. 2.
165. Дмитрий Медведев поздравил россиян с Первомаем. - М., 2013. - 1 мая. - Режим доступа: <http://www.tatar-inform.ru/news/2013/05/01/358603/> (Дата обращения: 23.06.2014)
166. Дмитрий Медведев: «Нам не надо стесняться рассказывать правду о войне - ту правду, которую мы выстрадали» // Известия. – М., 2010. – 7 мая. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/361448> (Дата обращения: 09.05.2014.)
167. Домброва Е. Победный запрет // Ведомости. - М., 2010. - № 78 (2596), 30 апреля. - Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2010/04/30/233053> (Дата обращения: 09.05.2014.)
168. Ельцин о «национальной идее» // Независимая газета. – М., 1996. – 13 июля. – С. 1.
169. Женский день отметили пикетом в поддержку Pussy Riot // РБК. – М., 2013. – 8 марта. – Режим доступа: <http://top.rbc.ru/society/08/03/2013/848415.shtml> (Дата обращения: 20.05.2014.)
170. Жириновский предложил сократить новогодние каникулы до одного дня // KM.RU. - М., 2012. - 13 января. - Режим доступа: <http://www.km.ru/v-rossii/2012/01/13/prezidentskie-vybory-2012-goda/zhirinovskii-predlozhit-sokratit-novogodnie-kanik> (Дата обращения: 09.05.2014.)

171. Зафесова А. Путинская Россия хочет запретить «пропаганду гомосексуализма» // InoPressa. – М., 2013. – 22 января. – Режим доступа: <http://www.inopressa.ru/article/22jan2013/lastampa/propaganda> (Дата обращения: 25.10.2014.)
172. Иванов С.Б. Поздравление министра обороны Российской Федерации С.Б. ИВАНОВА с Днем защитника Отечества // Известия. - М., 2004. - 22 февраля. - Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/287263> (Дата обращения: 04.04.2014.)
173. Кабанова О. Традиция конных памятников может найти продолжение // Коммерсант. – М., 1994. – 1 марта, № 36. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/72423> (Дата обращения: 23.10.2014.)
174. Козенко А. «Правый марш» дал задний ход // Коммерсант. – М., 2005. - 9 ноября, № 210 (3294). – С. 8.
175. Козенко А. «Русские марши» пойдут друг на друга // Коммерсант. – М., 2009. – 5 октября, № 184/П (4239). – С. 4.
176. Козенко А., Ухова М. Националисты готовят пешие порядки // Коммерсант. – М., 2007. – 5 ноября, № 182 (3758). – С. 5.
177. Куприянова Е. С Днем России! – М., 2009. – Режим доступа: <http://www.smi.ru/09/06/11/909423512.html> (Дата обращения: 12.12.2009.)
178. Магомедов А. В Дагестане сторонники и противники Нового года вновь спорят о необходимости торжеств // Кавказский узел. – 2012. – 24 декабря. – Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/217748/> (Дата обращения: 24.05.2014.)
179. Малай Е. День России предлагают перенести на другую дату // Известия. - М., 2013. - 10 июля. - Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/553280> (Дата посещения: 16.09.2014.)
180. Меленберг А. День красного подарка // Время MN. – 2003. – 22 февраля. – Режим доступа:

- http://www.krotov.info/lib_sec/13_m/mel/enberg.htm (Дата обращения: 04.04.2014.)
181. Митинг в Екатеринбурге 8 марта. – Екатеринбург, 2014. – 8 марта. – Режим доступа: <http://shaumaenigma.livejournal.com/132838.html> (Дата обращения: 24.04.2014.)
182. Муравьева И. Призывы, которые мы выбираем // Российская газета. – М., 1992. – № 101 (437), 1 мая. – С. 1.
183. Нагорных И. От губернаторов ждут Победы любой ценой // Коммерсант. – М., 2014. – 10 ноября. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2607236> (Дата обращения: 24.12.2014.)
184. Независимая газета. – М., 1991. – №122, 8 октября. – 8 с.
185. Особую роль православия в России предлагают закрепить в Конституции // РИА «Новости». – М., 2013. – 22 ноября. – Режим доступа: <http://ria.ru/society/20131122/978993498.html#14143440989654&message=resize&relto=login&action=removeClass&value=registration> (Дата обращения: 25.10.2014.)
186. Павлова Н., Коробов П., Воронов А. Верховный суд пошел на жертвоприношение // Коммерсант. – М., 2011. – 28 сентября. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1783361?isSearch=True> (Дата обращения: 17.11.2014.)
187. Песков рассказал о зашкаливающем рейтинге Путина // Lenta.ru. – М., 2014. – 7 марта. – Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2014/03/07/rating> (Дата обращения: 25.10.2014.)
188. Петренко В. Майские праздники прибились к инаугурации // Газета.RU. – М., 2012. – 15 марта. – Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/social/2012/03/15/4092721.shtml> (Дата обращения: 08.04.2014.)

189. Правое крыло «Единой России» решило вернуть стране либеральные ценности // Lenta.Ru. – М., 2005. – 19 апреля. – Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2005/04/19/libedro/> (Дата посещения: 04.11.2014.)
190. Председатель Совета Федерации, лидер партии «Справедливая Россия» Сергей Миронов поздравил россиян с Днем народного единства. – М., 2006. – 4 ноября. – Режим доступа: <http://www.niann.ru/?id=306940> (Дата обращения: 21.04.2011.)
191. Приглашение в путинский золотой век // Власть. – М., 2007. – 12 ноября, № 44 (748). – С. 9.
192. Профсоюзам разрешили провести первомайскую демонстрацию на Красной площади // Интерфакс. - М., 2014. - 10 апреля. - Режим доступа: <http://www.interfax-russia.ru/Moscow/main.asp?id=489610> (Дата обращения: 10.05.2014.)
193. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. - М., 2012. - 23 января. - Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (Дата обращения: 18.11.2012.)
194. Путин возложил цветы к могиле неизвестного солдата // Коммерсант. - М., 2002. - 23 февраля. - Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/934267> (Дата обращения: 04.04.2014.)
195. Путин заверил, что РФ будет бороться с любыми проявлениями нацизма // ИТАР-ТАСС. – М., 2014. – 9 июля. – Режим доступа: <http://itar-tass.com/politika/1307415> (Дата обращения: 11.09.2014.)
196. Путин приехал на митинг в «Лужники» // Коммерсант. – М., 2012. – 23 февраля. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1879095> (Дата обращения: 24.05.2014.)
197. Романова О.В. Путин предложил ограничиться неделей новогодних каникул // Деловой квартал. - М., 2012. - 9 февраля. - Режим доступа: <http://www.dk.ru/news/vputin-predlozhil-ogranichitsya-nedelej-novogodnix-kanikul-236544570> (Дата обращения: 16.04.2014.)

198. Русский праздник // Коммерсант. – М., 2006. – 3 ноября, № 207 (3538). – С. 8.
199. С праздником Первомаю поздравил всех трудящихся Владимир Путин // Первый канал. – М., 2013. – 1 мая. – Режим доступа: <http://www.1tv.ru/news/social/257755> (Дата обращения: 23.06.2014.)
200. Савина Е. «Русский марш» доводят до президента // Коммерсант. – М., 2006. – 11 ноября, № 211 (3542). – С. 3.
201. Савина Е. «Русскому маршу» дали ход // Коммерсант. – М., 2008. – 6 ноября, № 201 (4018). – С. 7.
202. Савина Е. День националистического единства // Коммерсант. – М., 2005. – 7 ноября, № 208/П (3292). – С. 6.
203. Савина Е., Лаане Д., Козенко А. Защитники отечества объявили войну евреям // Коммерсант. – М., 2006. – №32, 26 февраля. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/652629> (Дата обращения: 04.04.2014.)
204. Сайдукова Р., Ууков М. Праздничные аресты // Независимая газета. – М., 2005. – 11 мая. – http://www.ng.ru/events/2005-05-11/6_aresty.html (Дата обращения: 24.05.2014.)
205. Сергей Шойгу поздравил военнослужащих и ветеранов с Днем защитника Отечества // ИТАР-ТАСС. – М., 2014. – 21 февраля. – Режим доступа: <http://itar-tass.com/politika/990613> (Дата обращения: 04.04.2014.)
206. Сивкова А., Казаков И. Минобороны одобрило идею учреждения Дня вежливых людей // Известия. – М., 2014. – 3 октября. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/577362> (Дата обращения: 25.10.2014.)
207. Соколова М., Яковлева Е. Прибавление смуты // Российская газета. – М., 2004. – 4 ноября. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2004/11/04/prazdnik.html> (Дата обращения: 23.10.2014.)
208. Сорокина Н. Наступление на День Победы // Российская газета. – М., 2004. – 1 декабря. – Режим доступа:

- <http://www.rg.ru/2004/12/01/den-pobedy.html> (Дата обращения: 17.12.2014.)
209. Теслова Е., Субботина С. Депутаты предлагают объявить 18 марта национальным праздником // Известия. – М., 2014. – 19 марта. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/567710> (Дата обращения: 25.10.2014.)
210. Тяжлов И. «Русский марш» с препятствиями // Коммерсант. – М., 2006. - 7 ноября, № 207/В (3538). – С. 3.
211. Тяжлов И. Москва отметила День народного единства // Коммерсант. – М., 2014. – 4 ноября. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2603433> (Дата обращения: 08.11.2014.)
212. Хамраев В. «Единая Россия» устроила мусульманам праздники // Коммерсант. – М., 2011. – 27 сентября. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/Doc/1781815> (Дата обращения: 17.11.2014.)
213. Черных А., Козенко А. «Русский марш» обернулся хороводом // Коммерсант. - М., 2011. – 7 ноября, № 207. – С. 3.

1.11. Видео-источники

214. Ельцин Б.Н., Путин В.В. Новогодние обращения Б. Ельцина и В. Путина (1999): Видео. – М., 1999. – 31 декабря. – Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=q0Zb8QqXo0A> (Дата обращения: 09.12.2014.)
215. Мавроди С. Новогоднее поздравление. – М., 1993. – 31 декабря. – Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=mTVeAfmHgIE> (Дата обращения: 09.12.2014.)
216. Новогодняя программа «Куклы». 31. 12. 1998 г. (часть 4) / НТВ. – М., 1998. – Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=JYz6TkaRjIg> (Дата обращения: 09.12.2014.)

217. Сергей Мавроди - НГ 1994. – 2010. – Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=moYvFn-UoeQ> (Дата обращения: 09.12.2014.)
218. Уличные беспорядки в Москве 1 мая 1993 года: Видео. – М., 1993. – Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=67B90iADadw> (Дата обращения: 20.10.2014.)
219. Фильм «Май тревог и надежд...» / Режиссер: Раменский В. – М., 1991. – Режим доступа: <http://www.net-film.ru/film-9920/> (Дата обращения: 20.10.2014.)
220. Фильм «Рождество Христово» / Режиссер: Хорьяков А.. – М., 1992. – Режим доступа: <http://www.net-film.ru/film-9958> (Дата обращения: 13.04.2014.)

2. Литература:

221. 14 июля / Посольство Франции в России. – М., 2013. – Режим доступа: <http://www.ambafrance-ru.org/14-ИЮЛЯ> (Дата обращения: 17.01.2014.)
222. 26 основных понятий политического анализа // Полис. – М., 1991. – № 4,5,6. – Режим доступа: <http://www.politnauka.org/library/teoria/26osn.php> (Дата обращения: 02.04.2014.)
223. Brand L.A. The Islamic State and the politics of official narratives // The Washington post. – Washington, D.C., 2014. – 8 September. – Mode of access: <http://www.washingtonpost.com/blogs/monkey-cage/wp/2014/09/08/the-islamic-state-and-the-politics-of-official-narratives/> (Дата обращения: 04.11.2014.)
224. Breckman W. Adventures of the symbolic : post-Marxism and radical democracy. – N.Y.: Columbia univ. press, 2013. – 354 p.

225. Campbell J.L. Ideas, politics, and public policy // Annual review of sociology. – Palo Alto, 2002. – Vol. 28. – P. 21-38.
226. Cerulo K.A. Symbols and the world system: National anthems and flags // Sociological Forum. – 1993. – Vol. 8, N 2. – P. 243-271.
227. Chouliaraki L., Fairclough N. Discourse in late Modernity – Rethinking critical discourse analysis. – Edinburgh: Edinburgh univ. press, 1999. – 168 p.
228. Dijk T. v. Discourse semantics and ideology // Discourse and society. – L., 1995. – Vol. 6, N 2. – P. 243-289.
229. Dorner A. Politischer Mythos und symbolische Politic : Sinnstiftung durch symbolischer Formen am Beispiel des Hermannsmythos. – Opladen: Westdt. Verl., 1985. – 421 S.
230. Edelman M. Politics as symbolic action. – Chicago : Markham Pub., 1971. – 188 p.
231. Edelman M. The symbolic uses of politics. – Urbana: Univ. of Illinois press, 1964. – 201 p.
232. Freedman M. Ideology: A very short introduction. – Oxford; N.Y.: Oxford univ. press, 2003. – 142 p.
233. Gill G.J. Symbolism and regime change in Russia. – Cambridge; N.Y.: Cambridge univ. press, 2013. – 246 p.
234. Goh D.P.S. State carnivals and the subvention of multiculturalism in Singapore // British journal of sociology. – L., 2011. – Vol. 62, N 1. – P. 111-133.
235. Gusfield J., Michalowicz J. Secular symbolism: Studies of ritual, ceremony and symbolic order in Modern life // Annual review of sociology. – 1984. – N 10. – P. 417-435.
236. Hall S. The question of cultural identity // Modernity and its futures / S. Hall, D. Held, T. McGrew. – Oxford: Polity Press, Open univ. press, 1992. – P. 274-316.

237. Kangaspuro M. The Victory day in history politics // Between utopia and apocalypse. Essays on social theory and Russia / Ed. by E. Kahla. – Jyvaskyla: Bookwell, 2011. – P. 292–304.
238. Koltso P. National symbols as signs of unity and division // Ethnic and racial studies. – 2006. – Vol. 29, N 4. – P. 676-701.
239. Kuutma K. Cultural identity, nationalism and changes in singing traditions. – Mode of access: <http://www.folklore.ee/folklore/vol2/ident.htm> (Дата обращения: 12.08.2014.).
240. Labov W., Waletzky J. Narrative analysis: Oral versions of personal experience // Essays on the verbal and visual arts / J. Helms (ed.). – Seattle: Univ. of Washington press, 1967. – Mode of access: <http://www.clarku.edu/~mbamberg/LabovWaletzky.htm> (Дата обращения: 24.06.2013.)
241. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and socialist strategy : towards a radical democratic politics. – L.: Verso, 1985. – 197 p.
242. Lasswell H. World politics and personal insecurity. – N.Y.: Free Press, 1965. – 238 p.
243. Mälksoo M. The memory politics of becoming European: The East European subalterns and the collective memory of Europe // European j. of international relations. – L., 2009. – Vol. 15, N 4. – P. 653–680.
244. Mead G. Mind, self and society. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1934. – 400 p.
245. Melucci A. Nomads of the present: social movements and individual needs in contemporary society. – Philadelphia : Temple univ. press, 1989. – 288 p.
246. Mukherji P.N. Social movement, conflict and change: Towards a theoretical orientation. – 2013. – Mode of access: <http://sjdspace.sagepub.com/wp-content/uploads/2013/09/EBul-Mukherji-March2013.pdf> (Дата обращения: 09.10.2013.)

247. National day's: Constructing and mobilising national identity / Ed. by D. McCrone and G. McPherson. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2009. – 288 p.
248. Onken E.-C. The Baltic states and Moscow's 9 May commemoration: Analyzing memory politics in Europe // *Europe-Asia Studies*. – Glasgow, 2007. – Vol. 59, N 1. – P. 23–46.
249. Plakso M. Dance festival - invented tradition? – Mode of access: http://www.estinst.ee/publications/estonianculture/I_MMIV/plakso.html (Дата обращения: 12.08.2014.).
250. Polkinghorne D. Narrative knowing and the human sciences. – Albany : State univ. of New York press, 1988. – 232 p.
251. Rodriguez J., Fortier T. Cultural memory: Resistance; faith; and identity. – Austin: Univ. of Texas press, 2007. – 154 p.
252. Roy S. Seeing a state: National commemorations and public sphere in India and Turkey // *Comparative studies in sociology and history*. – Cambridge; N.Y., 2006. – Vol. 48, N 1. – P. 200-232.
253. Smith K.E. Mythmaking in the new Russia: Politics and memory during the Yeltsin era. – Ithaca; L.: Cornell univ. press, 2002. – xi, 223 p.
254. Smith K.E. Mythmaking in the new Russia: Politics and memory during the Yeltsin era. – Ithaca; L.: Cornell univ. press, 2002. – xi, 223 p.
255. Sperber D. Rethinking symbolism / Transl. by A.L. Morton. – L.: Cambridge univ. press, 1975. – xiii, 153 p.
256. The invention of tradition / Ed. by Hobsbawm E. and Ranger T. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1983. – 320 p.
257. The invention of tradition / Ed. by Hobsbawm E. and Ranger T. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1983. – 320 p.
258. Torbakov I. History, memory and national identity: understanding the politics of history and memory wars in post-Soviet lands // *Demokratizatsiya*. – Washington, 2011. – Vol. 19, № 3. – P. 209–232.

259. Velleman J.D. Narrative explanation // The philosophical review. – N.Y., 2003. – Vol. 112, N 1. – P. 1-25.
260. We. Celebrations. The state: A sociological study of how national holidays are celebrated. – Riga, 2008. – 202 p.
261. Weeden L. Ambiguities of domination : politics, rhetoric, and symbols in contemporary Syria. – Chicago : Univ. of Chicago press, 1999. – 244 p.
262. Zorin A. Are we having fun yet? Russian holidays in the post communist period. – 1998. – Mode of access: <http://web.stanford.edu/group/Russia20/volume/pdf/zorin.pdf> (Дата обращения: 20.09.2014.)
263. Абрамян Л. Время праздника // «Отечественные записки». – М., 2003. – №1 – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/oz/2003/1/2003_01_15.html (Дата обращения: 28.10.2012.)
264. Абрамян Л.А. Первобытный праздник и мифология. – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1983. – 231 с.
265. Абрамян Л.А., Шагоян Г.А. Динамика праздника: структура, антиструктура, гиперструктура // Этнографическое обозрение. – М., 2002. – № 2. – С. 37-47.
266. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 480 с.
267. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: НЛЮ, 2014. – 328 с.
268. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - 368 с.
269. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. – Т. 1-3. – М., 1865-1869.

270. Ачкасов В.А. Роль политических и интеллектуальных элит посткоммунистических государств в производстве политики памяти // Символическая политика. – М., 2012. – Вып. 1. – С. 126-148.
271. Банфи А. Философия искусства / Предисл. К. М. Долгова; Пер. с итал. Г.П. Смирнова.— М.; Искусство, 1989.— 384 с.
272. Барт Р. Мифологии / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. – М.: Академический Проект, 2010. – 351 с.
273. Батай Ж. Запрет и трансгрессия / Пер. с фр. Е. Герасимовой. – 2003. – Режим доступа: <http://vispir.narod.ru/bataj2.htm> (Дата обращения: 18.01.2012.).
274. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – 2-е изд. – М., 1990. – 543 с.
275. Безбородов М.И. Основные принципы церковно-государственных отношений в социально-политической доктрине РПЦ // Политэкс. – СПб., 2010. – №2. – С. 265-273.
276. Безбородов М.И. Русская православная церковь в современной России. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. – 160 с.
277. Бенифанд А.В. Праздник: сущность, история, современность. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. – 144 с.
278. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
279. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Пер. с фр. С.Н. Зенкина. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.
280. Бордюгов Г.А. Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 256 с.
281. Бородатова А. А., Абрамян Л. А. Август 1991: праздник, не успевший развернуться // Этнографическое обозрение. – М., 1992. – № 3. – С. 47–58.

282. Бурдьё П. О производстве и воспроизводстве легитимного языка. – М., 2005. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?numid=23&article=1040> (Дата посещения: 18.01.2012.)
283. Бурдьё П. О символической власти // Бурдьё П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; Отв. ред. перевода Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – С. 87-96.
284. Бурдьё П. Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и Послесл. Н.А. Шматко. — СПб.: Алетейя, М.: «Институт экспериментальной социологии», 2001 г. — 562 с.
285. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдьё П. Начала. Choses dites / Пер. с фр. Шматко Н.А. - М.: Sociologos, 1994. – С. 181–207.
286. Бурдьё П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. — М. : Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. — 288 с.
287. Буслев Ф.И. Трехдневное празднование во Флоренции шестисотлетнего юбилея Данта Аллигери. – М., 1896. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/buslaev/buslaev_trehdnevnoe.html (Дата обращения: 13.03.2014.)
288. Вакан Л.Ж.Д. Дюркгейм и Бурдьё: Общее основание и трещины в нем // Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. – С. 179-196.
289. Власть времени: социальные границы памяти / Под ред. В.Н. Ярской, Е.Р. Ярской-Смирновой. – М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2011. – 223 с.

290. Волков В.В. О концепции практик(и) в социальных науках // Полис. – М., 1997. – №6. – С. 9-23.
291. Волков Д. «ОккупайАбай» – уличный протестный лагерь в Москве в мае 2012 года глазами его участников // Вестник общественного мнения. – М., 2014. – № 1–2 (117). – С. 155-197.
292. Гайдар Е.Т. Власть и собственность: Смуты и институты. Государство и эволюция. – СПб.: Норма, 2009. – 336 с.
293. Генкин Д.М. Массовые праздники: Учеб. пособие для студентов ин-тов культуры. – М.: Просвещение, 1975. – 256 с.
294. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. – 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.
295. Гирц К. Интерпретация культур. – М.: РОССПЭН, 2004. – 560 с.
296. Глебкин В.В. Ритуал в советской культуре. – М.: «Янус-К», 1998. – 240 с.
297. Глебкин В.В. Ритуал в советской культуре. – М.: «Янус-К», 1998. – С. 168.; National day's:
298. Горбачев П.О. День народного единства: Исторические основания // История в подробностях. – М., 2010. – №5. – С. 8-11.
299. Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. – М.: Искусство, 1981. – 358 с.
300. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. / Вступ. ст. А. М. Бабкина. – М.: ГИС, 1955. – Т. 1. – 627 с.
301. Делёз Ж. Платон и симулякр // Делёз Ж. Логика смысла / Пер. с фр. Я.И. Свирского. – М.: Академический Проект, 2011. – С. 328-345.
302. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана.— М.: Канон, 1995. – 352 с.
303. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана.— М.: Канон, 1995. – 352 с.

304. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология / Пер. с англ., нем., фр. Сост. и общ. ред. А.Н. Красникова. – М., 1998. – С. 174-231.
305. Ефремова В.Н. День народного единства: изобретение праздника // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Ред. кол.: О.Ю. Малинова – гл. ред. и др. – М., 2012. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – С. 286-300.
306. Ефремова В.Н. Новые государственные праздники России и их осмысление в официальном политическом дискурсе // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – Пермь, 2011. – № 3 (15). – С. 53-65.
307. Жигульский К. Праздник и культура. Пер. с польск. – М.: Прогресс, 1985. – 336 с.
308. Здравомыслова Е., Темкина А. Октябрьские демонстрации в России: От государственного праздника к акции протеста // Сфинкс. – СПб., 1994. – №2. – С. 76-99.
309. Зевелев И. Границы русского мира // Россия в глобальной политике. – М., 2014. – Т. 12, №2. – С. 40.
310. Зевелев И. Новая внешнеполитическая доктрина России // Ведомости. – 7 апреля. – М., 2014. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/24981841/novaya-vneshnyaya-politika-rossii> (Дата обращения: 23.10.2014.)
311. Зенкин С. Критика нарративного разума // НЛЮ. – М., 2003. – № 59. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/59/zen.html> (Дата обращения: 23.04.2013.)
312. Зенкин С. Работы о теории: Статьи. – М.: НЛЮ, 2012. – 560 с.
313. Идентичность как предмет политического анализа: Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции

- (ИМЭМО РАН, 21 – 22 октября 2010 г.). / Отв. ред.: И. С. Семенов, Л. А. Фадеева. – М. : ИМЭМО РАН, 2011. – 299 с.
314. Империя и нация в зеркале исторической памяти: Сб. ст. / Под ред. А. Семенова, И. Герасимова, М. Могильнер. – М: Новое издательство, 2011. – 416 с.
315. Историческая политика в XXI веке / Под ред. А. Миллер, М. Липман. – М.: НЛЮ, 2012. – С. 328-367.
316. Каган М.С. Философская теория ценности. – СПб.: Петрополис, 1997. – 205 с.
317. Калачева О.В. Формирование индивидуальной и коллективной идентичности в контексте неофициального праздника (на примере празднования Дня рождения в России советского и постсоветского периодов) : автореферат дис. ... кандидата социологических наук : 22.00.04 / НИУ ВШЭ. – Москва, 2003. – 24 с.
318. Кассирер Э. Избранное: Индивид и космос. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – 654 с.
319. Киселев К. Символическая политика власти в период президентства Д.Медведева. – 2011. – Режим доступа: <http://www.echoekb.ru/blogs/2011/3/4/1/1234/495/> (Дата обращения: 11.04.2012).
320. Киселев К.В. Выборы и символическая политика в Российской Федерации // Муниципальная служба. – Екатеринбург, 2005. – №3. – С. 47-53.
321. Киселев К.В. Символическая политика: власть vs общество. – Екатеринбург: Изд. дом «Дискурс-Пи», 2006. – 132 с.
322. Копосов Н. Память строгого режима: История и политика в России. – М.: НЛЮ, 2011. – 320 с.
323. Королев С.А. «Национальная идея» как инструмент электорального воздействия: Управляемая демократия в поисках идеологической опоры // Режим Путина, идея и практика / Голосов

- Г.В., Бляхер Л.Е., Коктыш К.Е. и др. – М.: В. Секачев, 2005. – С. 79-193.
324. Кудайбергенов Б.К., Иванов О.Е., Сапронов П.А. Культура современных праздников и обрядов. – Элиста: Калмыкское книжное изд-во, 1986. – 71 с.
325. Лаврикова И.Н. Краткий экскурс в теорию праздника // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Культурология. – Челябинск, 2011. – № 2 (217), Вып. 20. – С. 74–78.
326. Лаврикова И.Н. Политический праздник в системе культуры: Науч. монография. – 2-е изд., доп. – Тверь, 2013. – 242 с.
327. Лаврикова И.Н. Сфера праздничного – зона идеологического // Свободная мысль. – М., 2012. – № 3-4. – С. 187-194. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/svobodnay_misl/3-4-2012/17.pdf (Дата обращения: 06.12.2013.).
328. Леви-Стросс К. Мифологии: в 3 т. – М.: Университетская книга. – Т. 3: Происхождение застольных обычаев. – 461 с.
329. Леви-Стросс К. Первобытное мышление / Пер., вступ. ст. и прим. А. Б. Островского. – М.: Республика, 1994. — 384 с.
330. Ленин В.И. Маевка революционного пролетариата // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Т. 23. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1973.– С. .236-305.
331. Литвинова М.В. Социокультурная динамика массовых праздников и зрелищ. – Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2003. – 156 с.
332. Лихачев Д.С. Смех в древней Руси // Лихачев Д.С. Избранные работы: в 3-х т. – Л.: Худож. литература, 1987. – Т.2. – С. 343-418.
333. Лосев А.Ф. Логика символа // Лосев А.Ф. философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – С. 247-274.
334. Лотман М.Ю. Память в культурологическом освещении // Лотман М.Ю. Семиосфера. – СПб.: Искусство–СПБ, 2010. – С. 673-676.

335. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства, (XVIII-начало XIX века). – 2-е изд., доп. – СПб.: Искусство-СПБ, 2011. – 413 с.
336. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: «Искусство-СПБ», 2010. – 704 с.
337. Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Лотман Ю.М. Чему учатся люди. Статьи и заметки. – М.: Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2010. – С. 293-308.
338. Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. – М.: Праксис, 2005. — 256 с.
339. Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление. – М.: Наука, 1978. – 393 с.
340. Малинова О.Ю. День Победы – вечная память // Российский совет по международным делам. – М., 2014. – 8 мая. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3652#top (Дата посещения: 12.08.2014.)
341. Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России: Монография / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед., Отд. полит. науки. – М., 2013. – 421 с.
342. Малинова О.Ю. Концепт идеологии в современных политических исследованиях // Политическая наука: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки., Рос. ассоц. полит. науки; Ред. и сост. вып. Малинова О.Ю. – М., 2003. – №4: Политическая идеология в современном мире. – С. 8-29.
343. Малинова О.Ю. Официальная риторика и конструирование национального прошлого: Анализ тематического репертуара памятных речей президентов РФ (2000-2013 гг.) – В печати.
344. Малинова О.Ю. Политическое использование символа Великой Отечественной войны в постсоветской России: Эволюция дискурса

- властвующей элиты // Прошлый век / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед., Отд. полит. науки.; Ред колл.: Миллер А.И., гл. ред., и др. – М., 2013. – Вып. 1. – С. 158-186.
345. Малинова О.Ю. Почему идеи имеют значение? Современные дискуссии о роли «идеальных» факторов в политических исследованиях // Политическая наука. – М., 2009. – № 4. – С. 5-24.
346. Малинова О.Ю. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология. – Ростов-на-Дону, 2013. – №1. – С. 114-130.
347. Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Политические исследования. – М., 2010. - № 2. – С. 90-105.
348. Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование политической макроидентичности в постсоветской России: от 1990-х к 2000-м // Материалы V Всероссийского конгресса политологов: Изменения в политике – политика изменений: стратегии, институты, акторы, Москва, 20-22 ноября 2009 г. Доклады у участников конгресса. – М.: ИНИОН, 2009. - 1CD-ROM.
349. Малинова О.Ю. Символическая политика: Контурь проблемного поля // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.- информ. исслед. Отд. полит. науки; Отв. ред.: Малинова О. Ю. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М., 2012. – С. 5-16.
350. Малинова О.Ю. Символическая политика: Контурь проблемного поля // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.- информ. исслед. Отд. полит. науки; Отв. ред.: Малинова О. Ю. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М., 2012. – С. 5-16.

351. Малиновский Б. Магия, наука и религия / Пер. с англ. П. Хомики; под ред. О. Артемовой. – М.: Рефл-бук, 1998. – 304 с.
352. Мамардашвили М., Пятигорский А. Символ и сознание: Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 224 с.
353. Международный женский день // Ярская-Смирнова Е.Р., Карпова Г.Г. Словарь гендерных терминов. – Режим доступа: <http://www.owl.ru/gender/110.htm/> (Дата обращения: 10.03.2009.)
354. Методы анализа текста и дискурса / С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак, Е. Виттер; Пер. с англ. – Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009. – 356 с.
355. Миллер А.И. Историческая политика в России: новый поворот? // Историческая политика в XXI веке / Под ред. А. Миллер, М. Липман. – М.: НЛЮ, 2012. – С. 328-367.
356. Миллер А.И. Политические символы и историческая политика // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Ред. кол.: О.Ю. Малинова – гл. ред. и др. – М., 2012. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – С. 164-174.
357. Миллер А.И. Россия: власть и история // Pro et Contra. – М., 2009. – №3-4, май - август. – С. 6-23.
358. Миронов В. 23 февраля. История фальсификации // Новый часовой. – СПб., 1994. – № 1. – С. 39-42.
359. Мисюров Д.А. Политическая символика: между идеологией и рекламой // Политические исследования. – М., 1999. - №1. – С. 168-185.
360. Мисюров Д.А. Символическое моделирование и общественное развитие // Политэкс. – СПб., 2009. – Т. 5, № 3. – Режим доступа: <http://www.politex.info/content/view/605/> (Дата обращения: 12.03.2014.)

361. Морозов В. Охранительная модернизация Дмитрия Медведева. Некоторые размышления по поводу ярославской речи // Неприкосновенный запас. – М., 2010. – № 6. – С. 307–320.
362. Морозов В. Россия и другие: идентичность и границы политического сообщества. – М.: НЛЮ, 2009. – 651 с.
363. Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / Пер. с фр., послес. и коммент. А.Б. Гофмана. – М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1996. – 369 с.
364. Мухарямов Н.М. О символических началах в языке политики (прагматический аспект) // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.- информ. исслед. Отд. полит. науки; Отв. ред.: Малинова О. Ю. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М., 2012. – С. 54-74.
365. Назаров В. Что будем праздновать 4 ноября? // Отечественные записки. – М., 2004. – №5(20). – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2004/5/chto-budut-prazdnovat-v-rossii-4-noyabrya-2005-goda> (Дата обращения: 20.04.2014.).
366. Назаров В.Д. 4 Ноября. Злоключения одной российской даты // Вокруг света. – М., 2005. – № 11. – Режим доступа: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/1507/> (Дата обращения: 12.08.2014.).
367. Нарочницкая Н.А. Великие войны XX столетия: ревизия и правда истории. – М.: Вече, 2010. – 347 с.
368. Нарочницкая Н.А. За что и с кем мы воевали. – М.: Минувшее, 2005. – 79 с.
369. Национальные истории в советском и постсоветских государствах. /Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Предис. Ф. Бомсдорфа. Изд. 2-е, испр. и дополн. — М.: Фонд Ф. Науманна, АИРО-XX, 2003. – 432 с.

370. Некрылова А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: Конец XVIII–начало XX века. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 256 с.
371. Образ России в мире: становление, восприятие, трансформация / Отв. ред. Семенов И.С. Колл. авт.: Вайнштейн Г.И., Загладин Н.В., Кисовская Н.К., Лапкин В.В., Малинова О.Ю., Панов П.В., Пантин В.И., Семенов И.С., Фадеева Л.А., Чугров С.В. - М.: ИМЭМО РАН, 2008 - 152 с.
372. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1997. – 763 с.
373. Орлов О.Л. Праздничная культура России. – СПб., 2001. – 160 с.
374. Ослопова В.О. Новогоднее обращение главы государства к народу как жанр политического дискурса // Вестник Томского университета. — Томск, 2009. – №329.– С. 19-20.
375. Первое мая // БСЭ. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Первое%20мая/> (Дата обращения: 23.06.2014.)
376. Пирс Ч.С. Что такое знак? / Пер. А.А. Аргамаковой; Под ред. Е.В. Борисова // Вестник Томского университета. Серия: Философия. Социология. Политология. – Томск, 2009. – № 3 (7). – С. 88-95.
377. Подвинцев О.Б. Идеологический багаж российской власти в преддверии реформирования правящего тандема // Вестник Пермского университета. Серия: «Политология». – Пермь, 2011. – Вып. 4(16). – С. 16-22.
378. Политическая идентичность и политика идентичности / Отв. ред.: И. С. Семенов. – Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2011. – 208 с.

379. Политическая идентичность и политика идентичности / Отв. ред.: И. С. Семененко. – Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. М.: Российская политическая энциклопедия, 2012. – 471 с.
380. Потебня А.А. О купальских огнях и сродных с ними представлениях.- 2-е изд.- Харьков, 1914.- 245 с.
381. Поцелуев С.П. «Символическая политика»: К истории концепта // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.- информ. исслед. Отд. полит. науки; Отв. ред.: Малинова О. Ю. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М., 2012. – С. 17-53.
382. Поцелуев С.П. Символическая политика: констелляции понятий для подхода к проблеме // Полис. – М., 1999. – № 5. – С. 62–75.
383. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. – М.: Искусство, 1976. – 183 с.
384. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники: Опыт историко-этнографического исследования. – М.: Лабиринт, 2009. – 176 с.
385. Пшизова С.Н. За спиной партийных вождей: спин-доктор у руля // Политические партии и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах / Под ред. Ю.Г. Коргунюка, Е.Ю. Мелешкиной, Г.М. Михалевой. – М.: КМК, 2010. – С. 15-16.
386. Рольф М. Советские массовые праздники / Пер. с нем. В.Т. Алтухова. – М.: РОССПЭН: Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. – 440 с.
387. Семененко И.С. Дилеммы национальной идентичности: политические риски и социальные приобретения // Полис. – М., 2009. – № 6. – С. 8-23.
388. Сенявский А., Сенявская Е. Вторая мировая война и историческая память: образ прошлого в контексте современной

- геополитики // Вестник МГИМО – Университета. – М., 2009. –
Специальный выпуск, август. – С. 299–310.
389. Сенявский А., Сенявская Е. Историческая память о войнах XX в.
как область идейно-политического и психологического противостояния
// Отечественная история. – М., 2007. – № 2. – С. 139–151; № 3. – С.
107–121.
390. Согрин В.В. Политическая история современной России. 1985-
2001: от Горбачева до Путина. – М.: Весь мир, 2001. – 272 с.
391. Соловьев А.И. Культура власти современного российского
общества. - М., 1992.
392. Соловьев А.И. Политическое сознание и политическая культура. -
М.: Знание, 1991. – 62 с.
393. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. II. —
СПб., 1902.
394. Тайлор В. Первобытная культура / Пер. с англ. – М.: Политиздат,
1989. – 573 с.
395. Тен Ю.П. Символы России и зарубежных государств. – Ростов-
на-Дону: Феникс, 2008. – 332 с.
396. Тернер В. Символ и ритуал / Сост. и автор предисл. В.А. Бейлис.
– М.: Наука, 1983. – 277 с.
397. Титов В.В. Символическое пространство национально-
государственной самоидентификации российской молодежи в
контексте модернизационных вызовов 21 века // Перспективы развития
политической психологии: новые направления – М., 2012 –С.215-225.
398. Титов В.В. Феномен национальной идентичности: попытка
теоретического осмысления и структурного анализа // Вестник
Пермского университета. Серия: Политология. – Пермь, 2007. – Вып. 2.
– С. 37–48.

399. Титов В.В. Эволюция концепций идентичности в социогуманитарном знании 20 века // Вестник МГОУ. – М., 2012. – №1(47). - С. 84 – 92.
400. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – Т. 3: П — Ряшка. – М., 1939. – 1424 с.
401. Топоров В.Н. Праздник // Мифы народов мира: Энциклопедия. – М.: Наука, 1980. – Т. 2. – С.329.
402. Торбаков И.Б. «Непредсказуемое» или «неопределенное» прошлое? Международные отношения и российская историческая политика // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Отв. ред.: Малинова О.Ю. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М., 2012. – С. 91-125.
403. Тэрнер В. Символ и ритуал / Сост. В.А. Бейлис и автор предисл. - М. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. – 277 с.
404. Тэрнер В. Символ и ритуал / Сост. и автор предисл. В.А.Бейлис. – М.: Наука, 1983. – 277 с.
405. Уголовное право России. Практический курс / Под общ. ред. А. И. Бастрыкина, под науч. ред. А. В. Наумова; Р. А. Адельханян и др.. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2007. — 808 с.
406. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М.Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»: Университетская книга, 2004. – 416 с.
407. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с фр. С.Ч. Офертаса; под общ. ред. В.П. Визгина и Б. М. Скуратова. – М.: Праксис, 2002. – 384 с.
408. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. –2-е изд., стер. – СПб.: Наука, 2008. – 417 с.

409. Хейзинга И. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. – М.: Прогресс, 1992. – 462 с.
410. Храмов А. Война: Политика памяти. К постановке проблемы // Посев. – М.; Frankfurt a. Main, 2010. – №4. – С.15-21; Громаков А.Ф. Победа во имя мира // Власть. – М., 2005. – №5. – С. 18-21.
411. Чичеров В.И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX веков. (Очерки по истории народных верований). – М. : Изд-во АН СССР, 1957. – 236 с.
412. Шейгал Е. Семиотика политического дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 326 с.
413. Шейгал Е.И. Многоликий нарратив // Политическая лингвистика. - Екатеринбург, 2007. – Вып. (2) 22. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/sheygal-07.htm> (Дата обращения: 24.06.2013.)
414. Шерлок Т. Опыт лакировки истории // Россия в глобальной политике. – М., 2012. – № 1. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Опыт-lakirovkiistorii-15466> (Дата посещения: 10.03.2012.).
415. Щербинин А.И. Тоталитарная идеология как управление сознанием: Учеб. пособие. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2012. – 274 с.
416. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: Symposium, 2006. – 540 с.
417. Энгельс Ф. Письмо организационному комитету международного праздника в Париже // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. – Т. 21. – 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – С. 354-355.
418. Юдин Н.Л. Социальный смысл праздника. – М.: Независимый ин-т гражданского общества, 2006. – 154 с.

419. Юдин Н.Л. Социальный смысл праздника: автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.11 / Иван. гос. ун-т. – Иваново, 2006. – 17 с.